

Максим Шторм

ЗАКОН И ЧЕСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ИЛЛЮЗИЯ ЗАКОНА

Максим Штурм

**Закон и честь. Часть
вторая. Иллюзия закона**

«Издательские решения»

Шторм М.

Закон и честь. Часть вторая. Иллюзия закона / М. Шторм —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502208-0

Все туже затягивается узел крайне загадочных событий. Столицу сотрясают волнения, убийства, потянуло запахом грязной политики... Эпоха паровых технологий ломает людей. И только Джейсон Джентри способен довести дело до конца. Но что, если в расследование вмешиваются потусторонние силы?!

ISBN 978-5-00-502208-0

© Шторм М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 2-я	6
Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Закон и честь

Часть вторая. Иллюзия закона

Максим Шторм

© Максим Шторм, 2019

ISBN 978-5-0050-2208-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-2197-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 2-я

Иллюзия закона

Глава 1

Генриетта, вздрогнув, очнулась и широко распахнула глаза. В первые мгновения она испугалась, что ослепла, и в панике едва не задохнулась. Её со всех сторон окружала тьма, что казалась всеобъемлющей и вечной. Куда ни глянь – сплошная чернота, чернее самой беспросветной ночи. Что с ней?! Что с её глазами?! Девушка, поскуливая от страха, вцепилась пальцами в лицо... И этот жест отчасти помог ей прийти в себя, заставив панику ослабить путы. Она успела заметить неясное смазанное движение у собственного носа. Пальцы. Это были её пальцы. Значит, она способна видеть. Она не ослепла. Просто находится в очень тёмном помещении, напрочь отрезанном от внешнего мира.

Дыхание со свистом вырвалось из груди девушки. Пусть страх и отступил, но исчезать никуда не собирался. Где она? И как она оказалась здесь? Генриетта соображала медленно, как заторможенная. Слово сознание включалось постепенно, частица за частицей, и она сразу не могла охватить всё происходящее. Единственное, что она точно уяснила, это то, что лежит на твёрдом холодном полу, окружённая со всех сторон тьмой и тишиной, в каком-то невидимом для глаз помещении, и что она дьявольски замёрзла и у неё от предположительно долгого лежания на одном месте затекли все члены.

Пробормотав сдавленное проклятие, Генриетта, морщась от вонзающихся в тело иголок, поднялась на ноги, водя руками из стороны в сторону, опасаясь врезаться лбом во что-нибудь твёрдое и сулящее большие неприятности. Но вокруг неё была всё та же чернильная пустота. Генриетта попробовала крикнуть, но исторгнутый пересохшей глоткой звук более напоминал хриплое воронье карканье. Она сухо закашлялась. Перед глазами заметались серые тени. Ага, она начинает привыкать в темноте. Это просто здорово, уж больно ей хотелось рассмотреть комнату, в которой она оказалась.

– Эй! – повторила попытку Генриетта, напряжённо прислушиваясь. Голос растворился в темноте. Эха не было. Значит, занимаемые ею апартаменты не особо больших размеров и с низким потолком. Хм, так где же она? В подвале? Вряд ли. Воздух достаточно свежий, а по полу тянет леденящим сквозняком. Скорее всего, обычная комната в каком-то неотопляемом доме с наглухо закрытыми дверьми и окнами. Оставалось лишь надеяться, что в полу не было открытых люков, ведущих в какую-нибудь бездну...

Впитывая проникающую в сознание информацию о месте, где находилась, Генриетта впадала во всё большее отчаяние. Беспомощно кружась на одном месте и до боли в глазах всматриваясь в шевелящуюся вокруг неё тьму, она вдруг замерла, словно наткнулась на глухую стену. Девушка застыла, повторно провела по лицу внезапно взмокшими пальцами и чуть не зарыдала в голос. Она вспомнила. Мысль, которую она все минуты после пробуждения так ненавязчиво отгоняла прочь, всё-таки смогла прорваться сквозь защитные блокады, выстраиваемые мозгом, и торжествуя расцвела в голове – её похитили. Её, чёрт бы её побрал, похитили!!! И никто иной, как сам Джек Попрыгунчик, встреченный ею на подходе к дому Джейсона Джендри, к которому она со всех ног спешила прошлой... Или позапрошлой?.. Или?.. Сколько времени она провалялась на этом твёрдом ледяном полу, накрытая вместо одеяла густым непроглядным мраком?

По щекам девушки побежали горячие слёзы, она, давясь, глотала их, всхлипывая и дрожа всем телом. Лучше бы она и не приходила в себя! В неведении заключена великая сила. Толку,

что она всё вспомнила? Генриетта, заливаясь слезами и шурша юбками, бессильно опустилась на пол. Коснувшись ягодицами ледяного, судя по всему, залитого бетоном, пола, она зашипела и торопливо переменила позу, поджав под себя ноги. И как она смогла пролежать столько времени на этом стылом полу и не околеть от холода? Или же она провела в беспамятстве не так уж и долго? А замёрзнуть на таком полу и сквозняке дело пустяковое, для этого не требуется многих часов...

Генриетта застыла, напряжённо вслушиваясь в давящую на уши тишину. Но ничего, кроме собственного прерывистого дыхания, да гулких ударов перепуганного сердечка она не услышала. Ничего. Ни внутри, ни снаружи. Где же она? В какой дыре, раз не слышно таких привычных и постоянных звуков городского шума, что обычно их даже и не замечаешь? А может, сейчас глубокая ночь? Или она где-то в одном из уважаемых районов столицы, в самой дальней и тёмной комнате какого-нибудь особняка? Или вообще за пределами города? Или, может, вдруг... Эти слова в одночасье стали самыми важными и значимыми. Они постоянно всплывали в подсознании, низводя до бессильных слёз. Девушка вытерла распухший нос рукавом кофточки и огляделась.

Вокруг неё начали проступать кое-какие очертания. Неясные серые тени то и дело двигались, словно следуя за движениями глаз. Генриетта начала различать некоторые детали обстановки, но определить точные размеры своей камеры заключения по-прежнему не могла. А вслепую бродить по комнате она всё ещё опасалась. В довершение ко всем приключившимся с ней несчастьям сломать по дурости ногу ей совсем не улыбалось. Господи, ну почему с ней вечно происходит подобное дерьмо?! Ну чем она всё это заслужила? Однажды она уже попала в схожую, совсем дрянную ситуацию и только благодаря невероятному везению смогла остаться в живых. Повезёт ли ей во второй раз, вопрос уже интересный. Генриетта была девушкой оптимистичной, но и отрицать суровые жизненные реалии не собиралась. А они таковы, что она в полной заднице.

И помимо всего прочего она подвела Джека. Мальчишка наверняка уже всю голову изломал, гадая, куда она запропастилась, а то и костерит её уже до седьмого колена! Но кто же знал, что она наткнётся на это чудовище! Генриетта в ярости стукнула кулачком по полу. Больно! Она провела ладошкой по шероховатой холодной поверхности. Ползающий по низу сквозняк жадно облизал её пальцы. Должно быть, где-то есть отдушина, подумала девушка или щель под дверь. Но где, в таком случае, сама дверь?

Если её догадка верна, то наверняка там, откуда дует гуляющий по полу сквозняк. Повернувшись в, как ей показалось, верном направлении, Генриетта крепко зажмурилась и открыла глаза, из всех сил таращась во тьму. Ну же... Не может же тут быть настолько темно! Генриетта всматривалась до тех пор, пока у неё от усилий не закружилась голова. Ей показалось, что она даже начинает видеть в нескольких шагах от себя что-то отдалённо напоминающее дверь, какой-то прямоугольник с пробивающимся внизу хиленьким серым отсветом. А может это всего лишь очередной виток в игре её возбуждённого воображения? Но проверить стоит в любом случае.

Девушка медленно, осторожно ступая по полу, двинулась вперёд. И по мере приближения к намеченной цели, ей казалось, что обдувающий лодыжки холодный ветерок всё усиливается. Дует прямо с улицы? Или же из другой комнаты, которая не столь изолирована, как эта?

Через несколько шагов вытянутые руки Генриетты упёрлись в возникшую на пути преграду. Пальцы касались чего-то деревянного. Двери! Это могут быть только они. Генриетта лихорадочно начала водить по обнаруженной поверхности ладошками и вскоре нащупала оковывающие дверь металлические полосы, железную ручку и замочную скважину. Девушка тут же присела, не отрывая пальцев от заветной дырочки, и попыталась заглянуть в скважину. Увы, она увидела одну только тьму. С обратной стороны явно был вставлен ключ. Тогда девушка прислушалась. И ничего не услышала. Ладно... Проведя ладонями по двер-

ному полотну Генриетта поняла, что дверь открывается вовнутрь, так что выбить её не стоит и пытаться. Последние мысли вызвали у попавшей в ловушку ночной бабочки горький смешок. Выбить! Ага, а как же! Силы то ей не занимать... Да размажься она в фарш по этой чёртовой двери, она не поддастся ни на йоту!

Обернувшись, Генриетта прижалась спиной к дереву и проглотила вновь навернувшиеся слёзы. Впустую. Всё впустую. Ей не выбраться отсюда. Она сидит в идеальной тюрьме. Кто знает, вдруг в ней нет даже окон? Только находившаяся за спиной дверь, преграждающая дорогу к свободе. Девушка злобно ударила пяткой по дереву. Чёрт!

И что ей делать? Сидеть и ждать, пока к ней наведается этот спятивший маньяк? А кто сказал, что он вообще придёт? Вдруг это у него такая новая прихоть – похищать девушек и сажать их в темницу, чтобы они умирали от голода и жажды? Генриетте стало дурно. А мысли о пище и воде заставили желудок напомнить о себе скребущимся урчанием. И резко захотелось в туалет. М-да, не весёленькая перспектива, подохнуть в этом холодном мешке среди собственных нечистот. Интересно, что dokonает её раньше – жажда или холод? По ночам сейчас становится особенно зябко, со дня на день мог пойти и снег, а то и морозы ударить... Положеньице, однако.

Нет. Нет, не верила она, что Джек забудет о ней. Не для того он приволок её в своё логово. Он будет играть с ней как кошка с мышью. Сразу не убьёт. Сначала натешится. Генриетта поразила как спокойно и отчуждённо она подумала об этом. Как будто всё происходит не с ней, а она лишь сторонний наблюдатель. Или она просто устала бояться? Устала постоянно жить в страхе настолько, что даже мысль о возможной смерти уже не так страшит её? Но в жизни есть вещи и пострашнее смерти, насупилась девушка. Намного страшнее. Живот скрутило резким болезненным спазмом. И вовсе не от голода. Леденящий душу страх напомнил о себе.

Генриетта до одури боялась его. Смерть... Если вдуматься, то смерть сама по себе не так уж и страшна. Все они смертны и рано или поздно костлявая придёт за каждым. Смерть всего лишь вечный сон, погружившись в который, ты уже не проснёшься. Но смерть может быть разной. Причина, по которой тебе суждено преставиться, может быть до того жуткой, что при одной только мысли о ней начинаешь трястись от страха. Генриетта не сомневалась, что захоти Джек убить её, уж он то наверняка придумает ей настолько мучительную кончину, что и врагу не пожелаешь. Поэтому ночная бабочка боялась не смерти, она боялась его. Джека Попрыгунчика. Внушающий ужас маньяк был горазд на всякие мерзкие выдумки и это страшило более всего остального.

Вообще-то Генриетта не слышала, чтобы раньше Джек занимался похищением жителей столицы. Так что же заставило его изменить своим привычкам? А с другой стороны, кто его знает... Ежедневно в огромном городе бесследно исчезают десятки людей. И возможно, Джек имеет к этому не последнее отношение. Хотя взять и исчезнуть с улиц и из жизни родных и близких намного проще, чем может показаться. Достаточно найтись какому-нибудь свихнутому на всю голову психиатру. Или же и впрямь настоящему маньяку. Но девушка не видела особой разницы между Аткинсом и Прыгуном. В чём-то они даже похожи. А может, неуловимый преступник и директор центральной психиатрической лечебницы Столицы – это одно и то же лицо?!

Генриетта подумала, что её смелое, отчасти шокирующее предположение вполне имеет право на существование. А почему бы и нет? Ну и не беда, что внешне они совсем не похожи. Мало ли какими алхимическими препаратами способен воспользоваться врач уровня Аткинса, чтобы добиться настолько разительного изменения внешности. Внутренние то повадки у них практически один в один!

Так, за невесёлыми размышлениями тянулись минуты, грозя перейти в такие же томительные и растянутые часы. В холодных застенках было всё так же темно, тихо и холодно. Генриетта порядком замёрзла и оголодала. Вдобавок дико хотелось пить и писать. Причём одно-

временно. Девушка уже и не могла сказать, чего ей хочется больше... Но как, ни странно, страх немного отступил. И не то чтобы она смирилась со своей участью и покорно сложила лапки. Просто Генриетта решила, что даром изводить себя и трястись осиновым листочком ещё хуже. Лучше загнать страх как можно глубже, шикнуть на него. В нынешней ситуации следовало держать голову кристально чистой, а мысли трезвыми. Поэтому она хоть и тряслась, но вовсе не от страха. Она боролась и боролась успешно. По крайней мере, до той поры, пока вновь не увидит Джека. И тогда, как бы она не хорохорилась, а проблема с переполненным мочевым пузырём решится сама собой. Попрыгунчик кого угодно мог испугать своим видом.

Спустя ещё нескорое время Генриетте пришла в голову идея позвать на помощь. И почему она раньше до этого не додумалась? Но, почти сорвав в бесплодных попытках голос, девушка поняла, что её никто не слышит. По крайней мере никто из готовых прийти на выручку. А что, было бы совсем неплохо лицезреть приятную и радостную картину выходящей двери, и становления на пороге статного красавца-рыцаря, примчавшегося на зов заточённой в неволи прекрасной дамы... Генриетта вволю полюбовалась столь отрадной сердцу мысленной картиной, пока с проклятьями не вернулась к мрачной, тревожной и непредсказуемой реальности. Ага, прекрасный рыцарь, как же! Только и ждёт, чтобы выручить попавшую в столь дерьмовый переплёт глупую невезучую шлюшку! Наверно, стоит, бедолага, где-то поблизости и ждёт не дожждётся воспользоваться столь редким и примечательным шансом.

Возвращаться на леденящий задницу пол во власть гуляющего сквозняка Генриетта не стала. Вместо этого она упрямо, закусив губу, нарезала строго ограниченные круги, диаметром не более трёх-четырёх шагов. Эта территория была досконально изучена и признана вполне безопасной. Непрерывная ходьба помогала отвлечься от периодически накатывающего отчаяния и здорово помогала согреться.

Обхватив себя пощёк туловища руками, и проклиная своё легкомысленное, не по сезону открытое платье, девушка шагала и шагала, беззвучно бормоча под нос отборные ругательства. Что-то, а крепких словечек и выражений за проведённые на дне столицы месяцы она нахваталась предостаточно. От столь рутинного занятия её оторвал раздавшийся за дверью шорох. Генриетта встала как вкопанная, прикипев заблестевшими глазами к угадываемому в сумраке деревянному прямоугольнику. Что это было? Ей послышалось или же снаружи действительно раздался какой-то скребущийся звук? А может, это крысы?

Генриетта, предусмотрительно вытянув руку, вновь приблизилась к двери и негромко спросила:

– Эй, там есть кто-нибудь? Меня кто-нибудь слышит? Пожалуйста, ответьте!

Прислушавшись, Генриетта невесело усмехнулась. Она чувствовала себя полной дурой. Того и смотри скоро начнёт разговаривать с шебуршащимися по углам тараканами... Но не мог же ей почудиться этот звук, не мог! Девушка прислушалась. И тут, словно отвечая её желаниям, звук повторился. Шуршание. Как будто кто-то невидимый тёрся о дверь с обратной стороны. Чёрт, да она же сама, прижимаясь к её поверхности, издаёт подобные звуки!

Генриетта, учащённо дыша, резко отпрянула в сторону. Там, снаружи, кто-то был. В этом она больше не сомневалась. И раз этот неизвестный молчал, не отвечая на её слова, то это могло означать только одно. За дверью стоял её похититель. Джек Попрыгунчик, будь он неладен!

– Если вы меня слышите, и вы добрый христианин, то заклинаю, помогите мне, пожалуйста, – горячо зашептала Генриетта, надеясь, что её голос звучит всё же достаточно громко. Она просила и умоляла, даже зная, что обращается к чудовищу. Но всегда существует вероятность ошибиться, даже когда стопроцентно уверен в своей правоте. А вдруг за дверью вовсе и не Джек?! – Пожалуйста, помогите мне. Меня похитили и заперли здесь. В замочной скважине должен быть ключ! Если... Если же вы боитесь, то сбегайте за помощью или позовите полицию... Я вас очень прошу...

По грязным щекам девушки снова покатались слёзы. Она разговаривала с дверью, обращаясь к подозрительному шороху, предполагая, что снаружи оказался случайный прохожий, пусть и не похожий на сияющего рыцаря... Господи, да она совсем из ума выжила!

– Ты так трогательно просишь избавить тебя от мучений, что я почти было повёлся на твои уговоры... – внезапно раздалось из-за двери. – Ты умеешь убеждать, милашка. Вот только... На меня подобные слова не действуют, хе-хе!..

Мерзкий, скребущий по ушам затупленными когтями смех заставил Генриетту вскрикнуть от ужаса. Она отшатнулась, зажимая ладонью рот. Джек! Это был его голос, его смех.

Смех Попрыгунчика напоминал отвратительное кудахтанье. Генриетте стало противно до тошноты. Как может у человека быть такой смех? Такой голос? На взгляд девушки смех маньяка напоминал богопротивный лай очеловеченной гиены.

– Выпустите меня, выпустите... – Генриетте заскребла ногтями по твёрдому дереву, немилосердно губя броский маникюр. – Я никому не скажу, что видела вас. Никто не узнает об этом месте. Клянусь всем святым, что у меня есть!..

– Грязная потаскушка клянётся святынями? – оборвал хихиканье Попрыгунчик. – Что у тебя осталось святого, крошка? Ты, верно, хочешь надуть меня, проказница! Ха!

Генриетта обессиленно смежила веки. Перед закрытыми глазами замелькали разноцветные круги. В голове зашумело. Он издевается над ней. Глумится. Дальше будет только хуже. Наверняка от слов это чудовище перейдёт к действиям. Интересно, как далеко он способен зайти, изощряясь в пытках? Или же он будет насиловать её? Против воли Генриетте судорожно всхлипнула.

Видимо, со слухом у Джека проблем не было, поскольку он тут же сказал:

– Да не плачь ты. Чего ты ревёшь? Ты что – боишься меня?

– Угуу-у... – у девушки затряслись губы, она даже слова не смогла из себя выдавить.

– Зря-зря-зря... Я не причиняю вреда таким красоткам, как ты. Правда. Тебе не стоит меня бояться. Знаешь, даже обидно, когда все вокруг принимают тебя за бесчувственное злобное чудовище. За ужасного монстра. Тебе не кажется, что это несправедливо? Я вовсе не чудовище! Эй, ты чего замолчала?

Генриетта же подумала, что её дело совсем плохо. Похоже, Джек окончательно выжил из ума. И как с ним общаться, чтобы ненароком не вызвать его гнев?

– Ладно, не хочешь, не отвечай. Но предупреждаю – вечно ты молчать не будешь. Когда мы начнём с тобой играть в развивающие игры для взрослых мальчиков и девочек, ты ни на секунду не закроешь свой хорошенький ротик.

Девушка покрылась холодной испариной. Вот оно, то, чего она опасалась больше всего. Она не удержалась от очередного всхлипывания:

– Я... Я прошу вас, сэр, не причиняйте мне боли... Отпустите меня, ну пожалуйста... Зачем я вам? Я же обычная и ничем не примечательная! Почему именно я?!

– Хороший вопрос... – в гортанном голосе Джека послышалось искреннее недоумение. – Не буду вилять хвостом, красотка, и врать, что запал исключительно на твои буфера... Признаться, я не склонен приглашать незамужних дам к себе в апартаменты. Но ради тебя я сделал исключение. Как-никак мы с тобой чуть ли не старые давние знакомые. Если не больше.

– Я и понятия не имею, о чём вы! – выпалила Генриетта, всё больше убеждаясь в сумасшествии Прыгуна. – Я никогда вас и в лицо не видела!

– Верно, но тем не менее у нас есть кое что общее. Мы одинаково пахнем.

Вот тут Генриетта впала в полнейший ступор. Он неверяще смотрела во тьму, пытаясь переварить последние слова Джека. Подняла руку, морща носик, понюхала подмышку и обречённо покрутила пальцем у виска. О чём он вообще? Неужели о том, что ей срочно нужно принять ванну?! Полный бред! Хотя, если он решил поработать с ней... Девушка окончательно приуныла.

– Признаться, сначала я не поверил своему носу... Но у меня, знаешь ли, чутьё, как у ищейки, и я привык полагаться на него, – разоткровенничался невидимый для дрожащей от холода и страха девушки Джек. – Теперь я вижу, что не ошибся. Ты исключительно пахнешь, дорогуша. Сама по себе вкусно и маняще. О, ты источаешь божественные ароматы страха, отчаяния, обиды и злости... Но помимо прочего ты обладаешь ещё одним интересным запахом.

– Совсем как ты? – брякнула Генриетта прежде, чем подумала о последствиях. Впрочем, чего она ему выкает? Поди не лорд, перебьётся. Попытаться воззвать к состраданию этого зверя пустое занятие. Так почему бы не попытаться поговорить с ним на равных? – Я не понимаю, о чём ты. Какой запах? Что ты во мне учуял такого особенного?

– Родственные связи, – без тени иронии ответил Джек.

Генриетта расхохоталась. Она смеялась и смеялась, пока не начала плакать. Её просто разбила всё это время копившаяся и требующая выхода истерика.

– Р-род-дственные с-связи? – согнувшись пополам от скрутивших её спазмов, насилу выдавила девушка, хватая ртом прохладный воздух темницы. – Боже, да я большей чуши в жизни не слыхала! Эй!..

Смех словно сорвал с глаз Генриетты непроницаемую завесу. Чёрт, а что если... Что если Джек просто перепутал её с кем-то?!

– Послушай, тебе не кажется, что произошла досадная ошибка, а? – с надеждой спросила, обращаясь к запертой двери девушка. – Тебе же наверняка нужна не я, а другая девушка. Ты спутал меня со своей давней знакомой или там с родственницей, не знаю... Я что, так уж и похожа на твою сестрёнку?

За дверью послышался какой-то шорох и сдавленная ругань. Очевидно, слова Генриетты на фоне разыгравшейся истерике не пришлись Попрыгунчику по вкусу. Девушка опасливо умолкла, напряжённо вслушиваясь в повисшую в темноте тишину.

– Идиотка! – похоже, Джек разозлился. – Ты тупая недалёкая проститутка, что ты вообще можешь понимать в родственных связях? Ты хоть знаешь, какого это – быть частью кого-то, мирясь с тем, кем ты стал?! Ты же полная дура! Как ты вообще можешь что-либо понять?!

Дикий рёв Попрыгунчика едав не сорвал двери с петель. Генриетта от страха сжалась, прикусив язык. Что так вывело его из себя? Что он несёт? Какую-то тарабарщину!

– Прости, прости! Я не хотела обижать тебя, – зачастила Генриетта. – Ты прав, я ничего не могу понять. Ну так объясни мне, чёрт тебя дерь, в чём всё-таки дело и чего тебе от меня надо? Хватит этих странных намёков. Повторяю, я тебя знать не знаю, и ты не похож ни одного из моих родственников. И я лично не в курсе, чтобы мои родители нагуляли на стороне неизвестного мне братца!

– Сдаётся мне, нам нужно поговорить лицом к лицу, – внезапно с поразительным спокойствием хрипло сказал Джек. – Сейчас я войду к тебе. Но не пытайся сбежать. Твои попытки ни к чему хорошему, для тебя, не приведут. Я сверну тебе шею как курёнку, ты и пикнуть не успеешь.

В замочной скважине с воистину громогласным для насмерть перепугавшейся Генриетты скрипом повернулся ключ. Он хочет войти к ней! Войти! Девушка застыла на одном месте, судорожно сжимая и разжимая кулаки. Она и представить не могла, что испугаться можно ещё сильнее. Но она испугалась.

С противным визгом давно не смазываемых петель дверь отворилась. В темницу проник серый свет, показавшийся для глаз Генриетте ослепительно ярким. Тут же, в дверном проёме, возникла долговзая фигура, бросая огромную чёрную тень на пол. Генриетта невольно попятилась.

– Не дёргайся и закрой глаза, – рыкнул Джек, входя в комнату. – Сейчас я зажгу свет.

Генриетта послушно зажмурилась. Она слышала, как Попрыгунчик с громким треском захлопнул за собой дверь и, сопя, начал чиркать спичками. Запахло горячей серой, послышался металлический скрип. Девушка подняла веки. В комнате запылал прикрученный справа от двери газовый рожок. Джек пальцами раздавил горящую спичку и надел на рожок стеклянный колпак. Повернулся к замершей Генриетте и, ухмыляясь, сказал:

– Привет, подруга.

Девушка смотрела на него во все глаза. Высоченный, за семь футов, в длинном замызганном пальто и стоптанных сапожищах, с заскорузлым цилиндром на кудлатой голове, он был похож на опасного матёрого уголовника и опустившегося бродягу одновременно. Длинные, почти до колен, обезьяньи руки с поросшими чёрными волосами толстыми пальцами, словно вырубленное из камня грубое скуластое лицо, обрамлённое жёсткими лохматыми бакенбардами, крючковатый нос, неприятно изгибающиеся в постоянном движении мясистые губы. Глаза... Глаза были самым страшным и отталкивающим в облике здорового маньяка. Таких глаз Генриетта отродясь ни у кого не видела. Огромные, раза в два больше обычных, навывате, круглые как у совы, жёлтые, в багровых прожилках, с вытянутыми чёрными зрачками. Глаза зверя, хищной ночной птицы, глаза демона из преисподней. Генриетта почувствовала, что тонет в них. Встряхнув головой, она яростно стиснула зубы. Нет, так не пойдёт. Она не собирается поддаваться наваждению. Пусть этот монстр сколько угодно сверлит её своим глазами, она не уподобится жабе, покорно вползающей в разинутую пасть голодной змеи.

– Эй, чего застыла? Никак увидела кого-то необычного и странного? Хм, а ведь кроме нас здесь никого нет! – Джек, ехидно посмеиваясь, с преувеличенным вниманием посмотрел через плечо. – И за спиной у меня никто не прячется! Мы с тобой одни в этом гнездышке. Конечно, не королевские палаты, но сойдёт.

Генриетта, оторвавшись от разглядывания Попрыгунчика, огляделась. Они находились в довольно просторной комнате с голыми кирпичными стенами и невысоким, с затянутыми вековой паутиной балками потолком. Окон в комнате, как и предполагала девушка, не было. Пол был покрыт пылью с отпечатками множества следов. Генриетта сразу сообразила, что кроме отпечатков её узких маленьких туфель, и отпечатков огромных сапожищ Джека, иных следов не было и в помине. Место, где она лежала, выглядело большой проплешиной в сером пыльном море. Комната была завалена всяким хламом: сломанные стулья, какие-то коробки, огрызки веревок, струганные доски, пара туго набитых завязанных мешков, какое-то тряпье. В одном тёмном углу стоял растрескавшийся комод, в другом в беспорядке были навалены пустые стеклянные бутылки. Больше всего комната напоминала старую, давно никем не используемую кладовку, в которую заглядывают не чаще раза в месяц, и то лишь затем, чтобы добавить к грудам хранившегося здесь никчёмного скарба очередную списанную в утиль вещь. Разглядеть что-либо ещё мешал скудный рассеянный свет маломощного газового рожка. Насколько видела девушка, рожок у двери был единственным источником освещения в её тюремной камере.

Так что получается, что Джек запер её в кладовке какого-то частного дома? Обычно, если дом пустует и заброшен, то он обносится подчистую предприимчивыми делягами. А в этом просторном чулане на взгляд Генриетты было ещё предостаточно вещей, на которые вполне могли покушаться некоторые из её знакомцев со Дна.

– Тут холодно, – сказал Генриетта, выжидающе поглядывая на своего страшного тюремщика.

– Да уж, в этой дыре отопление не предусмотрено, – пространно ответил Джек. Ответил, не оправдывая надежд Генриетты. Где это – в этой дыре? И что он конкретно имел в виду, что не отапливается только этот пыльный каменный мешок без окон, или же не отапливается весь дом целиком? Хотя на счёт всего дома вряд ли. В конце концов, газ сюда подведён. А это зна-

чит, что жилище Джека в любом случае находится в пределах городской черты. – Но не переживай, я постараюсь тебя согреть, хи-хи.

– Ты здесь живёшь? – спросила Генриетта с как можно более безразличным видом. – Милое местечко.

– Дура! – рывкнул Попрыгун, его уродливая физиономия пошла красными пятнами. Генриетта испуганно сглотнула вставший поперёк горла ком. – Ну конечно, я не живу в этой норе! В ней живёшь ты! И не пытайся таким манером выпытать, где находишься. Ты что, за идиота меня держишь, проשמандовка? Считаешь себя самой умной шлюхой в мире?!

Генриетта закусила изнутри щёку, чтобы не разреваться. Слёзы душили её, заставляя содрогаться всем телом. Сколько раз она слышала в свой адрес всяческую ругань. Сколько раз её поливали площадной бранью и грязью. Но она так и не привыкла к этому. И поэтому грубые слова Джека больно ранили её. Она была готова вновь разрыдаться, теперь уже на глазах у этого монстра, от унижения, обиды, страха и отчаяния.

– Заткнись, заткнись, я сказал! – взвыл Попрыгунчик, шагнув к ней. От его игривого настроения не осталось и следа. Он навис над опустившей руки вдоль туловища глотающей слёзы девушкой. На неё пахло могучим духом столетие не мытого тела. Да уж, Джек действительно благоухал, как помойка. И неужели он хочет сказать, что от неё воняет точно так же? – Не смей ныть, не смей!!

Он замахнулся на неё. Генриетта расширившимися от ужаса глазами уставилась на его кулак – огромный, размером с её голову, пять толстых пальцев с жёлтыми, изогнутыми наподобие когтей ногтями, сжатых до побеления костяшек. С каким-то отрешённым спокойствием Генриетта поняла, что ударь он её хотя бы раз и от неё мокрого места не останется. От соприкосновения этого чудовищного кулака с её головой, у неё позвоночник ссыплется в трусы. Приготовившись к смерти и напрочь забыв о вынашиваемых планах сопротивления, девушка крепко зажмурилась.

Но удара так и не последовало. Она услышала гулкое, хрипящее дыхание, раздраемое грудную клетку маньяка. Джек застыл в нескольких дюймах от неё, со свистом втягивая в широкие вывернутые ноздри холодный воздух, и бешено вращал налившимися кровью глазами. Она даже и представить себе не могла, чего стоило Попрыгунчику удержаться от того, чтобы не ударить её. Джек сам себе не верил. Ещё минуту назад ему казалось, что он раз и навсегда сотрёт со смазливой зарёванного личика этой хитрожопой шлюхи, вздумавшей водить его за нос, всю штукатурку. Он уже почти послал кулак в цель. Почти. Что-то опять остановило его, не позволило проломить её никчёмную тупую черепушку. Он не мог убить её. Попрыгун склонился к золотым волосам девушки и глубоко вдохнул. Запах. Вот в чём вся причина.

– Не испытывай моего терпения... И не вздумай реветь. Чшшш... – горячее прерывистое дыхание склонившегося над ней маньяка обжигало макушку Генриетты, а смрадное дыхание вызывало тошноту. – Чшшш... Слушай меня очень внимательно и запоминай. Тебя никто не спасёт. И тебе не сбежать. Даже и думать забудь об этом. Я не хочу, чтобы в твоей голове зарождались подобные идеи, поняла? Я не убью тебя. Если ты меня не вынудишь. А тебе лучше этого не делать. Потому что я буду убивать тебя медленно...

Джек противно захихикал, брызжа на полумёртвую от страха Генриетт вязкой слюной. Запрокинув голову, он засмеялся громче. Скребуший по ушам, мерзкий, рокочущий хохот Попрыгунчика разносился по всей комнате, отражаясь от завешанного грязной паутиной потолка. Генриетту чуть не вывернуло наизнанку. Только бы не зареветь, только бы не зареветь, вонзив ногти в ладонки, беззвучно причитала она, глядя себе под ноги.

– Надеюсь, мы договорились. Тебе придётся какое-то время провести у меня в гостях, так что сама понимаешь... Придётся нам как-то уживаться. Делить одну кровать на двоих! Ха-

ха! Ладно, сучка, не вздумай обмочиться от страха, я чувствую, ты уже на пределе... Вообще-то, я редкий гость в этом клоповнике и тебе не придётся постоянно терпеть моё общество.

– Зачем я тебе? – обескровленные под яркой вызывающе алой помадой губы девушки дрогнули сами собой. – Я не понимаю...

Ответ Джека-Попрыгунчика огорошил её.

– Я и сам ещё не знаю, что мне с тобой делать, – с немалой досадой проворчал он. – Ты будешь ждать, пока я не придумаю. Я принесу тебе одеяло, чтоб ты не мёрзла, и ведро. Жратвы подкину, так что и с голоду ты не сдохнешь. А там посмотрим, киска. И не трясись ты так! Я не буду подглядывать... Твои прелести меня волнуют намного меньше, чем твой запах...

Его уволят. Как пить дать уволят. Выгонят с позором и без возможности возврата на службу. Чёрт, да с той характеристикой, что ему накачают в качестве доброго напутствия, его даже не возьмут сторожем на омнибусную стоянку! И это он ещё легко отделается. Если же ему впарят служебное взыскание по полной с обязательной в судебном порядке выплатой за материальный ущерб, нанесённый городу, то даже прозябание на хлебе и воде не спасёт – таких денег Джентри и за десять жизней не заработать. А она у него одна. И, похоже, зашедшая в конкретный тупик.

Джентри был мрачнее тучи. Только спустя какое-то время, когда ушла горячка и взведённые нервы малость поуспокоились, до него стала доходить вся нелицеприятная палитра только что произошедшего. Да, он выполнял приказ. Который официально не получал. Да, он делал всё возможное, чтобы спасти шкуру Крейга, но кому он это расскажет? Кто его будет слушать? В подобных случаях всегда находятся козлы отпущения, и Джейсон нынче как никто другой подходил на эту вакантную роль. Урон, который понёс родной город за последние дни, при непосредственном участии старшего инспектора, уже наверняка исчислялся в десятках тысяч фунтов. И это не говоря о жертвах среди мирного населения и нарушении дюжины писаных и не писаных законов. Нет, его точно уволят. Вот если б он притащил за шиворот к зданию Империял-Ярда закованного в наручники Невидимку... А так у него нет ничего. Станет ли Вустер выгораживать его или предпочтёт прикрыть собственную задницу? Вопрос, претендующий на главную тему дня!

Поневоле начинаешь задумываться о своей профессиональной состоятельности. Джентри скорчил кислую мину. Теряет хватку, стареет? Или просто не везёт? Последнее, в общем-то, при его работе явление достаточно частое. И настолько нелюбимое начальством, что оно, при очередном провале, и слушать не желает никаких оправданий. Не повезти может при игре в карты. В работе полицейского из отдела по расследованию убийств самого слова «невезение» не должно существовать.

Старший инспектор зевнул и уныло уставился в большущее панорамное окно, из которого открывался превосходный вид на внутренний испытательный полигон штаб-квартиры Объединённого Совета Учёных. Джентри искренне порадовался, что его пустили в вестибюль, не оставив мёрзнуть на улице. В вестибюле было тепло, войдя внутрь, он тут же расстегнул пальто. А вот снаружи... Погода вконец испортилась. Зябкий пронизывающий ветер всё крепчал, тучи окончательно заслонили небо, в наглуую перекрыв дыхание солнцу. В воздухе мельтешила мерзкая холодная морось, скорее даже пыль, почти не заметная, но моментально оседающая на лице и одежде противной ледящей влагой. Джентри заложил руки за спину, держа в пальцах шляпу.

Было начало второго, они без дальнейших проволочек прибыли в Блумбери, а Джентри оголодал как волк. Насыщенные утренние часы разожгли в нём зверский аппетит. Но он не позволил себе ни на минуту отвлечься от основной задачи. Пока они с Крейгом тряслись в плацкартном вагоне допотопного поезда, следующего по курсу Столица – Блумбери – Кёркшир, пока ёжились в продуваемой ветром кабине старенького кэба, везущего их к расположенным

за городской чертой зданиям Совета, Джентри был как сжатая пружина, не убирая пальцы с рукояток револьверов. Мало ли что...

Бёрка вместе с «Триганом» пришлось отпустить. Дальше следовать в примелькавшейся машине было опасно. Они распрощались на западном вокзале. Бёрк умчался писать рапорт и краснеть перед наверняка уже знающим все подробности их разгромного вояжа Вустером, а Джентри с учёным вовремя успели вскочить в вагон уходящего состава, запряжённого чадящим, как извергающийся вулкан и лязгающим, словно закованный в доспехи слон, паровозом одной из самых первых, уже не выпускаемых моделей. Тихоходный и прозорливый, тем не менее, он отличался достаточной надёжностью и неприхотливостью. Правда об удобствах и скорости мечтать и не приходилось. Тут древнему железно-колёсному ящеру и тягаться не приходилось с комфортным прытким «Триганом»...

Джентри всю оставшуюся дорогу снедали недобрые предчувствия. И даже теперь, когда они находились в центральном здании Совета, под защитой толстенных стен и закалённых ударопрочных окон, Джейсон никак не мог успокоиться. Молодой человек нервно вышагивал по звенящим от его поступи мраморным плитам колоссального вестибюля, посматривал в занимающее чуть ли не половину лицевой стены огромное окно, расчерченное стальными стержнями переплёта, и предавался невесёлым думам. Почему-то Джентри казалось, что все неприятности последних воистину сумасшедших дней ещё не завершены. Хотя чего он дёргается? Задание он как никак выполнил, отстоял Крейга, доставил его по назначению, потом преспокойно посадит его на самый быстрый в столице дирижабль и вернётся к себе домой, а завтра на работу, к привычному образу жизни – расследования, слежки, разгадывание головоломок... Чёрт, да он же любил всё это! Ему нравилась его работа! Так в чём же дело, почему ему не по себе? Из-за чего? Из-за Крейга и наверняка очень разозлённого Невидимки? Тут уж увольте, заниматься международным террористом не его привилегия. Для этого существуют специальные службы, к коим он не имеет никакого отношения. Невидимка их головная боль. Как только Крейг скроется в небе, все обязательства Джентри исчезнут вместе с улетающим учёным.

Может, именно в этом всё и дело? Вдруг Невидимка станет преследовать Крейга и за пределами столицы? Кто его знает, насколько задето самолюбие знаменитого преступника. Но Джентри не верил в то, что Невидимка станет дальше рисковать. Он не наёмный убийца, а террорист. И смысл ему продолжать охоту за Гордоном, когда задание по его уничтожению и похищению таинственного изобретения провалено. АНА потерпели поражение. Крейг выйдет из этого здания свободным и счастливым человеком. Как он там говорил? Отдавшим рожденного в муках ребёнка на воспитание более компетентным людям. Кажется, что-то в этом роде. Да, Крейг выйдет улыбающимся и довольным, и наверняка неслабо обогатившимся на несколько тысяч фунтов. Впору позавидовать этому фрукту, усмехнулся Джентри. Ему таких денег никогда не заработать, даже перелови он всех бандитов в городе.

Ну так и почему он изводит себя? Неужели настолько опасается грядущего нагоняя? Вустер как пить дать завтра устроит ему грандиозный разнос. Перспектива быть уволенным за причинённые муниципалитету убытки достаточно реальна. Если только комиссар не сумеет отстоять его перед разъярёнными чинушами из городского правления... И снова всплывает давешний вопрос – а захочет ли Вустер принимать на свою шею все подзатыльники и плюхи? Кто ему, в конце концов, Джентри? Да никто, всего лишь один из сотни оперативников. Хороших специалистов у двора хватает, и Джентри далеко не самый лучший. Может, и самый везучий, ха! Но не лучший. Джейсон никогда не питал особых иллюзий на свой счёт. А чтобы там не говорили о том, что только он способен изловить Прыгуна... При мысли о Неуловимом маньяке Джентри помрачнел ещё больше.

Джек-Попрыгунчик. Он как заноза в заднице, колючка в пятке, опухоль в мозге. Все эти дни, что Джентри занимался Крейгом, он полностью отошёл от дела Прыгуна. Насколько понял

Джентри, приставленный вместо него Флеминг ни на шаг не продвинулся. А за прошедшие дни Попрыгунчик порядком распоясался. Сразу несколько убийств. Маленький мальчик, священник в одной из приходских церквей, цветочница с Лэйкер-стрит. И это только общеизвестный список. Никто не знает, сколько неучтённых полицией преступлений совершает это чудовище. В огромном городе ежедневно исчезают и гибнут десятки людей. Правда, почерк Джека весьма отчётлив и неповторим – жестокий, пугающий и кровавый. И Джек не боится светиться. Собственно, он никогда и не прятался. Он всегда подставлялся полиции, словно игра с догонялки доставляла ему не меньшее наслаждение, чем совершаемые им преступления! И они всё ещё не могут поймать этого свихнутого кровавого фигляра! Джейсон скрипнул зубами. Иногда ему становилось стыдно за собственную беспомощность. Он был готов отдать своё годовое жалование тому, кто сможет повязать всё время ускользающего из их рук маньяка. Правда, таких умельцев пока не наблюдалось и близко.

И чем дольше Джентри размышлял о Прыгуне, тем больше склонялся к выстроенной им версии, что он не совсем человек... Джентри не верил в чертовщину и искренне потешался над бульварным чтивом. Он всей душой недолюбливал жёлтую прессу, каждый день страшающую народ со своих страниц. Как можно верить всей чуши, что писали эти охочие до дешёвых сенсаций газетёнки? Но нынче, с каждым разом хватая вместо неуловимого убийцы воздух, Джентри всё чаще задумывался о сверхъестественном происхождении Прыгуна. Глупо, конечно, поддаваться суевериям в их технических развитый и научно просвещённый век, когда паровые технологии и электричество развеивают в мгновение ока все деревенские страшилки и религиозные догматы, но всё же... Всё же дело тут явно нечисто! Дожился. Это крайняя стадия отчаяния – списывать собственную слабость на якобы мистические способности Джека-Попрыгунчика. А вдруг он в чём-то и прав? Вдруг они изначально неверно подходили к этому делу? Что, если они с самого начала расследования ошибались и с тех пор так и идут по неверному следу?

Им требуется свежий взгляд. Чистый и незамутнённый. Взгляд человека, который имеет бритвенную остроту ума. И который сможет взглянуть на это дело под совершенно иным ракурсом. Человек, который верит исключительно в торжество науки и человеческой мысли. Такой как Гордон Крейг, например. Джентри, вышагивая вдоль окна, резко остановился. Почему-то эта идея показалась ему достаточно здравой. А почему бы и нет? Полицейский возбуждённо теребил в руках шляпу, азартно уставившись сквозь стекло. Крейг чертовски умный человек с потрясающе конструктивным мышлением. Он прирождённый логик. И уж точно при расследовании не стал бы забивать голову всякими нелепицами и сказками. Ему бы просто и в голову не пришло думать иначе. И что бы сказал Крейг о ранее предложенном Джейсоном варианте о происхождении Прыгуна? Однажды Джейсон уже обмолвился, что, возможно, за личиной Джека скрывается богатый и преуспевающий человек, не понаслышке знакомый с современными технологиями, превосходно знающий физику, алхимию, баллистику и механику. Вдруг наводящий ужас на столицу преступник один из учёных? Кровожадный маньяк и несущий просветление ум – одно и то же лицо? А почему бы и нет?

Но вряд ли Крейг согласится. Это всё досужие размышления и не имеющие связи с реальным положением вещей желания. Как только учёный заключит контракт с ОСУ, он ни на минуту не захочет находиться в так негостеприимно встретившей его столице. Наверняка Крейг уже ждёт не дожждётся вернуться к своим исследованиям. И плевать он хотел на Джентри, столицу и весь Империял-Ярд в придачу. И в этом было его несомненное право. Джентри никак не мог повлиять на него. И чтобы сказал Вустер, узнав, что Джентри хочет привлечь к расследованию гражданского? Нет, его точно уволят. Хотя бы за столь крамольные мысли.

Джентри наклонился вперёд и прижался разгорячённым лбом к прохладному стеклу. Он здорово устал за последнее время. Но никак не мог заставить себя отдохнуть. Даже сейчас он продолжает оставаться на ногах, когда поставленные в вестибюле обшитые дорожкой чёрной

кожей скамьи выглядели так заманчиво. Сам вестибюль поражал своими размерами, напоминающая огромный холл какого-нибудь дворца. В противоположной от парадного входа стене были встроены целых два паровых лифта, так же здесь имелась ведущая наверх широкая лестница и закрытая двустворчатая металлическая дверь. С потолка потоком свешивалось несколько больших электрических люстр, пол был устлан мрамором, через специальные отдушины поступал горячий воздух, а стены отделаны мозаикой и увешаны множеством портретов серьёзных и внушающих трепет мужей. Не иначе лучшие умы государства. Джентри плохо разбирался в науках и поэтому почти никого не смог опознать. И это несмотря на то, что обладал феноменальной памятью на лица. Неужели он действительно настолько отстал от жизни?

Вестибюль был выдержан в холодных серых тонах и блистал идеальной аскетической чистотой. Простота интерьера, сверхдорогие материалы, и при этом ничего лишнего, никаких отвлекающих от мыслей о высоком удобств. Трезвый расчёт и научный подход во всём. Даже в убранстве. Вестибюль был огромен, но само главное здание Совета поражало своими размерами ещё больше. На ум приходили сравнения с главным Королевским Дворцом или Зданием парламента. Но Крейг шепнул, что они видят только часть айсберга, верхушку. Дескать, вниз, под землю, здание уходит ещё на несколько этажей. Скорее всего, Крейг соврал, рассудил Джентри, приняв во внимание, что и видимых шести этажей, оштетинившихся множеством труб, молниеотводов, и металлических конструкций самого непонятного назначения, должно было хватать на нужды учёных с головой.

А из окна и впрямь неплохой видок, в который раз подумал Джентри, с тщетно скрываемым любопытством вглядываясь через толстенное стекло. Он даже пару раз обернулся, чтобы удостовериться, что вестибюль по-прежнему наполнен лишь гулкой пустотой, и никто не увидит, как он с почти мальчишеским восторгом жадно всматривается на расположенные во внутреннем дворе диковинки.

Собственно, испытательный полигон Объединённого совета представлял собой огромную территорию, обнесённую по периметру высокой железобетонной стеной с вышками, часовыми, колючей проволокой, мощными прожекторами и бронированными воротами. Учёных охраняли не хуже министра. А может и лучше. Во всяком случае, на выдавшего виды инспектора фортификационные защитные сооружения полигона произвели должное впечатление. На пропускном посту их встретила суровая охрана – закованные в чёрную броню солдаты, вооружённые необычной конструкции ружьями. У Джентри глаза сами собой прикипели к солдатскому вооружению. К собственному удивлению Джентри так и не смог идентифицировать их аркебузы, хотя до последнего момента считал, что превосходно знает все современные образцы стрелкового оружия. На территорию их пропустили только по предъявлению Крейгом специального пропуска и после того, как сержант созвонился по установленному тут же на проходной телефонному аппарату с кем-то из более высоких чинов. Охранной системе яйцеголовых могла позавидовать и центральная тюрьма, признал несколько обескураженный увиденным Джентри.

За стеной раскинулся сам полигон, окружённый бесчисленными бараками, вырастающими из земли сферическими куполами, высокими жилыми зданиями, гаражами и ангарами. Гигантская площадь была залита серым бетоном, как спортивный каток льдом. Из земли тут и там в непонятном порядке вырастали железные трубы самого разного диаметра. Из некоторых бесконечно вырвались клубы дыма, другие пытели развивающимся в свинцовом небе белесым паром, третьи периодически протяжно взывали... Всюду сновали одетые в кожаные плащи и чудного покроя защитные комбинезоны десятки людей. Каждый был занят своим делом, напоминая сноровистых шустрых муравьёв. Кто тащил бухту кабеля, кто толкал гружённую коробками тележку, один человек загонял в открытый ангар рокочущий грузовой паромобиль, а второй сигналил ему флажком. Пока они ехали через площадь по отмеченному маркерами проезду, Джентри во все стороны вертел головой. Не каждый день обычному

смертному выпадает возможность посетить один из самых охраняемых и секретных объектов в стране!

Кэб заехал на отведённую для транспорта просторную крытую площадку, где уже стояло несколько экипажей и паровых машин. Некоторые из находящихся на стоянке машин были редких дорогих моделей и стоили кучу денег. Как видно, многие из не живущего здесь постоянно персонала приезжали на полигон на личном транспорте. Впрочем, Джентри увидел и несколько таксомоторов и кэбов наподобие доставившего их с Крейгом, ждущих своего часа. Значит, всё оплачено наперёд, понимающе хмыкнул старший инспектор. Что ж, он и раньше подозревал, что Совет – организация, скажем так, далеко не самая бедная.

И теперь, глядя из окна на расстилающийся перед ним вид, Джентри продолжал молча восторгаться увиденному. То, что на этих нескольких окружённых неприступной стеной акрах сосредоточены миллионы фунтов, понятно и дураку. Важно другое – люди, находящиеся здесь же, стоили ещё больше. ОСУ – главнейшая и самая выдающаяся научно-техническая компания в стране и одна из крупнейших в мире. Без их ведома не загорается ни одна лампочка, не запускается ни один двигатель. Они незримо и исподволь всё контролирует и за всеми наблюдают. И они же делают этот мир лучше, способствуя победному шествию технического прогресса по земле. По крайней мере так заявляют представители Совета и отдельные личности, вроде его приятеля Крейга. Джентри мог бы долго оспаривать их заявления, но одного отрицать он никак не мог – умы здесь собрались выдающиеся, и чего бы они там не двигали, в работоспособности и устремлённости им не откажешь. Надо до исступления верить в то, что делаешь, чтобы всю жизнь посвятить опытам и экспериментам, с головой зарывшись в чертежи и рискуя подорваться на собственном же творении!

А он не такой? Разве он в своей работе чем-то отличается от сотрудников ОСУ и их независимых деятелей? Он такой же упёртый и упрямый. Джейсону сравнение показалось притянутым за уши, но отрицать определённые параллели он не мог.

Джейсон смотрел сквозь стекло, застыв неподвижной статуей. То, что он уже увидел, хватило бы для того, чтобы взять с него расписку о неразглашении, невзирая на его полицейский чин старшего инспектора отдела по расследованию убийств. Насколько знал Джентри, ОСУ были самодостаточной организацией и подчинялись во всей стране исключительно одному человеку – премьер-министру. И у них хватало связей, чтобы давить на всех остальных, в том числе и на Империял-Ярд.

В следующую минуту ему довелось лицезреть такое, что тянуло уже на подписку о невыезде из страны.

В поле зрения Джентри угодила огромная металлическая фигура, тяжело вышагивающая по залитой бетоном площади. Угрюмо насупившееся небо словно давило на плечи десятифутового гиганта, метущаяся непрекращающаяся морось беспомощно разбивалась о стальные доспехи.

Джентри не веря своим глазам, весь подался вперёд. Неужели он видит то, о чём знал лишь понаслышке? Судя по всему, так оно и было, потому как шагающая мимо центрального здания Совета фигура не могла быть ничем иным, кроме как боевым управляемым големом. Широкий, мощный, коренастый, покрытый пластинчатой тускло-зелёной броней, усыпанный клёпками, великан не спеша переставлял массивные ножищи. Отделяющее Джейсона толстое стекло скрадывало все звуки, и он не мог слышать жужжания приводных механизмов и пыления расположенной за спиной голема силовой установки, изрыгающей из двух выхлопных труб струи упруго бьющего сизого дыма. Модернизированный паровой котёл, защищённый бронированным кожухом, несколько горбил голема, лишая его стройности. Передняя часть шагающей металлической человекообразной машины представляла собой закрытую стеклянным колпаком голову, внутри которой угадывался управляющий боевым големом пилот.

Орудийных систем видно не было. Голем шёл налегке, но даже в подобном состоянии он должен был весить не менее двух тонн!

У Джентри от восторга и изумления отвисла челюсть. Насколько он знал, подобные машины давно находились на стадии прототипных разработок, и, увидеть одну из них ещё до официальной демонстрации на какой-нибудь престижной выставке технологий и вооружений, уже само по себе невероятное везение. Наверняка он один из немногих, кто удостоился этого зрелища. Джентри сорвался с места и бежал вдоль окна, не отрывая горящих глаз от шагающей машины, пока пыхтящий голем не скрылся с поля зрения, удалившись в сторону вытянутого, сколоченного из металлических листов ангара. Никто из снующих снаружи людей не обратил на железного монстра внимания большего, чем льнувший к окну молодой человек. Чёрт, да они тут все чрезмерно избалованны подобными зрелищами, ощутил укол какой-то детской зависти Джентри.

Джейсон возбуждённо сжимал и разжимал кулаки, немилосердно комкая поля шляпы. Да, это было одним словом – ого-го! Невероятное, потрясающее зрелище. Торжество военно-технической мысли налицо. И не со слов кого-то там, а увиденное своими глазами, лично! Для Джентри, как для человека, всерьёз увлекающегося оружием, увиденное было сродни встрече истинно верующего с вторично пришедшим Христом. Джентри охватило волнительное предвкушение – а ну как ему повезёт узреть здесь ещё что-нибудь эдакое? Он в надежде прилип к окну. Выходить наружу он не рискнул. Вряд ли кому из персонала испытательного полигона понравится, что какой-то сомнительного вида тип неприкаянно шарается вокруг и бесцеремонно пялится на всё подряд.

От жадного созерцания происходивших за стеклом событий Джейсона отвлекло шипение разъезжающихся в стороны створок парового лифта. С неохотой Джейсон обернулся на звук, одёргивая лацканы пальто и пытаясь придать себе скупающий и невозмутимый вид. Не хватало ещё, чтобы его застукали, как мальчишку за подглядыванием в женской бане.

Из кабины лифта пулей выскочил Крейг. В правой руке он нёс свой неразлучный чемодан, обтянутый чёрной кожей и запёртый на кодовый замок. За ним, намного спокойнее, важной и степенной походкой вышел его попутчик. Дородный, высокого роста, с аккуратным пробором в чёрных, посидевших на висках волосах и аккуратно подстриженными усами. Начищенные туфли, серый в мелкую полоску костюм-тройка. На левом запястье массивные хромированные хронометры, на широком мясистом носу круглые очки в металлической оправе. Вид крайне самоуверенный. Вид человека, у которого всё схвачено и который всем доволен. Все эти мелочи Джентри подмечал машинально, мысленно прикидывая и просчитывая, выстраивая примерный характерный портрет человека. Привычка, приобретённая за годы службы в полиции. И привычка, надо сказать, достаточно полезная в иных обстоятельствах.

И ещё один момент особо подмечать совершенно не требовалось. То, что Гордон Крейг был взбешён, понял бы кто угодно, не обладающий и десятой долей сообразительности старшего инспектора. Впрочем, это было ещё мягко сказано. Крейг был не просто взбешён, он был вне себя от ярости! Учёный едва не шипел раздраженной коброй, бормоча сквозь сжатые зубы проклятья, способные и закалённую в ночных трудах проститутку покрыться румянцем стыда. Крейг чуть не бежал по мраморной плитке, направляясь к удивлённо вкинувшему брови Джейсону. Он настолько сильно стучал каблуками туфель, что звуки шагов, отлетая от пола, отдавались громогласным эхом.

Крейг остановился напротив Джентри и обвинительно рявкнул:

– В этом здании заседают одни непреходимые идиоты!!

Джентри, опешив, невольно попятился под напором учёного, брызжущего чуть ли не кипящей слюной во все стороны. Что происходит? О каких идиотах он толкует? Джентри после всего увиденного придерживался совсем иного мнения...

– Э-э-э, что-то случилось? – рискнул спросить Джейсон, предусмотрительно отступив ещё на шаг и уперевшись спиной в оконное стекло.

– Да! Да, мать их так и эдак! Случилось! Меня, меня – Гордона Крейга, выставили полным идиотом! Надо мной чуть ли не посмеялась вся коллегия, представляете? Меня подняли на смех!! А на самом деле это они, они все... Всё законченные тупицы! А я... Я... Дьявол!..

Крейг закашлялся, покраснел, как перезрелый арбуз, хватая перекошенным ртом воздух. Совсем дело плохо, наконец догадался Джентри, вопросительно посмотрев на подошедшего к ним мужчину в сером костюме. Кое-какие объяснения от более адекватного человека ему совсем не помешают, подумал Джентри.

– Артемиус Доггерти, – представился усатый мужчина. Рукопожатие у него было крепким, а голос ровным и скучающим. – Член Комиссии отбора. Насколько понимаю, вы сопровождающий мистера Крейга?

– Старший инспектор Империял-Ярда Джентри, – в ответ поздоровался Джейсон, старательно не замечая корчащего зверские рожи Гордона. У учёного был такой вид, словно его вот-вот схватит удар.

Доггерти понимающе кивнул, будто звание Джентри не было для него секретом. А там, кто его знает, может и вправду не было. Ведь именно ОСУ настаивали на приставлении охраны к работающему на них учёному. Совет думал, что Крейг изобрел что-то настолько важное, что его жизнь находится под угрозой. Насколько ценное, что этим заинтересовалась АНА. И что же получается, судя по истеричной реакции Крейга? Что его якобы бесценное творение оказалось никому не нужным?! Так, что ли?! Джентри понял, что ни черта не понимает.

– Сэр, вы не могли бы прояснить некоторые моменты этого столь щекотливого дела, – стараясь быть вежливым, спросил Джейсон. – Если конечно, это не является особой тайной.

– Понимаю вас, – важно кивнул Доггерти, с некоторой снисходительностью поглядывая на полицейского. Нечленораздельно бормочущего Гордона он продолжал проигнорировать, что, по ходу, последнего начало очень сильно раздражать. – К сожалению, я не могу рассказать вам всех деталей. Всё-таки определённые вещи должны, в виду своей особенности, оставаться недоступными для широкой общественности. Нам бы не хотелось огласки и пересудов... Думаю, вы меня понимаете...

А Джентри всё больше понимал Крейга. За неполную минуту острожного разговора этот франтоватый хмырь начал и его дьявольски раздражать. Особенно Джейсону не нравился взгляд Доггерти. Вроде бы и снисходительно расслабленный, но в нём периодически начинало мелькать высокомерие и явное нежелание разговаривать с ним. Наверняка этот яйцеголовый считает себя пупом земли, раз работает в таком престижном месте, имеет в наличии личный шикарный кабинет и его слово имеет определённый вес в Совете компании.

– Я не могу рассказать вам всех подробностей, – продолжил увещевать Джентри Доггерти, не замечая появления на его физиономии крайне мрачного выражения. – Я не располагаю необходимыми полномочиями. Однако меня попросили выразить вам благодарность за службу. В Совете понимают, что создали Империял-Ярду немало досадных неприятностей. Мы думали, что ситуация может быть достаточно серьёзной...

– Досадные неприятности? – прохрипел багровый от злости Крейг.

– Простите, мистер Крейг, но вы перегибаете палку. Мы бесконечно дорожим нашим обоюдным сотрудничеством и искренне надеемся, что оно продолжится и в будущем. Вы один из самых ценных наших умов. Вы блестящий учёный. Право, не стоит так расстраиваться из-за этой неурядицы...

– Иными словами, новейшее изобретение мистера Крейга не пришлось ко двору? – бесцеремонно влез в разговор Джентри, чем заслужил неодобрительный взгляд от Доггерти.

Представитель Комиссии тяжело вздохнул и демонстративно взглянул на наручные часы.

– Скажем так, на заседании Комиссии было принято непростое, большинством голосов, решение отказать мистеру Крейгу в заключении контракта и создании патента на его разработку. Совет постановил, что эта, хм, вещь, не имеет в полной мере той значимости, на которой так горячо настаивал мистер Крейг.

Джентри повернулся к готовому вцепиться в глотку Артемиуса Гордону и твёрдо взял его за плечо.

– Только не говорите, что вы облажались и эксперимент не удался. Не верю.

– Всё. Сработало. Идеально. – Не разжимая зубов, разделяя каждое слово, процедил Крейг.

– Полноте, полноте, дружище, – на этот раз сочувствующе вздохнул Доггерти. – Успокойтесь, вам абсолютно незачем себя винить...

– Кто здесь себя винит? – вскинулся Гордон, выдавливая из себя язвительную ухмылку.

– Понимаете, мистер э-э-э... Джендри, опыты нашего дорогого Гордона прошли превосходно. Во время демонстрации не произошло ни одной осечки, всё сработало именно так, как он и задумывал. Проблема в том, что комиссия не увидела в этом ничего, что смогло бы заинтересовать, что в будущем принесло бы ту пользу обществу, о которой так широко пространялся мистер Крейг.

Джейсон, подавив в себе жгучее желание заломить этому важничавшему усачу руки за спину и обыскать карманы на наличие запрещённых веществ, негромко присвистнул. Вон оно как... Иными словами Крейга просто продинамили. И это не смотря на все его уверения, что придуманная им штука способна чуть ли не изменить мир. Теперь понятно безумное состояние учёного. Не каждый день тебе сообщают, что, возможно, главный труд всей твоей жизни оказался никому не нужным никчёмным дерьмом.

– Вы ещё пожалеете... Вы все пожалеете о том, что посмели сомневаться во мне! – внезапно возопил Крейг, потрясая кулаками. Его высокий голос взвился под высоченный потолок вестибюля и раздался звучным дискантом, отражаясь от стен. Джентри поморщился и как бы нечаянно наступил Крейгу на ногу каблуком сапога, обрывая новый вопль на середине. Крейг взвыл от боли и гневно уставился на полицейского, готовый сожрать с потрохами. Так обычно смотрят на предателей, подумал Джентри, беря обиженного на весь белый свет учёного под руку.

– Думаю, нам пора, сэ, – сказал он. – Час уже поздний, а темнеет быстро. Распрощайтесь с мистером э-э-э... Доггертом и забудьте обо всём происшедшем сегодня. Будет ещё и на вашей улице праздник.

– Забыть? Чего это ради я должен забывать обо всех перенесённых в этой подземной норе оскорблениях? – вскинулся было Крейг, но тут же потух, опустив голову.

– Сэр, нам пора, – цедить сквозь стиснутые зубы Джентри умел не хуже Крейга.

Доггерти, задрожавшими руками поправив очки, наставительно сказал:

– Инспектор прав, дружище. Вы всё принимаете слишком близко к сердцу. Вернётесь домой, отдохнёте, приведёте мысли в порядок, остынете... Отдых. Да, вам необходим отдых. Это, знаете ли, стимулирует...

– Простату себе простимулируй, – буркнул под нос Крейг, застёгивая пальто на все пуговицы.

– Простите, сэ? – вскинул брови плохо расслышавший последние слова учёного Артемиус. Джентри поспешно спрятал довольную улыбку.

Крейг с остатками сохранённого достоинства нахлобучил шляпу, подхватил чемодан, и лихо отдал честь Доггерти.

– Приятно оставаться, сэ. Надеюсь, ещё не скоро я окажусь здесь. Кстати, чай со сливками был просто ужасен, а ваша новая секретарша страшнее моей двоюродной тётки. А ведь она испортила всю жизнь дяде Уоренну. Он называл её ведьмой.

Доггерти выпучил глаза за стёклами очков, а Крейг увлёк едва сдерживающего хохот Джентри к дверям.

– Пойдёмте, мой друг. Я всё сказал. Кстати, Джентри, вы не хотите понести мой чемодан? Не смею настаивать, но я что-то неважно себя чувствую.

– Почту за честь, сэр, – Джентри, тактично не проявляя удивления оказанным доверием, взялся за ручку. И охнул от неожиданности. Чемодан был тяжеленным! – Дьявол, там что – кирпичи?

– Смотрите не надорвитесь.

– А вы сильнее, чем кажетесь, сэр.

– В самом деле?

– Да, хотя на вид обычный тщедушный заморыш.

– Умственная деятельность, она, знаете ли, заменят спортивные упражнения.

– Правда? Никогда бы не подумал...

– А вам бы порой не помешало!..

Они вышли на пронизывающий холод угрюмого ноябрьского дня, убегающего навстречу вечеру. Поёжившись, Гордон Крейг поднял воротник пальто и сказал:

– Собачья погода. Вполне соответствует тому, как меня встретили... Кстати, Джентри, вы любите музыку?

Старший инспектор недоумевающе посмотрел на учёного:

– Музыку?

– Ну да, музыку! Флайшер, Вендесон, Клоуз, Стаховски – вам что-нибудь говорят имена этих выдающихся композиторов?

– Вы не поверите, но у меня нет свободного времени ходить в филармонию, – усмехнулся Джейсон.

Крейг поднял глаза к серому небу, ловя лицом колющиеся мельчайшие капельки моросящего дождя. Джейсон с любопытством наблюдал за ним. Ему было неподдельно интересно, как же поведёт себя Крейг после столь явной неудачи. Он был готов ожидать от него, что угодно, но только не назревающую беседу об искусстве!

– Для того чтобы слушать музыку, вовсе не обязательно протирать штаны в Куинс-Палас, – с иронией сказал Крейг. – Неужели вы не слышали о таком замечательном изобретении, как граммофон и грампластинки? Сразу говорю, я не причастен к сотворению этой замечательной вещицы!

– Граммофон? Почему же, слышал, конечно, – покосился на учёного Джентри. – Занятная штука. Но как-то руки не доходят, чтобы приобрести себе. Говорите, стоящая вещь?

– Это надо услышать самому, сэр. Обязательно купите его. А я даже дам вам послушать некоторые пластинки из моей коллекции. Как вы относитесь к Матиасу Гардену? Мой любимый композитор. Его седьмая симфония для фортепиано с оркестром просто блеск! Вам обязательно надо восполнить свои пробелы в познании музыки, мистер Джентри. Обязательно...

Абрахам Аткинс придирчиво всматривался в исписанный мелким витиеватым почерком потемневший лист бумаги, водя лупой над наиболее смазанными и трудно разбираемыми участками. Несколько уже досконально изученных вдоль и поперёк листов лежали рядом, сложенные в аккуратную стопочку. Аткинс удовлетворённо крякнул, убрал лупу в ящик стола и присоединил лист к стопке. Пожалуй, хватит на сегодня. Зрение у него уже не то, что раньше. Даже очки не помогают. Вот и приходится пользоваться увеличительным стеклом. Правда, он сомневался, что смог бы обойтись без лупы, даже будь у него стопроцентное зрение. Почерк у Виго Шанийского был само наказание для любознательных потомков: мелкий, убористый, словно знаменитый врач прошлого экономил каждый квадратный миллиметр бумаги, испещ-

рѣнный непременно завитушками и хвостиками. Одно из светил психиатрии, живший более сотни лет назад, определённо не думал о будущих исследователях его наследия, запечатлённого на бумаге.

Доктор Аткинс искренне восхищался Виго. Вот уж где действительно был человечие! Бесстрашный, твёрдый и жѣсткий, готовый на всё ради результата. Не боящийся зайти за грань, туда, куда ещё не ступала нога ни одного, даже самого бесстрашного исследователя. Виго ничего не боялся и никого. Он свято верил в то, что практиковал и никогда не оглядывался на последствия. Делом всей его яркой насыщенной жизни было изучение человеческого мозга, его возможностей, сильных и слабых сторон. И Виго немало преуспел на этом поприще, заложив целый пласт психиатрической медицины. Его труды неоднократно переиздавались, фразы расхватывались на цитаты, его в обязательном порядке изучали в медицинских университетах. На выстроенной гениальным врачом базе выросло не одно поколение известных и уважаемых психиатров современности. Аткинс боготворил этого человека. Виго Шанийский, этот безумный гений, знающий о человеческом мозге больше, чем кто бы то ни было, был его кумиром.

Само собой, в коллекции Аткинса имелось полное собрание сочинений Виго. Все написанные им книги, касающиеся изучения и развития психиатрии и сопутствующих ей наук. Помимо основной профессии, Виго блестяще разбирался в алхимии и биологии. В те времена он творил подлинные чудеса. Сейчас, как бы это не выглядело странно, спустя сотню лет после смерти Виго, психиатрия знает немногим больше. Наука топталась на месте. Аткинс как никто другой прекрасно знал об этом. Так же, как и знал, что в пагубном торможении повинно само время. Новое время диктовало новые условия. И то, на что раньше власть предрешающие закрывали глаза, теперь рассматривалось, взвешивалось и запрещалось. Расплодившиеся организации по защите прав человека всё время норовили вставлять палки в колёса продвижению науки. Никчѣмные глупцы! Неужели они не понимают, что их действия ведут к регрессу, к застою? Топтание на месте продолжится и впредь, если ничего кардинально не изменится. И что самое интересное, парламент во главе с министром всячески поощряют их. Жалкие лицемеры. Удивительно, политики, готовые выжать из своего народа последний шиллинг, и наплодившие ужасное количество нищих, безработных, уличных попрошаек и шлюх, запретили проводить опыты над пациентами! Неслыханно! Глядишь, так скоро дойдѣт и до полного запрета лоботомии! Аткинс негодуяюще дѣрнул себя за бородку и устало потѣр пальцами переносицу.

Время... Время... Растущий процент образованных людей, превосходство науки над суевериями, продвижение технологий и отказ от пережитков прошлого. Новое оружие, новые машины, крепнущая мощь армии, покорение недостижимых прежде глубин и высот. И как следствие, развитие медицины. Изобретение вакцин и хирургических инструментов, новейших анестезирующих средств и способов излечения. Но почему, почему всё это, всё, чем может и должен хвалиться прогрессирующий мир, не касается психиатрии?! Почему самая тонкая и сложная из медицинских наук находится в практически зачаточном состоянии? И никто, никто из нынешних властителей, придумавших якобы равенство и свободу выбора, свергнувших монаршие династии, почему никто из них не вникнет в суть этой проблемы? Почему никто не хочет лечить сумасшедших? Вместо панацеи их предпочитают запирать в застенках. И если раньше психиатрам был дан карт-бланш на исследования нервных недугов, не стесняясь в средствах, то нынче всё обстоит с точностью, да наоборот. Была придумана конституция, и страшно подумать – права человека!!! Как будто кто-то стремился эти права соблюдать! А закон был твёрд и непреклонен в деле гражданских прав. И он гласил, что всякие опыты над живыми или мѣртвыми людьми запрещены, и, помимо того, что с подачи церкви являются страшным богохульством, признаны преступлением, караемым по всей строгости. Маразм. Полнейший маразм. Они же просто убивают свой народ. Не давая врачевать. Или же правительству угодно большее количество безумцев в своём подчинении? Что ж, их можно понять, тупой толпой всегда проще управлять.

Доктор Аткинс истово верил в своё дело, равняясь на этом нелёгком поприще на Виго Шанийского. Он добился невероятных результатов, возглавив главную психиатрическую лечебницу страны, не имея при этом никаких связей, и единолично властвовал в её стенах уже второй десяток лет, правя железной рукой и укрепляя её положение. Клиника процветала. Здесь, в её старинных стенах, при помощи современной психиатрии лечились почти все известные душевные расстройства. Аткинс стал очень влиятельным и уважаемым человеком, как в закулисных кулуарах, так и в кругах известных и сильных людей государства, многие из которых имели очень солидный вес в парламенте. Среди клиентов, равно как и среди друзей Аткинса было немало достаточно известных личностей. И он никогда не чурался отказывать в помощи. Кто бы к нему не обращался. А помощь, ведь она может быть какая угодно...

Но, даже купаясь в лучах славы и деньгах, занимая стабильное почётное положение в обществе, не отказывая себе ни в чём, Аткинсу всё же не хватало одного. Он мог спокойно заниматься в здании клиники бесконечными исследованиями, изобретая всё новые и новые препараты и лекарства, практикуя самые смелые из дозволенных методы лечения, но одного он был лишён. Свободы. Ему не хватало свободы. В некоторых моментах он был связан по рукам и ногам. Верёвки были крепки. Но и самая крепкая верёвка может дать слабину. Главное, приложить в нужном месте определённую силу. И эта сила у Аткинса была. Она росла и множилась. Он любовно взращивал её. А законы... Законы всегда создавались, чтобы их нарушать. Неужели какие-то накаляканные на бумажке правила смогут остановить настоящего творца? Конечно, нет. И в этом ему помог никто иной как Виго Шанийский.

Виго оставил для любознательных потомков огромное наследие. Но даже самые преданные поклонники творческих изысканий великого врача знали далеко не всё. Жизнь Виго была более насыщена и плодотворна, чем предполагали исследователи. И только единицам было известно о тайных сторонах деяний их кумира. Для мира науки Виго Шанийский был величайшим новатором, чей бесспорный гений зачастую граничил с безумием. Скользя по острию бритвы, Виго, тем не менее, никогда не падал и умудрялся до конца карьеры с ловкостью циркового акробата балансировать на самом краю. Для всех он так и остался великим врачом, чьи опыты в области психиатрии порой вызвали неприятие общества и ожесточённые споры коллег.

Многоопытному Абрахаму Аткинсу не раз доводилось испытывать нечто подобное и на своей шкуре, когда самые смелые идеи подвергаются скепсису и осмеянию. Когда узколобые умники из медицинских коллегий брызжа слюной и раздуваясь от собственного авторитета, категорично заявляют тебе, что «это невозможно». Подобные проблемы бытовали всегда. Не был обделён ими и Виго Шанийский. Он оставался великим еще в немалой степени потому, что знал, когда и где следует остановиться. Ведь стоит переступить через ту самую пресловутую черту и мигом лишишься всего, чего достиг, а те, кто днём ранее носил тебя на руках, с превеликой радостью сбросят вниз и втопчут в грязь, захлёбываясь от возникшей на пустом месте ненавистью. Потому что люди боятся. Они всегда боятся того, чего не могут понять. Даже не смотря на то, что тайные знания могут изменить их жизни к лучшему.

А пуще всего люди боятся тех, кто способен на это. Кому доступно то, что сокрыто от человеческих глаз и считается преступным. Запретные знания, за изучение которых тебя живо предадут суду, невзирая на все твои прежние заслуги. Попадись ты на чём-то горяченьком и тебя уже ничто не спасёт.

Виго Шанийский был гением. Он не скрывал своих ортодоксальных взглядов на науку, всячески способствовал развитию самых смелых и прогрессивных методов лечения, он в открытую устраивал семинары, на которых, не стесняясь, рассказывал о своих исследованиях, он проводил множественные консультации с собратьями по профессии, он выбивал у министерства здравоохранения любые деньги, ставил самые невероятные опыты над человеческим мозгом (тогда с этим было попроще), но всего, всего так и не раскрывал. Виго умел

хранить тайны. Поэтому практически никто и не знал, что в его жизни была и обратная сторона. С одной, общедоступной для глаз всего цивилизованного общества, Виго был величайшим психиатром, человеком вздорным, грубоватым, жёстким и периодически заставляющим сомневаться в собственной умственной полноценности, поскольку гений зачастую граничит с безумием. Но, невзирая на это, врачебная практика Виго продолжала оставаться в рамках дозволенного. Он не нарушил ни одного закона и не перешёл ни одну дорожку. Но с обратной, невидимой стороны Виго был исследователем древних и тайных наук, за которые даже его не погладили бы по головке.

В средние дремучие века Виго без промедлений сожгли бы на костре и за меньшее, чем он занимался в бытность врачом-психиатром. Ну а за деяния на скрытом поприще ему бы немедля предъявили обвинение в родстве с самим дьяволом со всеми вытекающими последствиями.

Виго всерьёз увлекался запрещёнными оккультными науками. Он изучал мистицизм и чёрную магию. Виго ставил беспрецедентные опыты над живыми и мёртвыми людьми, узнай о которых общественность и церковь, как его тут же распяли бы на дверях Мерсифэйт, директором которой он являлся на тот момент своей жизни. Во благо науки Виго шёл до самого конца, не чураясь ни бога, ни чёрта, и не боясь запачкаться в самом мерзком и постыдном. Его тайные эксперименты в области алхимии, биологии и психиатрии выходили далеко за рамки понятий и приличий, принятых в цивилизованном обществе, с правилами которого он был вынужден мириться.

Виго жил и работал, постоянно балансируя на грани разоблачения. За которым последовало бы лишение его лицензии врача, лишение всех заслуженных наград и дальнейшее прозябание в застенках тюрьмы в ожидании вынесенного подстрекаемым взбесившейся церковью судом приговора. И приговор был бы крайне неутешительным...

Аткинсу повезло дважды. Во-первых, он стал одним из немногих, кому было известно о тайной деятельности Виго. Во-вторых, Аткинс смог разыскать личные дневники великого психиатра. Остальные подвиги доктор Аткинс мог без всяких скидок записывать исключительно в личный актив. Он смог изучить и разобраться в записях Виго, он сохранил его знания и приумножил их. Аткинс, опираясь на данную Виго базу, отважился зайти ещё дальше. И это ещё не всё. Аткинс был намного умнее своего кумира. Виго никогда и не с кем не шёл на компромиссы, он всю жизнь скрывал свои тайные исследования, каждый день опасаясь разоблачений. Аткинс не был дураком и отлично понимал, что за подобные вещи грозят очень суровые последствия. Но он был хитрее и прозорливее Виго. Аткинс дружил с очень полезными и нужными людьми. Он многое видел и многое знал, а ещё больше запоминал. Умел наблюдать за людьми. И Аткинс протянул не одну верёвочку, готовый в любой момент дёрнуть за выбранного им человека. Аткинс дружил с властями. Он сотрудничал с обласканными свыше светилами медицинских наук, водил дружбу с богатыми промышленниками и наследными аристократами, консультировал политиков и артистов театров. Аткинс имел тесные деловые связи с армией. Аткинс научился выживать в этом мире.

Нынешний директор Мерсифэйт не для того потратил половину жизни, изучая запретные науки и накапливая знания, чтобы по собственной глупости или неосторожности враз лишиться всего. Нет, не для того он угробил столько лет, тратя огромные суммы, разыскивая по всему миру по крупицам обрывки полумифических дневников Виго, собирая заветные листочки один за одним, дорожа ими больше чем золотом. Он не ошибётся.

Последний шаг к закреплению своего положения доктор Аткинс сделал несколько лет назад, когда вступил в тайный орден Форгентум, и быстро добился в нём почётного положения. Форгентум на староандерийском означало Наследие. Члены ордена были сплошь аристократы, обиженные на всё и вся. Кичащиеся бурлящей в их венах якобы голубой кровью дворяне из всех сил играли в важных и властных дядей, от которых будто бы зависело чуть ли не всё мироустройство. Они думали, что Орден сможет реально повлиять на политическую систему

страны. Входящие в орден аристократы свято верили, что скоро придёт их час, и они добьются свержения правящей верхушки, роспуска парламента и восстановления всех прав королевской династии. Аткинс на полном серьёзе считал их круглыми идиотами и с радостью провёл бы с некоторыми из членов ордена не одну душевную беседу в своём кабинете исключительно в лечебно-профилактических целях.

Не сказать, что в ордене состояли исключительно нищие как церковные мыши разорившиеся дворяне, да вспоминающие былые деньки дряхлые развалины. Среди членов Форгентума было немало состоятельных и важных людей. Многие аристократы тщательно скрывали свои корни, чтобы не выделяться на фоне современного демократического общества, гордящегося своим условно-вымышленным равноправием. Для всех остальных эти люди ничем не отличались от других. Они занимали ответственные посты в чиновничьих аппаратах, работали клерками, занимались бизнесом, служили в армии. Орден был достаточно богат и обширен. В его ряды принимали всех, в ком текла хоть капелька дворянской крови. Кажется, это было единственным требованием к вступающим в него добровольцам. Рождённый в бедной семье из пригорода Аткинс никаким боком не относился к аристократии. Но ради достижения поставленной цели он мог стать кем угодно. Деньги и связи способны ещё и не на такие чудеса.

Члены ордена грезили о возвращении былых дней. Они мечтали о восстановлении всех прежних прав. Они хотели воцарения монархии. Аткинс сильно сомневался, что королева со своими отпрысками хочет того же. Их спросить об этом как-то никто и не удосужился. На взгляд Аткинса, современная правящая династия, лишь формально так называемая, устроилась лучше всего. Их отстранили от власти, да. Ни королева, никто бы там ещё из дворянского рода не имеют по новым, принятым после революции положениям, никакого законного права решать что-либо в вопросах политики. Королевской семье оставили все регалии, звания, земли и свободу выбора. Их превратили в необременяющий рудимент канувшей в небытие эпохи, в своеобразный культурный пласт, дабы продемонстрировать всему остальному миру, как новая власть чтит и уважает традиции прошлого. И получилось очень даже недурственно. Ты вроде и король, и при деньгах и пользуешься уважением и любовью народа, и всеми сопутствующими привилегиями. Но вместе с тем ни за что не отвечаешь и ни во что не вмешиваешься. Не имеешь права подписать даже самую занюханную измятую бумажку. Да и ради бога! Зачем обременять себя лишней головной болью и проблемами, когда можно продолжать жить и дальше, как тебе заблагорассудится, не отказывая себе не в чём. Соблюдая только одно табу – не лезть во власть, оставив всё политические вопросы решать парламенту во главе с министром. Не жизнь, а сказка! Аткинс искренне считал, что все потуги членов ложи изначально носили балаганный характер. На что можно рассчитывать, когда сама королевская семья не захотела вступать в орден? Аткинс доподлинно знал, что много лет назад тогда ещё здравствующему Георгу Второму, мужу ныне «царствующей» королевы поступило предложение от осмелевшего Форгентума о взаимном сотрудничестве. Георг ответил отказом, с истинно королевским величием ничем его не объясняя.

Лидеры ордена были ошеломлены. Они то рассчитывали, что король поддержит их, они и в самом деле думали со временем разжечь пламя, в котором подобно фениксу возродится былая королевская власть. Несчастные глупцы. Они так и не понимают, что в мире есть вещи поважнее власти. Отнимите у людей их деньги и свободу, и вот тогда они подумают о переменах. А власть... Одной властью сыт не будешь.

Форгентум лелеял мечту на фактически пустом месте воссоздать монархию. По их мнению, государство в насмешку называлось королевством, будучи лишённым короля. Они хотели свергнуть власть парламента и посадить на трон одного из своих ставленников, заложить начало новой правящей династии. Начать всё с нуля. Они хотели вернуть прошлое, вернуть свои утраченные права и привилегии, они хотели править.

Аткинс их прекрасно понимал. И всячески желал им успеха, преследуя собственные цели. Хотят свержения парламента, возвращения жёсткой монаршей власти? Бог им в помощь. Аткинс был готов поддерживать этих людей пока их планы не шли в разрез с его собственными. Они думали, что приобрели ценного союзника в его лице. Он же просто использовал орден по своему усмотрению. Форгентум был тайной организацией, но не сказать, чтобы о нём никто не знал. Формально вреда они никакого не несли. Министр не видел угрозы с их стороны. Ну захотелось обиженным на весь белый свет дворянам поиграть в заговорщиков, ну да и пусть. Намного больше кабинет министров беспокоила АНА, куда как более серьёзная и проблематичная организация. Реальной силы, способной опрокинуть существующий порядок, за орден не было, не смотря на его более чем пятидесятилетнюю историю. Члены Форгентума сменялись одни за другими, на место умерших лидеров становились другие, но ничего не менялось. Из года в год на собраниях ордена разбирались и обсуждались одни и те же планы, высказывались одни и те же гневные речи, звучали набившие оскомину обвинительные реплики. Менялись лишь люди.

Аткинс дал Форгентуму то, в чём они так нуждались. Он дал им надежду. Ловко лавируя в мутных водах подковерных интриг, Аткинс добился высокого положения в ордене, поднявшись до статуса одного из лидеров. Он обещал, клялся, с самым честным лицом и горящими подлинным гневом глазами рассказывая о своём видении нового мира, который они обязательно построят. Ему было нужно только одно. То, чего он не мог получить из своих обычных источников. Члены Форгентума снабжали его по мере сил и возможностей необходимым материалом и деньгами. Он же кормил их надеждой, щедро сдобренной горячими словами, разжигающими огонь в жилах. А это ох какое вкусное блюдо!

Владея знаниями Виго Шанийского, поддерживая связи и с отверженными, и с правящими, Абрахам Аткинс строил собственные планы, взращивая и накапливая ту силу, что могла основательно изменить все современные научные достижения. Он собирался выдвинуть психиатрию и алхимию на лидирующие позиции современного мира. Несомненно, инженерия, механика, физика дают очень много. Последние открытия в области этих наук действительно перевернули весь мир. Но Аткинс считал, что он сможет перевернуть его ещё раз. Причём в одиночку. Вылепить его таким, каким он видит. Построить новый порядок согласно своим вкусам. Идея абсолютной власти отнюдь не претила ему. Собственно, ему было наплевать, кто станет у руля. Он всего то и хотел, что находиться рядом и указывать рулевому направление курса. А для этого у Абрахама Аткинса имелось всё необходимое. И потраченные годы не пройдут зря. И он в конце концов получит то, чего так жаждал. Свободу. Разумеется, во благо всего остального мира.

Аткинс был гением и умнейшим человеком, способным на большие свершения. И он был безумцем. Но разве безумец признается в том, что он ненормален?! Абрахам Аткинс, врач-психиатр, директор лечебницы для душевнобольных Мерсифэйт, пятидесяти двух лет отроду, видный и импозантный мужчина в самом расцвете сил, считал себя абсолютно нормальным. Даже более того, он считал себя самым нормальным человеком на свете. Аткинс самозабвенно верил в то, что только ему одному видна вся подноготная этого брэнного мира. И лишь он один сможет сделать его лучше.

АНА хочет скинуть парламент, чтобы отдать, по их словам, всю власть народу, дабы он сам избирал своего лидера. Правящую коалицию более чем устраивает нынешнее положение, когда премьер-министр, будучи наделённый практически неограниченными полномочиями, управляет страной. Представители королевской династии, лишь на бумаге являющиеся правителями, довольствуются тем, что имеют. Форгентум хочет возвращения абсолютной монархии. Церковь призывает всех к смирению, но при этом чутко держит нос по ветру. В этом государстве каждый, каждый хотел немного больше, чем другие, и каждый был уверен в своей правоте. И при этом же каждый из обещающих новую жизнь гарантировал, что завтра обязательно будет

лучше, чем было вчера. Каждый в полной мере выдавал щедрые посулы и нерушимые клятвы. Всяк из желающих урвать кусок власти якобы переживал исключительно о благе народа.

Абрахам недоумевал, насколько большими глупцами нужно быть, чтобы верить во всю эту провокационную пропагандистскую ересь? Да их всех надо лечить! Да, только масштабная принудительная терапия сможет помочь всем несчастным и заблудшим душам, что готовы повестить на ложь и мыльные иллюзии. Народ нуждается в пастыре, в том, кто сможет думать за него и решать, что будет для него лучшим. Аткинс был готов взвалить на себя столь нелёгкое бремя. Он способен вынести на своих плечах все людские страдания и чаяния. Он может дать людям облегчение и спасение. Он же врач, он тоже давал клятвы. Он обязан, просто обязан помочь всем страждущим, под которыми подразумевал всех жителей страны.

Именно поэтому Аткинс сотрудничал с Форгентумом. Выполнял спецзаказы армии и флота, с пониманием относился к Освободительной армии. Сочувствовал бастующим и хаял правительство. Пользовался особым расположением у членов парламента. Он наблюдал и выжидал. Ждал своего часа. Ему было выгодно столкновения противоборствующих сторон, ему был нужен хаос. И он был тем, кто был готов посеять его зёрна на этой брэнной земле. Он поддерживал всех, сам оставаясь в тени и протягивая дружескую руку каждому, кто его просил. Он был серым кардиналом, нашептывающим на ухо, хитрым пауком, плетущим витиеватые узоры заговора. Он пользовался всеми доступными средствами и способами. Везде и для всех он был своим. И каждый был уверен, что доктор поддержит исключительно его.

Легко можно было и ошибиться. Аткинс понимал, что плавает в бассейне, наполненном акулами. Опасности окружали его сплошь и рядом. Далеко не все те, заявляющие, что готовы на всё, так считали на самом деле. И, находя понимание у одних, он рисковал угодить в немилость у других, к примеру, не вовремя откройся у них глаза. Своими тайными экспериментами он вызывал благоговейный трепет у членов Ордена, давал дельные советы АНА. Он выполнял сложнейшие эксперименты по заказу армии, а те мирились с этим, утешая себя тем, что действуют во благо страны. Но стоит ему дать всего одну осечку, как глаза уже откроются сразу у всех. И тогда ему несдобровать. Пока он не готов, никто не защитит его от ярости сотен тысяч.

Абрахам давно понял, что в этом мире доверять можно только себе и что никто не поможет тебе так, как ты сам. Был, правда, один выход – заставить людей делать то, что хочется тебе. И он знал, как это сделать. Существовало множество способов, недоступных для большинства обывателей. Именно за некоторые из этих способов его ждала верная дорога на каторгу. Тайные знания Виго Шанийского угрожали самой сути человеческой природы. Они нарушали существующие законы. И разрушали их. Нужен был лишь тот, кто может удержать все эти нестабильные реакции в крепкой и твёрдой руке. Аткинс считал себя именно таким человеком.

Он часто думал, как смог бы измениться мир, будь великий Виго смелее. Сто лет немалый срок. За это время стало бы совершенно очевидно, к чему бы привели, в конце концов, его открытия, наберись он храбрости применить их ещё тогда. Аткинс понимал, что рискует. Но его цель оправдывала любые риски. Разве можно поступиться выпавшей возможностью? Виго не хватало решительности в заключительных действиях. Он обладал невероятной целеустремлённостью, он проникал в такие дебри, из которых далеко не каждому дано вернуться. Но нырнув столь глубоко, он испугался. Он поспешил вычеркнуть эти главы из своей жизни, а записи всех исследований (своё самое главное и важное наследие) постарался спрятать так надёжно, что их смогли обнаружить лишь много лет спустя, хотя поиски загадочных дневников великого врача никогда не прекращались.

Абрахам давно превзошёл своего учителя, умершего за полсотни лет до его рождения. И у него хватило храбрости пойти дальше. И, самое главное, хватит смелости не останавливаться. Аткинс никогда не сомневался, имеет ли он право. Ему подобная мысль даже в голову не приходила. Кто, если не он?! У кого ещё в этом мире хватит знаний, чтобы показать людям все возможности грядущих изменений? Он не собирался ставить себя выше монархов. Ему

было всё равно, кто победит. Он в любом случае будет стоять над победителем. Он скрытый кукольный мастер, а все эти глупцы, грызущиеся за власть, будут его послушными марионетками. Обретя свободу действий, он сделает этот мир лучше. Человеческий разум способен на большие дела.

Аткинс не хотел власти. Он хотел свободы. Свободы во всём. Никого не бояться, не опасаться, не оглядываться через плечо, не ловить косые взгляды и не сомневаться. Ни капли сомнений, ни тени страха. Он хотел улучшений мира. А став на положенную ему эволюцией ступень, он обретёт вседозволенность, что даст ему неограниченные ресурсы, позволяющие воплотить в жизнь все его замыслы. Не таясь, и не думая, что скажут об этом сильные мира сего. Это будет революция. Революция разума и силы человеческой мысли. Создание чего-то нового. Говорят, что бог создал этот мир. Что ж, может, и так. Но Аткинс был готов его улучшить.

Кабинет директора Мерсифэйт был обителью преуспевающего человека, но не кичащегося своим богатством. Убранство гармонично сочетало подчёркнуто холодный медицинский аскетизм и элементы современного интерьера. Никаких ковров, никаких паласов. Сплошь стекло, дерево и сталь. Ослепительно белые стены, высокий потолок, электрические светильники, множество развешанных по стенам стальных полочек и застеклённых шкафчиков, уставленные книгами стеллажи. Свободное пространство стен украшали рамочки с портретами знаменитых врачей, соседствующие с усыпанными печатями и заковыристыми подписями грамотами и служебными инструкциями. В центре кабинета располагался огромный письменный стол, вырезанный из куска цельного дуба, за которым и восседал в удобном кожаном кресле доктор Аткинс. Напротив него стояло два металлических стула с мягкими сидениями. За спиной Аткинса почти на всю стену раскинулось большущее окно, забранное декоративной стальной решёткой и завешенное прямыми однотонными шторами, из-за которых выглядывали чугунные трубы парового отопления.

В углу кабинета стояли старинные напольные часы, изображающие одну из башенок Мерсифэйт в миниатюре с круглым циферблатом вместо окошка. Часы показывали полшестого вечера. Но Аткинс не торопился включать основное освещение, ему хватало настольной лампы. Ему нравилась вдумчивая сумрачная атмосфера, захватывающая кабинет в вечерние часы. За исключением посменных работников весь персонал уже разошёлся по домам, прозвучал отбой для находящихся на излечении пациентов. Можно спокойно заняться собственными делами, не тревожась, что тебя продолжат отвлекать по разным пустякам.

Аткинс откинулся на спинку кресла и вытянул под столом ноги. Взгляд его ненароком упал на один из шкафчиков, где за матовым стеклом выстроилась целая батарея заманчивых на вид бутылок. Бывало, Абрахам любил пропустить после напряжённого рабочего дня стаканчик другой добротного бренди. Но сегодня ему ещё предстояли некоторые неотложные дела. Он не мог позволить себе ограниченный строго определёнными часами обычный рабочий график. Зачастую он засиживался в кабинете до наступления ночи. А если приходилось совершать поздние обходы своих сокрытых в каменных стенах лечебницы владений, то время начинало лететь с умопомрачительной скоростью. Впрочем, личное время не имело для Аткинса никакого значения. Зачастую он и ночевал в лечебнице, считая её своим вторым домом. Иногда он просто не мог поступать иначе. Абрахам Аткинс был очень загруженным человеком и, не задумываясь, посвящал каждую свободную минуты работе. И не только ей. Работа врача-психиатра занимала едва ли треть в его жизни. У него всегда хватало и иных проблем, которые требовалось решать. Многие рассчитывали, надеялись на него. Он же был тем, кто дарил надежду!

Штат больницы насчитывал почти полсотни человек, включая неприступных медсестёр, здоровенных санитаров, работающих с пациентами специалистов, круглосуточно дежуривших вооружённых охранников и технического персонала. Это, опять-таки, была видимая для общественности сторона медали. Мало кому было известно, что помимо числящихся в бухгалтерии

и налоговых листах фамилий, под крышей лечебницы находилось ещё несколько десятков лиц, которые не имели к пациентам никакого отношения. Личные телохранители Аткинса, и просто люди, привыкшие решать любые проблемы. Абрахам тщательно поработал над каждым из них, чтобы быть стопроцентно уверенным, что в нужный час эти люди не подведут. Никто не мог, за исключением директора, точно сказать, какова их численность, и лиц их никто не видел...

Находящихся же на излечении больных в гостеприимных стенах Мерсифэйт, согласно официальным документам насчитывалось двести четырнадцать человек. У каждого из пациентов был свой срок отбывания в палатах, совсем как в тюрьме. Впрочем, условия в лечебнице были немногим лучше. Аткинс не раз подчёркивал, что в столь щепетильном деле, как лечение душевных расстройств, нельзя миндальничать. Необходимо всегда следовать строгим правилам и без усталости работать с пациентами, стараясь добиться результата, а не создавать им курортные условия.

Существовали, естественно, и исключения. Личности, которые находились здесь и при этом не числились ни на одной бумажке. Бывало, что у некоторых просто возникала срочная необходимость побыть в лечебнице в силу определённых специфических обстоятельств. Аткинс никому не отказывал, особенно учитывая компетенцию этих особых пациентов и толщину их кошелька. Разумеется, для содержания столь важных «больных» была разработана особая программа. Да и обитали они в специально отведённом для них крыле здания, где располагались палаты повышенной комфортабельности... Многие из находящихся на временном лечении господ вызвали бы кучу вопросов у некоторых структур, но опять-таки Аткинс никому не отказывал и умел хранить тайны. Право пациента на сохранение инкогнито неприкасаемо, как тайна исповеди.

Но находилась в лечебнице ещё одна категория людей, о которых знали лишь избранные. Сам директор и небольшая горстка его наиболее приближённых ассистентов. Об этом невидимом, самом упрятанном и скрытном дне Мерсифэйт больше не было ведомо никому. И об этих людях никто не знал, кроме тех, кому было дозволено Аткинсом. Те же, кто случайно, либо по воле случая что-то видел или услышал, давно перестали вообще что-либо видеть и слышать. В подобных вещах Аткинс всегда действовал быстро, жёстко и эффективно, предпочитая решать проблемы сразу, в зародыше, а не по мере их появления и дальнейшего нарастания.

О каждом из своих тайных пациентов, а их было, к слову сказать, не так уж и много, Аткинс мог написать целую научную диссертацию и с упоением, часами рассказывать о невероятных особенностях их заболеваний. Они не относились к его детищам, навряд ли личной охраны. Нет, в данном случае Аткинс был совершенно не при чём. Таковыми их создала сама природа. Одни из них обладали уникальными способностями. Другие же просто представляли для любознательного врача-исследователя чисто научный интерес. О других же он и сам до сих пор не мог составить полного представления, невзирая на весь свой колоссальный опыт и недюжинный ум. Эти особенные пациенты составляли тайный бестиарий доктора Аткинса. Изученные жестокостью мира бедолаги, при виде некоторых из них слабонервные люди штабелями хлопались бы в обмороки. Отверженные. Аткинс же по-своему любил их и дорожил ими. В своё время, уже добившись признания коллег и уважения власть имущих, став директором лечебницы, Аткинс исколесил полмира, посетив самые дальние и экзотические страны. Путешествия и исследования были его страстью. Гонимая по всему миру за обрывками дневников Виго Шанийского, доктор Аткинс, бывало, сталкивался с диковинными и необъяснимыми с точки зрения современной науки явлениями. Он встречал людей, которых и язык не повернулся бы назвать таковыми. И он начал их коллекционировать. Собирать. И за годы Аткинс собрал уникальную коллекцию людей и человекообразных существ, похожих на цирковых балаганных уродцев. Они и составили его уникальный бестиарий.

Но были среди этих несчастных и воистину уникалы. К одному из них, точнее одной, у доктора Аткинса было особое отношение.

Взгляд доктора, цепкий, пронзительный, всевидящий, остановился на сложенных в аккуратную стопочку исписанных рукой Виго листах. Ещё одни страницы дневников великого исследователя глубин человеческого подсознания. Абрахам был единственным человеком в мире, который мог бы похвастаться тем, что у него есть почти все страницы этих уникальных дневников, содержащие воплощённые на бумаге мысли давно умершего гения. Насколько было известно Аткинсу, всего Виго оставил после себя четыре дневника, разделённые им же на отдельные страницы и раскиданные по всему свету. Аткинс не раз задавался вопросам – если Виго так боялся своих же открытий, то почему просто не уничтожил эти записи? Зачем было всё настолько усложнять, превращать своё наследие в объект для охоты ограниченного круга лиц, в игру-головоломку. Аткинс думал, что знает ответ на этот вопрос. Виго хотел сохранить своё наследие, даже через века, чтобы его знания не пропали, а были с толком использованы в будущем. Самым достойным, самым умным, самым настойчивым. Тем, кто сможет собрать все дневники вместе.

Абрахам Аткинс был этим человеком. Целеустремлённым, честолюбивым и знающим, чего он хочет от жизни. Однако для полноты Абрахаму не хватало почти трети четвёртого по счёту дневника. Ещё не все страницы были им найдены и тщательнейшим образом изучены. Но он ни грамма не сомневался в том, что рано или поздно все потерянные заветные листочки будут лежать в этом кабинете, перед ним, сложенные в аккуратную стопочку на письменном столе. Это всего лишь вопрос времени.

Абрахам удовлетворённо хмыкнул, открыл ящик стола и достал завязанную на шнурок папку в кожаном переплёте. Листочки были бережно упрятаны в папку и убраны в ящик. В тишине кабинета тихо звякнул в замке ящика маленький ключик, что Аткинс всегда носил при себе. В кабинете директора лечебницы был встроенный в стену сейф, замаскированный под один из навесных шкафчиков, внутри которого находилось немало интересных и ценных вещей. Но свои личные и наиболее важные документы доктор Аткинс хранил в ящиках огромного письменного стола. Стол был ничем не хуже любого сейфа. Массивный, тяжеленный, сочетающий в себе элементы стали, железного дуба и стекла, огнеупорный, он выглядел очень технологично и сверхсовременно. Каждый ящик стола запирался своим ключом и был не по зубам большинству взломщиков. Собственно, Аткинс мог держать бумаги в любом месте своего кабинета, где угодно, даже у всех на виду. Внутри клиники он чувствовал себя в полной безопасности, будучи точно уверенным, что никто из работающих и находящихся здесь людей не покусится на его вещи. А от посторонних существовала иного рода защита. Мерсифэйт была своего рода неприступной крепостью, сам надёжным и защищённым местом в мире. Ни одной банковской ячейке Аткинс не доверял больше, чем обычному ящику своего письменного стола.

Абрахам поднялся, скрипнув кожей кресла, и одёрнул длиннополый пиджак. Что ж, настало время спуститься на нижние ярусы больницы. Время у него ещё есть, ехать домой, в расположенный на престижнейшей Ройал-стрит шикарный особняк совершенно не хотелось. Дома он просто бывал, а здесь, в лечебнице, которой он посвятил годы и силы, он творил. Здесь он чувствовал себя свободным и всемогущим. Его настоящий дом был здесь.

На нижние ярусы вело два хода. Одним пользовались сотрудники техперсонала и он был нанесён на все планы экстренной эвакуации. Другой был тайным и начинался прямо в кабинете директора. Этот ход вёл на нижние ярусы в обход всем известным коридорам и дверям, и нырял ещё глубже, проникая в скальное основание фундамента, на котором высилось огромное здание больницы. Туда вход был заказан для всех, кроме Абрахама и трёх-четырёх человек, в которых ни капли не приходилось сомневаться.

Сейчас Аткинс решил воспользоваться тайным ходом. Этим вечером он хотел опуститься на самые нижние уровни. Он давно не навещал её. Вряд ли она соскучилась по его обществу. Но Аткинсу было, в общем-то, наплевать на её мнение. Ему нравилось разговаривать с ней. Она была интереснейшим собеседником, когда находилась при памяти. Она была единственным

человеком, к словам которой он прислушивался. Единственным человеком в мире. Аткинс до сих пор не знал, можно ли верить всему, что она говори. Он одновременно восхищался ею и ненавидел, жалел и боялся. Она вызвала в нём бурю обычно уверенно подавляемых эмоций. Она была уникальной. Жемчужиной его коллекции. Украшением его бестиария. Недостигаемая, непознаваемая, невозможная, она, тем не менее, существовала и одним своим существованием подтверждала старую истину, что в этом мире порой случаются настоящие чудеса.

Она была настоящим чудом. Внушающим страх, вызывающим сочувствие. Она была его собственностью. Он дорожил ею. Использовал её. Но при всём этом, наверно, по-своему и любил.

Она не знала, как её зовут. Абрахам Аткинс дал ей имя древней богини, обладающей даром предвидения. Фрея.

Глава 2

Элен проверила, заперла ли она дверь. В последнее время ей казалось, что двери в особняке Гиллроев обладают особыми свойствами. Словно живут собственной жизнью. Открываются и закрываются по своей прихоти, невзирая на запертые замки. Во всяком случае, уже не раз и не два она могла поклясться, что дверь в её спальню оказывалась незапертой, хотя она сама лично, всегда замыкала её на ключ перед сном и когда переодевалась.

Не зная, что и предположить, девушка стала тщательней следить за окружающими её вещами и постоянно напоминать себе, что в этом доме даже у стен есть уши и, судя по всему, глаза. Уж больно много всяких странностей проявляется в родовом гнезде Гиллроев в последнее время. И Элен совсем не радовалась тому, что в её спальню может кто-нибудь проникнуть, невзирая на дверной замок.

Запасные ключи от всех дверей, разумеется, имелись у дворецкого. И, конечно же, он наведывался в её комнату, когда у Элен выпадал законный выходной. В остальное же время она была полновластной владычицей отведённой ей спальни. Нет, тут определённо было что-то другое. Девушке казалось, что по странному стечению обстоятельств двери сами собой открываются именно тогда, когда она находилась в доме. Когда она принимала ванну, или же крепко спала, разметавшись на мягкой постели. А утром, подходя к двери, она обнаруживала, что она не заперта.

С недавних пор Элен стала оставлять ключ в замочной скважине. А ещё ей иногда мерещилось, что за ней следят. Она часто ловила на себе чей-то невидимый взгляд. Пугливо оборачивалась, слушая, как гулко колотится испуганно сжавшееся сердце, и встречала вокруг себя лишь пустоту. Но ощущение от слежки со временем возникало вновь. В коридорах, на лестничных площадках, в детской комнате, гостиной, столовой, холле. Ощущение слежки исчезало, когда она находилась в своей комнате. Но тогда оживали двери... Элен хотелось верить, что с вставленным в замочную скважину ключом ситуация несколько изменится.

Девушка понимала, что, скорее всего, все её страхи абсолютно беспочвенны и не имеют в своей основе ничего, кроме её разыгравшегося воображения и пошаливающих нервов. Да, наверняка всё дело именно в этом, в её личностных переживаниях и череде нелепых случайностей. Но некоторые моменты она всё же не могла объяснить, пользуясь доводами холодного рассудка. А то, что невозможно объяснить и понять, пугает вдвойне.

Элен зачастую не понимала поведения хозяев, не могла понять действий Шатнера, ловила себя на том, что её начинает пугать сам дом. Будто особняк и впрямь был огромным живым существом, выжидающе наблюдающим за ней. И уж точно она не забывала о грязных лапах доктора Аткинса, его крайне подозрительных подарках Стефану и упорном молчании четы Гиллрой о ночном визите Джека Спунера. Всё это по отдельности, вероятно, не выглядело настолько странно и загадочно, чтобы вызвать вопросы, но всё вместе заставляло крепко задуматься...

И ещё Элен поняла, что с нетерпением ждёт воскресенья. Она была бы рада и просто лишней раз прогуляться по городу, выполняя какое-нибудь поручение. Но ей было строго наказано поменьше выходить наружу и побольше уделять времени детям. На просьбу сопровождать их в школу Катрин ответила вежливым отказом, с неизменной холодной улыбкой на мраморных губах. С её слов, она слишком дорожит своей нянькой и не хочет нагружать её излишними заботами. Дворецкий, наверняка следуя указаниям той же Катрин, больше не просил её ходить за покупками. На улице же холодало с каждым днём, то и дело с неба в мареве промозглого дождя срывались первые снежинки, почти не переставая дул пронизывающий ветер. И посему детям так же возбранялось находиться на улице дольше, чем необходимо, чтобы

добежать от паромобилия до входных дверей и обратно. А вместе с детьми уличных прогулок лишалась и Элен. Огромный особняк постепенно превращался в узилище.

И ей ничего не оставалось, как жить дальше, приспосабливаясь к новой, полной странностей и загадок жизни. И только оставаясь наедине с собой в спальне и заперев двери, она могла вздохнуть с облегчением. Ощущение слезки тут же исчезало, а все тревожения оказывались отрезанными. И конечно непоседливые двойнята были тем якорем, что держал её здесь и той причиной, что придавала ей сил стоять и дальше с высоко поднятой головой, не сгибаясь и не подавая виду, что её что-то беспокоит.

Она только-только уложила детвору в кровати, рассказав на скорую руку сочинённую сказку. С недавних пор двойнята стали настойчиво требовать от своей няньки ежедневную историю на ночь. И, похоже, не собирались ни под каким предлогом отступить от зародившейся традиции. Элен никак не могла устоять перед большущими детскими глазами, с надеждой и обожанием глядевшими на неё. Что ж, сказки, значит, сказки. Она ничуть не возражала. Тем более что, какой-никакой опыт у неё имелся. Тони тоже любил всяческие интересные и захватывающие истории. А их Элен знала множество. Да и придумать новую не составляло для неё труда...

Но этим вечером в голову настойчиво лезли тревожные мысли, и сказка получилась на редкость короткой и сумбурной. Однако двойнята остались довольны и послушно запрыгнули в кровати. Расцеловав детей в умытые мордашки, Элен пожелала им спокойной ночи и отправилась в свою комнату. Том и Сью хором сказали, что любят её, и, повизгивая, начали зарываться под одеяла.

Убедившись, что дверь и в самом деле заперта, девушка проверила, хорошо ли сидит ключ в замочной скважине и только потом позволила себе расслабленно упасть на кровать. Повернувшись на бок, Элен подложила под голову ладошку и замерла. Её взор устремился на платяной шкаф, где в самом низу, под свисающей с вешалок одеждой находилась обувная коробка, в которой она спрятала отобранные у Тома пузырьки с хитрыми глазными каплями, превращающими глаза в непроглядные мутные озёра. Эти капли не давали ей покоя. Она постоянно в мыслях возвращалась к ним. К Стефану. И к доктору Аткинсу.

Стефан опять куда-то запропастился. Она не видела его весь остаток дня. Наверняка прячется где-нибудь, или же закрылся в своей комнате, до глубины души потрясённый недавним визитом Элен. Порой девушка начинала задумываться, что она испытывает к этому странному юноше? Какие-то чувства она определённо питала. Но что это было? Жалость? Сострадание, сочувствие, дружеское участие? Или нечто большее? Но что может быть больше, если не любовь?

Перевернувшись на спину, Элен прикрыла глаза. В спальне были задёрнуты шторы и вечерние сумерки начали ютиться в углах комнаты, постепенно затягивая всё пространство тёмным рассеянным пологом. Элен понимала, что Стефан ей нравится. Как бы это ни чудно звучало. Но чтобы чувствовать к нему нечто большее? Любовь? Она не знала, что это – любовь женщины к мужчине. Из чего она зарождается? Вдруг, из этих самых, вроде бы вполне обычных чувств?

Но Стефан... Он же не такой, как все. Он ведь... Элен распахнула глаз, глядя в высокий, начинающий сереть потолок. Ведь Стефан же ненормальный! Разве можно испытывать чувства, сродни любви, к тому, у кого не в порядке с головой? А если так, то в порядке ли она сама?! Элен никогда не считала себя красавицей или очень интересной для молодых людей особой. А все комплименты в свой адрес считала в лучшем случае игривыми шутками. Понятно, что многие были бы не прочь залезть ей под юбку, но при чём, в таком случае, здесь любовь?!

Девушку окутывала тишина. Тишина и сгушавшиеся сумерки. А вместе с проникающей в комнату тьмой, этим предвестником неумолимо надвигающейся ночи, девушку всё больше пронизывала непонятная смутная тревога. Как наверняка сказал бы Джек Спунер, она задни-

цей чувствовала жаренное. Так, стоп, о заднице лучше не думать вовсе. Элен горько усмехнулась, прямо-таки ощутив на своей пятой точке мерзкую отвратительную клешню директора Мерсифэйт, по-хозяйски сжимающего её ягодицу. В отношении этого человек Элен была абсолютно уверена, что чувствует к нему исключительно ненависть. Ту уж двух мнений быть не могло. А если это подонок ещё и каким-то гнусным образом травит Стефана... Элен с силой стиснула в кулачках накинутое на постель покрывало.

Но что она может? Она обычная девчонка из самой простой трудовой семьи, вынужденная работать на состоятельных людей, чтобы иметь возможность купить себе чулки с трусами, не залезая при этом в довольно тощий родительский кошелёк. Она такая, как все. Подобная сотням и тысячам населяющих столицу самых простых людей. Винтик в механизме современного индустриально высокоразвитого города. Что она может? Элен закусилась нижней губой, упрямо выдвигая подбородок. Случается, что и винтик, брошенный во вращающуюся шестерню, способен остановить и сломать любую, даже самую надёжную и безотказную машину. Правда, от винтика после такого обычно ничего не остаётся...

Готова ли она, если понадобится, стать этим самым винтиком? Элен и на этот вопрос не могла дать однозначного ответа.

Ладно, время позднее, пора бы уже и готовиться ко сну. А то не ровен час, её сморит на неразобранной кровати в тщательно отутюженном форменном платье. Нетушки. Необходимо следить за внешностью и соответствовать занимаемой должности. Она не может попустить себе в том, что требует от Тома и Сью. Нянька не должна выглядеть замарашкой. Элен поднялась с постели и в два отработанных приёма выскользнула из платья, оставшись в чулках и нижней рубашке. Платье было аккуратно расправлено и повешено в шкаф. Переобувшись в тапочки, Элен поставила туфли в изножье кровати и направилась в ванную комнату, напоследок бросив ещё один пристальный взгляд на входную дверь. Ключ по-прежнему сиротливо торчал из замочной скважины.

Нашарив на стене справа от себя выключатель, Элен щёлкнула тумблером, зажигая подвешенный к потолку электрический светильник и прикрыла за собой дверь, оставив небольшую щель между дверным полотном и косяком. Так, на всякий случай.

Присев на краешек чугунной ванны, и открыв краны с горячей и холодной водой, девушка скинула тапки, стянула чулки и пошевелила пальцами ног. Ступнями она по праву гордилась. Они были маленькими, узкими, а пальчики аккуратными и даже на вид весьма симпатичными, с ровно подстриженными розовыми ногтями. Если бы и всё её тело соответствовало тому, что было ниже лодыжек... Девушка распустила завязанные в хвост волосы, дав им свободно рассыпаться по плечам, и сбросила рубашку, оставшись в одном нижнем белье.

Тем временем вода, весело журча, быстро наполняла акваторию ванны. Вверх поднимались клубы влажного пара, прикрученное к стене зеркало начало запотевать. Элен попробовала пальцем воду и, оставшись довольной температурой, прикрутила вентили. Пожалуй, хватит, она маленькая девочка, и нет никакого смысла наполнять ванну до краёв. Приготовив халат, полотенце и шампунь, Элен, высунув нос за дверь, ещё раз убедилась, что вставленный в замочную скважину ключ по-прежнему на месте. И только после этого она рискнула избавиться от трусов и бюстгалтера.

Стыдно признаться, но девушку в последнее время одолевала паранойя. И даже в запертой на ключ комнате она не могла расслабиться. Ощущение слезки, то затихающее, то возобновляющееся с новой силой, не покидало её ни в одной из комнат огромного особняка. И даже ванная, с одной единственной дверью, без окон, где все стены и пол были облицованы плиткой, внушала Элен подозрения. Так что купание начало становиться довольно-таки весомой проблемой. Элен не испытывала никакого наслаждения от осознания того факта, что, возможно, за ней наблюдают, пока она голая натирается мылом.

Прошлым вечером Элен провела в спальне и ванной тщательный обыск, пытаясь обнаружить замаскированные глазки, щели, совсем уж невероятные тайные хода и лазы. Впустую. Её скромных знаний, почерпнутых из чтения бульварных детективчиков, категорически не хватало для обнаружения искомого. А может, она просто ищет чёрную кошку в тёмной комнате? Кому она нужна, чтобы за ней подсматривать? Да и не слишком ли она взвинчивает себе нервы? Ведёт себя как какая-нибудь шпионка в тылу вражеского государства!

Утешившись тем, что обыск ничего не дал, девушка малость успокоилась. Но ненадолго. Она была не в стоянии проверить хотя бы поверхностно все до одной комнаты огромного трёхэтажного дома. И вдобавок девушка сильно сомневалась, что даже если тайные ходы и смотровые глазки существуют, они вот так преспокойно находятся на поверхности, чтобы любая дурёха вроде неё смогла их запросто обнаружить.

Иногда за подобные мысли ей хотелось как следует вздёрнуть себя за волосы. Ну, если она представляется себе шпионкой, то особняк Гиллроев должен быть по меньшей мер древним замком, прямо-таки кишашим привидениями невинно убиенных за сотни лет людей. Было бы совсем неплохо порой осаживать свою непомерно разбушевавшуюся фантазию. А то так недолго и загреметь в одно весёленькое заведение, где её с радостью примет один небезызвестный доктор с грязными и липкими лапами, охочий до телес молоденьких девиц.

Опустившись в горячую, но не обжигающую воду, так приятно обволакивающую мгновенно размякшее тело, Элен прислонилась затылком к положенной на край ванной подушечке и с наслаждением потянулась. Вода мягкой ласкающей периной накрыла её. Оставив над поверхностью лишь голову, Элен смежила веки. Она любила, перед тем как начать мыться, просто полежать несколько минут в горячей воде. Не шевелясь, не открывая глаз и ни на что не обращая внимания.

Но раздавшийся стук во входную дверь Элен проигнорировать никак не могла. Стук вырвал её из расслабляющих объятий nirваны, навеянных горячей водой. Элен распахнула глаза, в первые секунды не успев толком осознать то, что услышала. Стук. В дверь кто-то стучал. Негромко, но достаточно настойчиво. Стук был решительным и упорным. Элен невольно чертыхнулась, выныривая из парующей воды. Ещё никогда в это время никто не ломился к ней в комнату. Кому она могла понадобиться? Хозяевам? Дворецкому? Стефану?!. При мысли о последнем, она покраснела. Встречаться с ним при столь пикантных обстоятельствах начинает входить в заразную привычку.

Элен выбралась из ванной, наскоро обтёршись полотенцем, плюнула на тапочки и накинула на плечи банный халат.

– Иду-иду! – громко сказала она, выбегая из ванной комнаты. Толстый ворс ковра защекотал босые ступни.

За время её отсутствия в спальне изрядно потемнело, и до двери она добиралась практически на ощупь. Лишь тонкая полоска просачивающегося из ванной света указывала ей дорогу. Торопливо зашарив рукой по стене, девушка щёлкнула выключателем. Высоко над головой вспыхнула люстра. Элен провернула ключ в замке и приоткрыла дверь.

Никаких неожиданностей. За порогом стоял Шатнер. В однотонном сером сюртуке, безупречно отглаженной сорочке, тщательно прилизанный, высокомерный и чопорный, прямой, словно проглотивший жердь. Болотистые глаза со стальным отблеском, не мигая, смотрели на неё, словно на жалкую ничтожную букашку. Элен дерзко вскинула голову, отважно встречая полупрезрительный взгляд старика. Интересно, он так смотрит на всех, кто ниже его ростом?

– Вы что-то хотели, сэр? – Элен не отводила глаз, упрямо выдвигая подбородок. Нет, этот желчный подлый человек не сможет больше унижить её, сколько бы он не таранился и каким бы плотоядным ни был его взор. – Простите, что не смогла сразу подойти. Я принимала ванну.

– Я вижу, – поджал сухие губы Шатнер, скользнув ставшим нарочито безразличным взглядом по намокшим кончикам её рассыпанных по плечам волос и кремового цвета халатику.

– Что-то случилось? – Элен специально сделала ударение на втором слове, намекая этому типу, что время позднее, а она девушка приличная, чтобы стоять перед ним в накинутом на голое тело халате и сверкая обнажёнными лодыжками! И чего ему неймётся? Признаться, появление дворецкого пусть и не слишком удивило её, но было крайне неприятным.

– Мне нужна ваша помощь, мисс Харт, – огорошил её высокий старик.

Элен показала, что она ослышалась. Помощь? В десятом часу вечера?! Или же она не так его поняла?

– Вам нужна моя помощь? – тупо переспросила она, на несколько секунд растеряв всю уверенность. Неожиданная просьба дворецкого выбила её из колеи. – Вы хотите, чтобы я вам помогла? Сейчас? Может, вы хотите сказать, что я понадоблюсь вам завтра...

– Нет, мисс Харт, – сказал, как отрезал Шатнер, и Элен могла присягнуть, что заметила в его жёстких глазах промелькнувшую тень злорадства. – Именно сейчас. Безотлагательно.

– Что я должна сделать? – покорно потупилась девушка, застенчиво теребя пояс халата. Она не хотела, чтобы он видел, каким яростным огнём разгорелись её глаза. Да этот мерзавец просто наслаждается её беспомощностью, упивается своим положением и властью над нею, над простой девчонкой с улицы Шестерёнок. Кто она против него? Обычная нянька, которая, как ни крути, должна во всём подчиняться мажордому дающей ей работу семье.

Дворецкий самодовольно улыбнулся самыми краешками губ. В эту секунду он на неуловимый миг стал похож на Катрин. Что ж, Элен слышала, что порою собаки перенимают черты своих хозяев, а Уильям Шатнер был преданнейшим псом Гиллроев. Вот только насколько далеко он готов зайти в своей преданности? Бывали такие моменты, когда Элен просто боялась его.

– Я жду вас внизу на кухне, мисс Харт. Работа не займёт много времени. Но и не терпит отлагательств. Я всё покажу.

– Я только оденусь, – сказала Элен, дрожа от внутреннего негодования.

Она никогда не чуралась работы и лентяйкой её ещё никто не называл. Но в поведении дворецкого ей чудился какой-то умысел. Что-то он темнит. Наверняка он сам придумал эту внезапную вечернюю работу, настолько неотложную и важную, что ему понадобилась её срочная помощь. Что затевает этот старикашка? В какие игры он вздумал с ней играть? И ведь никому не пожалуешься! Катрин и слушать не станет обвинения в адрес своего ненаглядного дворецкого. А с мистером Гиллроем вообще разговаривать бесполезно. Собственно, за все время работы Элен в особняке, он не сказал ей лично ни одного слова.

Дворецкий чуть наклонил голову, словно принимая её условия и не говоря больше ни слова, повернулся к Элен спиной. Девушка проводила негодующим взглядом его удаляющуюся по освещённому настенными светильниками коридору долговязую фигуру. Шатнер всегда ходил с высоко поднятой головой, не сутулясь и не подволакивая ноги. Походка у него была совсем не старческая. Пару раз Элен задумывалась о возрасте дворецкого, но так и не могла дать точного ответа. Несмотря на морщины и седину, Шатнер производил впечатление ещё очень крепкого и сильного человека. А грозному блеску его глаз мог позавидовать и пылкий юнец.

Девушка в сердцах хлопнула дверью и, не теряя более времени, кинулась переодеваться в форменное платье. Времени собирать волосы уже не было, так же, как и одевать чулки, поэтому Элен выскочила из спальни в туфлях на босу ногу. Сбежав вниз по лестнице, и, так никого более не встретив на просторах засыпающего, погружённого в полумрак дома, девушка немного привела дыхание в порядок и вошла на кухню с выражением отрешённого достоинства на лице. Кухню освещала огромная свисающая на цепях многоуровневая люстра. Каблучки

туфель девушки звонко зацокали по устилающей пол мраморной плитке. Дворецкий ждал её возле кухонного стола с самым скучающим видом из всех возможных.

– Вот, – старик указал костлявым пальцем на нечто, чего Элен, замерев посредине комнаты, пока не видела. – Я обнаружил это, совершая ежедневный вечерний обход дома. Это просто непозволительно. Всего лишь час назад этого тут не было. Смею надеяться, что во время ужина вы тоже ничего не заметили, потому что этого ещё не было. В противном случае...

– Да объясните же вы ради всех святых, что вы там нашли! – не выдержала Элен, с тихим отчаянием глядя на разглагольствующего дворецкого. Подходить к нему ближе она не решалась.

– А вы подойдите и сами всё увидите, – сказал Шатнер, делая приглашающий жест рукой. – Смелей, смелей. И только попробуйте сказать, что это не самое настоящее свинство.

Уже заинтригованная, Элен быстро обошла стол и приблизилась к Шатнеру. Одного взгляда, брошенного на пол, ей хватило, чтобы понять причину искреннего негодования старика. На полу, прямо между столом и кухонной плитой была рассыпана гречневая крупа в количестве примерно двух фунтов. Элен потрясённо перевела взгляд с гречки на распахнутую дверцу настенного шкафчика, подвешенного прямо над плитой. На нижней полке шкафчика у самого края лежала опрокинутая жестяная банка, откуда, собственно, на пол и проспалась крупа. Складывалось впечатление, что некто, пытаясь дотянуться до чего-то, сокрытого в самой глубине шкафа, ненароком задел стоящую у края банку и опрокинул её. Правда, что такого особенного могло понадобиться этой... этому... неизвестному свинтусу, Элен и ума приложить не могла. Насколько она знала, в этом шкафчике, забитом коробками и банками, хранились исключительно сыпучие продукты: крупы, специи, соль. И никаких сладостей.

– И что вы прикажете со всем этим делать? – гневно насупленные брови дворецкого выражали самую крайнюю степень негодования.

– Сэр, когда я кормила двойнят, ничего подобного здесь не было, – тихо сказала Элен. – Не думаете ли вы, что я не убрала бы за собой, произошёл такой казус? Кто-то рассыпал гречку уже после того, как я увела отсюда детей. Наверно, это Стефан...

Дворецкий посмотрел на неё как на идиотку.

– Ну разумеется Стефан! А кто ещё это может быть? Уж не думаете ли вы, что сие безобразие дело рук мистера Гиллроя или миссис Гиллрой? Если только ваши подопечные не совершили дерзкой вылазки из кроватей на кухню, чтобы совершить эту возмутительную диверсию!

– Дети в своей комнате, и наверняка уже видят десятые сны, – горячо запротестовала Элен, грудью вставая на защиту двойнят. – Успокойтесь, сэр, я всё приберу. Нет никакой нужды всё усложнять. И не надо так уж сердиться на Стефана. Бедный юноша даже не понял, что совершил что-то плохое! А собственно, ничего особо страшного и не случилось!

Элен почувствовала, что начинает закипать от негодования. И столько-то суеты из-за какой-то несчастной рассыпанной гречки?! Это и есть важное и не терпящее отлагательств дело? В конце концов, она нанималась не уборщицей в этот дом! Или Шатнер возомнил, что она должна нести ответственность и за старшего сына хозяев, раз поддерживает с ним доброжелательные отношения?

– Я всё уберу, – твёрдо сказала она, покусывая губы.

– Смею на это надеяться, – сказал Шатнер, исполненной презрения статуей возвышаясь над невысокой девушкой. – Не намерен больше вас отвлекать. Как управитесь, можете возвращаться в комнату. Больше я не посмею отнимать ваше свободное время.

Шатнер вышел из кухни, оставив Элен мрачно смотреть ему вслед. Старый козёл, мысленно ругнулась она. Неужели он задался навязчивой целью извести её? Что за придирки и странные требования? В первые дни её работы в особняке дворецкий вёл себя иначе. А теперь командует ею так, будто она находится под его личным контролем. В его распоряжении. Или же он за что-то невзлюбил её? Да нет, тут же напомнила себе девушка. Тут что-то другое. Этот

старый подонок просто стоял и смотрел, когда Аткинс лапал её. Просто смотрел и не сказал ни слова. Ничего не сделал для её защиты. Он притворился, что ничего не произошло. Что он ослеп и оглох.

Ну ладно, пустопорожними размышлениями делу не поможешь, вздохнула Элен, берясь на совок и веник. Ну Стефан, спасибо, удружил. В том, что тут похозяйничал слабоумный юноша, Элен даже не сомневалась. Не зря же он прятался весь остаток дня. Наверняка сидел в засаде и вынашивал какие-то сомнительные планы относительно штурма кухонного шкафчика.

– Свинтус, просто свинтус, – бормотала под нос Элен, шустро сметая крупу на совок. – Сколько гречки пропало, ужас...

Дома просыпанная на пол гречка преспокойно вернулась бы в коробку. Однако в особенности таких людей как Гиллрой, этот номер не проходил. Шатнер лично обнюхал бы каждую крупинку, и не дай бог обнаружил бы на ней пылинку. И вода не помогла бы. В домах богатых людей то, что падало на пол, тут же отправлялось в мусорное ведро.

Вся работа заняла от силы несколько минут. Вымывая руки под краном, Элен подумала, что Шатнер и сам бы прекрасно со всем управился. Он больше потерял времени, вытаскивая её из спальни и читая нотации. Не иначе, как специально решил её лишней раз подоставать!

Вернувшись в спальню, Элен первым делом заперла дверь на ключ и понуро побрела в ванную – менять остывшую воду. Да уж, Шатнер смог испортить настроение. Этого умения у него не отнять...

Когда Элен, выкупанная, в халате, с тщательно вытертыми волосами, и приподнятым после ласкающей горячей воды настроением наконец-то упала на кровать, было уже достаточно поздно. Самое время надеть ночнушку и приготовиться ко сну. Всё, хватит на сегодня. Ключ всё так же находился в замочной скважине и больше никаких неожиданностей и «важных и неотложных дел» не намечалось. Но почему-то девушка внезапно почувствовала смутную тревогу.словно она находится не в своей тарелке. Нет, это не было похоже на ощущение слезки или чувство, что она лежит голой на кровати, а кто-то подсматривает за ней через специальную дырочку. Скорее было похоже на неприятную колющую боль от попавшего в башмак острого камушка.

Что-то было не так. Пока она отсутствовала, в её комнате что-то неуловимым образом изменилось. Элен резко села на постели, сбрасывая с себя последние остатки расслабленности. Девушка с нарастающим беспокойством заозиралась по сторонам. Что-то не давало ей покоя, заставляя судорожно искать причину всё нарастающей тревоги. Но пока она ничего не замечала. Всё было, как и прежде. Всё на своих местах. Шторы так же задёрнуты, люстра зажжена, вещи прибраны по своим местам, платье свисает со спинки стула и ждёт момента отправки на вешалку в платяной шкаф. Ага, встрепенулась Элен, платье. Но... Но она же только недавно его сняла и вот оно, на самом виду! Или же... Или платье тут совершенно не причём? А что же тогда? Какая связь между платьем и... Шкаф. Всё дело в платяном шкафу, внезапно поняла девушка. И это знание, ясное как день, внезапно полностью захватило её мысли.

Элен осторожно, словно боясь, что обожётся, опустила босые ноги на застеленный паласом пол. Взгляд её больших карих глаз неотрывно был прикован к шкафу, в котором среди её небогатого гардероба находилась и коробка со спрятанными пузырьками.

Она приблизилась к шкафу и несколько секунд мешкала, не решаясь взяться за витые бронзовые ручки дверок. Шкаф высился перед девушкой могучей дубовой громадой, таким несокрушимым утёсом. И почему-то именно сейчас он пугал её... Элен сама не знала, чего она испугалась больше. Того, что она может обнаружить внутри шкафа или наоборот – чего не увидит?

– Так, кажется, я и впрямь начинаю сходить с ума, – невесело сказала девушка, пытаюсь подбодрится звуками собственного голоса. – И чего ты боишься, глупая дурёха? Ты же сто раз открывала и закрывала этот чёртов шкаф! Так что же останавливает тебя сейчас?..

Пальцы Элен крепко ухватились за ручки, и девушка потянула дверцы шкафа на себя. И облегчённо выдохнула. Внутри никого не было, кроме вешалок с одеждой. Никто на неё не прыгнул и не укусил. Воображение, рисовавшее всяческих затаившихся в недрах шкафа чудовищ, позорно притихло.

– Вот и славно, вот и чудненько! – воробышком защебетала Элен, старательно избегая смотреть в самый низ шкафа, где находилась выглядывающая из-под пальто обувная коробка. Именно там и лежали загадочные глазные капли от доктора Аткинса.

Элен нехотя опустила на корточки и тут обратила внимание, что её руки дрожат. Да что же это с ней такое, а? На глазах девушки внезапно выступили беспомощные слёзы. Что с ней творится? Почему она так опасается заглянуть в эту чёртову коробку, словно она набита под завязку ядовитыми змеями?

– К дьяволу всё, – буркнула Элен и торопливо схватила коробку, готовая в любую секунду отдернуть руки, как от раскалённой печки.

Не медля более ни секунды, девушка сняла с коробки крышку и торопливо заглянула внутрь. В картонке лежали её осенние башмачки с высокой шнуровкой и низким каблуком. И всё. Больше внутри ничего не было. Ни одной из трёх отобранных у Тома склянок с глазными каплями. Элен, так и не вставая с корточек, осела на пол, шлёпнувшись на пятую точку.

Не может быть! Этого просто не могло быть! Она же сама, лично сама положила в эту коробку между башмачками (купленными отцом два года назад на весенней ярмарке) три стеклянных пузырька. Они должны быть здесь! Но их не было. И это было страшным пугающим фактом. Кто-то, пока её не было в комнате, забрался в шкаф и украл эти капли. Кто-то, кто постарался замести за собой следы, не оставив после себя и малейших, намекающих на постороннее присутствие улик. И этот неизвестный явно обладал чутьём ищейки, раз смог так быстро найти пузырьки. Хотя тайник, если честно, был не бог весть каким. Да и не претендовала обычная коробка изначально на роль хранилища. Просто девушка хотела, чтобы эти пузырьки лежали в надёжном месте, скрытые от чужих глаз и от детей, пока она не заберёт их из особняка домой. Но некто явно знал, что он ищет, и точно знал, что эти злосчастные склянки находятся в её спальне. А уж найти их было делом техники...

Перед глазами девушки в безумном хороводе метались разноцветные круги, в ушах шумело, а сердце билось настолько сильно и быстро, что едва не выпрыгивало из грудной клетки, готовое упасть в открытую картонную коробку.

Элен закрыла коробку, причём ей удалось надеть крышку с первого раза, и вернула на место. Поднявшись на ноги, она аккуратно прикрыла дверцы и, повернувшись, привалилась в шкафу спиной, уже не боясь, что изнутри высунется чья-то когтистая лапа и цапнет её за филейную часть.

– Становится очень интересно, да? – девушка облизала пересохшие губы. Так, спокойно, спокойно, без истерики. Надо взять себя в руки. И постараться трезво оценить сложившуюся ситуацию.

Она вступает на тонкий лёд. Как бы не провалиться... Во что она ввязалась? И что, во имя всех Святых, происходит в этом огромном, полном неоднозначных вопросов и странностей доме? И что она здесь делает?!

Элен стало крайне неудобно. Она затравлено посмотрела на запертую изнутри входную дверь. Как же ей внезапно захотелось тут же переодеться в дорожное платье, собрать все свои немногочисленные пожитки и бросится прочь из комнаты, а потом ещё дальше, прочь из этого дома и, невзирая на ночь, бежать отсюда как можно дальше, не щадя ног! Бежать, пока хватит сил и не собьётся дыхание, пока не упадёт, как загнанная лошадь. В этот миг Элен показалось,

что подобный шаг был бы наиболее разумен. И пусть такой поступок был бы самой настоящей трусостью, она бы не стала себя корить за него. Господи, да она же всего лишь девятнадцатилетняя девчонка! Она должна бояться! Это в порядке вещей, это в природе человеческой, чтобы молоденькие девушки, сломя голову и пища от ужаса, бежали при первых же признаках опасности. Она слабая и беззащитная. Она плакса. У неё нет ни мужской силы, ни мужественности, ни храбрости. А о лвиной отваге и железной силе воли приходится только мечтать! Так почему же она ещё не бежит?!

– Кажется, ты села за покерный стол с одними шулерами, детка, – беспомощно усмехнулась Элен. – У тебя нет ни одного шанса уйти при своих деньгах. Обдерут как липку... Беда в том, что при таком раскладе я мало что могу.

Сравнение может и было притянутым за уши, но наталкивало на определённые размышления. Выводы, конечно, делать было ещё рановато, но одно уже стало неприятным и весьма настораживающим фактом. Моментом истины. Кто-то похозяйничал в её спальне. Понятно. Это уже она уяснила и точка. Когда именно этот некто залез к ней, вот в чём вопрос... Если верить внезапно обострившемуся предчувствию и принять во внимание то, что, пока она прибиралась на кухне, двери спальни были не заперты, то вывод напрашивается сам собой. Так неужели вся эта раздутая Шатнером паника была своего рода фарсом, отвлекающим манёвром, чтобы выманить её и залезть в шкаф? Но почему именно сейчас? И кто же это был в таком случае? Неужели лично дворецкий? Но что заставило его пойти на этот шаг? И...

Вот он, пожалуй, наиглавнейший вопрос. Откуда этот кто-то обо всём узнал? Элен медленно подошла к окну и отёрнула тяжёлую штору. За стеклом притаились сгустившиеся сумерки, обнимая огромный особняк со всех сторон. На погружившейся в подступающую ночь улице зажигались газовые фонари, а в соседних домах окна. Девушка подалась вперёд и посмотрела вниз, на подъездную площадку перед парадным входом. Как бы она хотела, чтобы Джек пришёл именно сейчас, и она увидела его и узнала, что такого важного он хотел ей сказать... Может, Джеку было известно что-то о тайнах, что скрывал особняк Гиллроев? Возможно ли, что беспризорный мальчишка хотел предупредить её о грозящей опасности?

Элен поёжилась, отворачиваясь от окна и отпуская штору. От подобных мыслей действительно становилось страшно.

Если предположить, что дворецкий заодно с доктором Аткинсом и последний каким-то невероятным образом узнал, что из шкапулки Стефана пропало несколько ампул с прописанным ему лекарством... Но всё равно не могли же эти люди читать мысли! Если только, только... Элен пристально обвела хмурым взглядом свою комнату. Если только у стен и вправду нет ушей и глаз. И что теперь?

Элен скинула халат, оставшись в чём мать родила, и взялась за заранее приготовленную ночную рубашку. Одевалась она быстро, суетливо просовывая руки в рукава. Ей не хотелось оставаться обнажённой больше, чем того требовалось. Скоро, наверно, будет переодеваться под одеялом, пришла в голову совсем невесёлая мысль.

Волосы после купания ещё толком не высохли, падая густыми тяжёлыми волнами на плечи и спину. Элен подошла к трюмо и взяла расчёску. Присев на краешек кровати, она начала приводить свою роскошную гриву в порядок, настороженно поглядывая на запертую дверь и кусая губы.

За этим занятием и её и застал повторный стук. Такой же, как и предыдущий. Негромкий, настойчивый, наносимый сильной и твёрдой рукой. Рукой абсолютно уверенного в себе человека. К сожалению, Элен и наполовину не чувствовала себя такой же.

В том, что за дверями опять стоит дворецкий и настойчиво пытается окончательно превратить её свободный вечер в оживший кошмар, Элен даже не сомневалась. Отложив расчёску, девушка быстро поднялась на ноги и затравлено уставилась на двери.

– Кто там? – громко спросила она и тут же поняла, какую глупость сморозила, задавая подобный вопрос в чужом доме, принадлежащим людям, на которых она работала. В подобных случаях говорят совсем другое. Не спрашивают, а заверяют, что сейчас откроют. Да она и сама это прекрасно знает и совсем недавно говорила. Но сейчас всё изменилось.

– Мисс Харт, – донёсся за-за двери приглушённый голос Шатнера, – уделите мне ещё одну минутку.

– Опять важное и безотлагательное дело? – нервно хмыкнула Элен, подходя к порогу. – Но это в последний раз, сэр. Я не хочу осложнений, но буду вынуждена обо всём рассказать миссис Гиллрой. Вы начинаете переходить всё рамки дозволенного.

Кого она хочет напугать? Этого хозяйского прихвостня? Да в случае чего её слово сопливой девчонки будет против веских доводов преданного лакея Гиллроев. И кому в таком случае отдадут предпочтение, нетрудно догадаться.

– Откройте двери, мисс Харт, – ей показалось, или в густом тяжёлом голосе дворецкого прорезалась угроза?

Элен обречённо обхватила дверную ручку. Ей стало страшно. Шатнер, находясь по ту сторону двери, пугал её. Она понимала, что с каждой минутой боится его всё больше и больше. Интуиция кричала ей, что этот человек принёс с собой одни неприятности и стоит ей открыть дверь, и обратного хода уже не будет. Что бы он ни сказал, всё изменится. И совсем не к лучшему.

Ладони девушки вспотели, а в висках невидимые молоты застучали с удесятерённой силой. Решиться же повернуть в замке ключ было не легче, чем послать дворецкого к чертям собачьим.

– Открываю, открываю, – тоскливо сказала она, проворачивая ключ в скважине.

Распахнув дверь, девушка вновь встретилась с презрительным и высокомерным взглядом высокого старика. Взглядом крайне пугающим и жутким. Шатнер смотрел на неё, как на существо низшей каты, недостойное даже слизывать грязь с его начищенных штиблетов.

– Вы не слишком торопились, юная леди, – обвинительно начал дворецкий, буравя её отливающими сталью холодными глазами.

– А вы задались целью довести меня до белого каления, – с ходу выпалила девушка, собирая всю смелость в кулак. От дворецкого прямо-таки исходила волна накаत्याющего страха, готового растерзать её, и бросить на колени. И она боялась. Боялась, но всё равно продолжала, не отворачиваясь, смотреть ему в глаза.

– Вы мне дерзите, мисс Харт, – процедил Шатнер. – Я предупреждал миссис Гиллрой, что от вас будут одни проблемы. И теперь с радостью вижу, что мои предположения подтверждаются. Вы грубая, некомпетентная и вульгарная нахалка, которая недостойна и одной лишней секунды находиться в этом доме. И вы вдобавок крайне любопытная особа, любящая совать свой нос не в своё дело. Не так ли, мисс Харт?

Вот после этих недвусмысленных слов Элен почему-то окончательно стало не по себе. На что он намекает? Неужели её весьма смелые предположения были на сто процентов верными?

– Что вы хотите этим сказать? – растерянно пролепетала девушка. Её охватило странное чувство. Будто она попавшаяся на краже фамильного серебра воровка, которую бдительный дворецкий схватил за руку.

– Ничего, кроме того, что вы доигрались, – сухо сказал Шатнер, растянув тонкие, почти бесцветные, губы в снисходительной улыбке. – Я же насквозь вас вижу. И мне прекрасно известно, о чём вы думаете, что вы делаете... Я знаю о каждом вашем шаге. Вы у меня давно на примете. Я слежу за вами...

Дворецкий выразительно указал на свои холодные, глубоко посаженные глаза, в которых Элен отчаялась разглядеть хоть что-то человеческое.

– Вам бы сидеть да помалкивать. Не высовывать своего любопытного носа и не видеть дальше него. Но нет, вы начали вмешиваться в совершенно не касающиеся вас дела.

– Могу сказать одно, я совершенно не понимаю именно вас! – Элен храбрилась из последних сил, пытаясь не отступить под напором уничижающих слов. – И я не собираюсь терпеть ваши огульные обвинения незнамо в чём, и позволять вам и дальше оскорблять меня! Завтра же, с утра я обо всём расскажу миссис Гиллрой...

Дворецкий стоял прямой, как столб. Не сгибаясь и не сутулясь. Он занимал почти весь дверной проём. Элен только сейчас поняла, насколько старик высок и крепок. Да ему бы работать в доках или на причальных мачтах. Стропа таскать, а не подносить салфетки! Уильям Шатнер спокойно обернулся, словно желая убедиться, что за спиной никого нет, и сказал:

– Миссис Гиллрой уже извещена о вашем поведении, юная леди. Не волнуйтесь, Катрин всё знает.

Последняя фраза дворецкого прозвучал до того двусмысленно и пугающе, что девушка тут же покрылась испариной. Её бросило в дрожь.

– Я не понимаю, в чём вы меня обвиняете, – Элен задрала лицо, снизу верх глядя на преграждающего выход из комнаты старика. – Разве я плохо работаю и хоть раз дала в себе повод усомниться?

– О, нет, что вы! Работаете вы и впрямь недурно. Верно и то, что двойнята вас обожают. Но они всего лишь маленькие и глупые дети. Вы чересчур любопытны, мисс Харт. И слишком много на себя берёте. Разве вас не учили, что в чрезмерных знаниях может таиться немало опасности для того, кто эти знания ищет?

От этой странной, немного запутанной, но невероятно пугающей беседы с вломившимся к ней на ночь глядя дворецким Элен дрожала всё больше и больше. С каждым новым сказанным словом старик всё дальше загонял её в умело расставленные сети, которые намертво спутывали её по рукам и ногам. Да что же ему надо, в конце-то концов? Что за чушь он несёт? И почему он начинает приплетать к своим маниакальным подозрениям и саму хозяйку? Уж не хочет ли он сказать, что действует с её позволения? Но чем же она провинилась перед всеми ними? Тем, что всей душой привязалась к их детям?! У Элен из груди вырвался негромкий всхлип, накапливающиеся на глазах слёзы стали слишком тяжелы и в любую секунду могли прорвать запруды и обильными потоками покатиться по покрасневшим от обиды щекам. Ещё никогда с ней не разговаривали в таком тоне и никогда не обвиняли в подобных вещах. Она ощутила себя испачканной, будто её взяли за шкурку и окунули в грязь.

– Вам же это нравится, да? – Элен огромным усилием воли сдержала рвущиеся наружу слёзы.

– Что именно? – в стальных глазах дворецкого появилась насмешка.

– Вы испытываете огромное удовольствие, унижая меня. Вам нравится говорить мне все эти гадости. Вы бесчувственный и жестокий тип, мистер Шатнер. У вас нет совершенно ничего святого. И вы просто стояли и смотрели, как доктор Аткинс лез ко мне своими грязными лапами! Просто смотрели и ни слова не сказали. Но я всё запомнила. Всё до последней мелочи. И я готова поклясться, что вам так же очень нравилось всё происходящее. Вам доставляет радость не только оскорблять людей, но смотреть, как это делают другие подонки навроде вас, сэр!

Выпалив всё, что накипело, девушка с удивлением почувствовала себя немного лучше. Готовый сожрать её с потрохами страх немного отступил, словно произнесённые слова укрепили её трепещущее сердечко, придали уверенности в собственных силах и дали смелости, в которой она так сейчас нуждалась!..

Шатнер выглядел несколько озадаченным. Даже изумлённым. Он с немалым интересом посмотрел на не отступающую перед ним юную девушку. С интересом хищника, почти гото-

вого убить жертву, но в последний момент решившего оттянуть сладостный миг и ещё немного поиграть с ней, потому что жертва его внезапно чем-то увлекла...

– А вы далеко не трусиха, мисс Харт, – почти промурлыкал старик. – Мне даже становится приятно с вами разговаривать. Вы не такая как остальные.

– Остальные? – машинально, эхом отозвалась Элен.

– Остальные няни, – многозначительно подмигнул ей Шатнер и снисходительно пояснил. – Те, что работали в этом доме до вас. По большей части они все были одинаковы. Ну, может последняя хоть как-то выделялась. А вы... Вы с огоньком. И почему вам не сиделось ровно на одном месте? Ведь вы же и в самом деле так понравились детям, что миссис Гиллрой, было, решила даже оставить вас... И если бы не ваш очаровательный длинный любопытный носик... Можно сказать, что вам просто не повезло.

Элен оторопела. Признания дворецкого поселили в ней ещё больший страх. За эти несколько минут он сказал ей больше, чем за все неполные две недели её работы в особняке. Что он такое несёт? С его слов выходит, что со всеми прежними девушками, что работали здесь до её прихода, произошло что-то загадочное и ужасное? Но что?! Что происходит, чёрт возьми? Или же она опять не так всё понимает и начинает выдумывать от страха бог невесть что?

– О, вижу, что вы о многом задумались, – правильно прочитал отразившиеся на лице девушки эмоции дворецкий. – Я, пожалуй, слишком долго болтаю с вами, когда уже всё решено. Но мне и впрямь становится не на шутку интересно. Не думал, что у вас хватит духу и дальше стоять на своём. Вы храбрая девушка, мисс Харт. Но, к сожалению, начали искать совершенно не нужные приключения на свою милую попку. Которая так приглянулась нашему замечательному доктору Аткинсу. А он в них понимает!

Элен побледнела. Воспоминания с новой силой обрушились на неё. Она практически ощутила прикосновение наглых цепких пальцев Аткинса. Скабрёзные слова старика пробудили к жизни глубоко упрямое чувство испытанного унижения, заставляли вновь почувствовать себя излапанной и морально изуродованной.

– Замолчите, замолчите, вы! – нижняя губа Элен задрожала. Но вовсе не от страха. Её начала душить навесь откуда взявшаяся ярость. Глаза девушки высохли и зажглись двумя опасными огоньками. Да, может Шатнер и прав, и она не самая последняя трусиха на свете. А раз так, то она ещё способна постоять за себя. – Иначе!..

– Иначе что? – с неприкрытой издёвкой спросил дворецкий. Он ожил, потрясённо поняла Элен. Унижая и обзывая её, он действительно ожил. Сбросил непробиваемое безразличие каменной статуи и проявил вполне себе живые человеческие эмоции, пусть и окрашенные в сплошь чёрные цвета.

– Иначе я ударю вас, – голос девушки зазвенел готовым распрямиться и ужалить согнутым в кольцо стальным кликом.

– Хотел бы я на это посмотреть! – расхохотался Шатнер.

Элен ушам свои не верила. Она уже и не думала, что когда-нибудь услышит смех этого человека. Если разобраться, то лучше бы она его не слышала и дальше. Старик резко оборвал смех и, не моргая, уставился на неё. И этот взгляд, напряжённый, тяжёлый и пристальный не сулил девушке ничего хорошего. А ещё она заметила одну деталь, которой как-то поначалу не придавала значение. Левую руку Шатнер держал за спиной. И за всё время их разговора так и не убрал её оттуда. Это было очень подозрительно. Почему он прячет руку? Не хочет, чтобы она увидела, что он, возможно, держит за спиной? Но что в таком случае он может прятать от её глаз?

– Ну что же ты, маленькая сучка? – Шатнер подначивал её, переходя уже все дозволенные границы. – Долго я буду ждать, когда наконец ты решишься? Ударь меня! Ну же!

– Ну ты сам наприсился! – выдохнула Элен, без размаху посылая кулачок в физиономию дворецкого.

Была она совсем не по-женски, ладошкой, а на боксёрский манер, прицельно и точно. Вполне возможно, кого другого её финт и смутил бы. Не ожидающий от невысокой девушки подобного трюка человек пропустил бы удар, схлопотав по зубам. Но как выяснилось, Уильям Шатнер был готов и не к такому повороту событий.

С фантастической скоростью он уклонился в сторону, перехватывая её руку. Пальцы дворецкого сомкнулись на запястье девушки, и ей показалось, что она попала в паровой пресс. Пальцы Шатнера стальными тисками сжались, заставив её охнуть от резкой боли. Шатнер дёрнул Элен на себя. Потеряв равновесие, она буквально упала на грудь высокого старика.

– Кусаться вздумала? – прошипел в побелевшее от боли лицо девушки дворецкий и отшвырнул её в сторону, словно она весила не больше трёхмесячного котёнка.

Элен влетела обратно в комнату и упала на спину, пребольно ударившись затылком о выросшую на пути спинку кровати. В голове зашумело, острые раскалённые спицы пронзили мозг, из глаз полились слёзы. Старик вошёл в спальню и прикрыл за собой дверь. Элен, лёжа на спине, со страхом смотрела на него. Высокая тощая фигура в длинном сюртуке и начищенных штиблетах. В этот момент он казался ещё выше и неприятнее чем обычно, выглядел настоящим злобным великаном, готовым насупить на неё и растоптать. Он что-то говорил, но до Элен долетали лишь обрывки слов. В уши словно кто-то набил ваты.

Застонав, девушка заставила себя встать на ноги. Держась за ушибленный затылок, на котором вздулась огромная пульсирующая наэлектризованной болью шишка, она попятилась прочь от надвигающегося на неё страшного старика.

– ... не уйдёшь, девочка, – внезапно услышала Элен, будто одним мановением избавляясь от забитой в уши ваты. – Отсюда нет выхода. Не сопротивляйся, и ты пострадаешь не больше, чем другие.

Элен отступала, зная, что позади неё нет ничего, за что можно было бы спрятаться и скоро она упрётся поясницей в подоконник. Но не будет же она сигать в окно! Вряд ли она станет целей, если упадёт на каменную брусчатку с высоты второго этажа!

– Смотри, что я припас для тебя, – добродушно улыбаясь, как факир, готовый показать заинтригованному ребёнку невероятный фокус, дворецкий продемонстрировал Элен свою левую руку. Она судорожно сглотнула, увидев зажатый в кулаке Шатнера наполненный какой-то мутной жидкостью шприц с угрожающе блестящей хищной иглой. Всё это время он прятал за спиной шприц. Наверняка запроваженный какой-то усыпляющей гадостью.

Всё понятно, дворецкий хочет усыпить её, а потом, беспомощную, сдать на руки лучшему другу этого семейства доктору Аткинсу! Элен затравленно огляделась. Ей хотелось плакать и выть во весь голос. Да что же это такое! За что с ней так? Неужели только из-за того, что она узнала о содержимой шкатулки Стефана? Да что же такого действительно опасного в этих каплях, раз из-за них её готовы запереть в психушке? Элен обливалась холодным потом, как замороженная следя за шприцем в руке неспешно приближающегося дворецкого. Ведь её не просто хотят выгнать с работы, нет. Её хотя обездвижить и отдать в лапы этому страшному психу. В голове девушки не укладывалось, как такое вообще возможно. То, что происходило сейчас, казалось ожившим кошмаром, перебравшимся в реальность обретшим плоть страшным сном. Да такого просто не могло быть! Не с ней! Не в этой комнате и не в этом доме, где всего лишь этажом ниже в своих кроватках посапывают два очаровательных ребёнка, о которых она заботилась и которых всем сердцем полюбила! В доме, где взбесившийся дворецкий с молчаливого одобрения хозяев пытается сделать с ней воистину жуткие вещи.

Что же делать? Шатнер, несмотря на возраст, чудовищно силен и ей с ним ни за какие коврижки не справится. Закричать? Позвать на помощь? Кого? Гиллроев, которые сами дали дворецкому добро на свершаемые им ужасные действия? Да и не могла она кричать. Её вопли наверняка разбудили бы детей. А меньше всего Элен хотела, чтобы они видели то, что сейчас происходит. Она не хотела, чтобы они видели её, взъерошенную, с мокрым от слёз лицом,

и плескающимся в глазах диким ужасом, загоняемую в угол превратившимся в бездушного монстра дворецким. Нет, будь она проклята, но Том и Сью ни за что этого не увидят. Она не будет кричать. Даже если бы был малейший шанс, что кто-нибудь на улице из случайных приподнявших прохожих или соседей услышит, что сейчас происходит за толстенными непроницаемыми стенами старинного особняка.

Элен встряхнула головой. Зудящая боль, жадно вгрызающаяся в затылок, несколько притихла. Девушка резко бросилась влево, будто пытаясь обминуть дворецкого, но он тут же сделал широкий шаг, перекрывая ей дорогу. И тогда Элен, не медля, сделала великолепный прыжок ускользающей от тигра лани и перепрыгнула через кровать, оказавшись на другой половине спальни. Обманный трюк удался. Шатнер явно не ожидал, что она в своём стесняющем движения платье окажется способна на такой прыжок. Не теряя более не секунды, девушка бросилась к двери. Ей нужно выскользнуть из превращающейся в ловушку комнаты в коридор, добраться до лестницы, сбежать вниз и со всех ног мчаться к парадному входу. Только оказавшись на улице, она окажется в относительной безопасности. Что будет дальше, она не задумывалась. Не было времени, и мысли были заняты совсем иным. События развивались настолько стремительно, что девушка просто физически не могла всё охватить. Сейчас она нацелена была лишь на одно – убежать от вооружённого шприцем Шатнера.

Преодолев отделяющие её от спасительного выхода ярды за рекордно короткое время, Элен ещё успела подумать, что, похоже, начинает выигрывать. Как тут же всё её надежды были одним махом разрушены. Тяжёлая рука с уже знакомыми стальными пальцами легла ей на плечо, сжала и с немислимой силой швырнула прочь от двери. Элен не хватило жалких секунд, чтобы ухватиться за дверную ручку.

Во второй раз очутившись на полу, девушка приподнялась на локте и потрянула головой, приводя мысли в порядок. Невероятно! Да быть этого не может! Как семидесятилетний старик может передвигаться с такой скоростью? Ладно бы ещё в его руках оставалась недюжинная силища, так ведь и двигается он намного быстрее неё! Иначе как объяснить, что он в мгновение ока догнал её! Элен отказывалась верить сама себе.

Девушка встала на колени, опираясь ладонками о пол. Она здорово ушибла левое бедро, когда со всего маху грохнулась под гардеробный шкаф. Вставай, вставай же, мысленно заорала она себе!

Застонав сквозь до крови стиснутые зубы, девушка опять поднялась на ноги. Шатнер же, замерев посреди спальни, низко опустив голову, с мрачной ухмылкой наблюдал за ней. Он никуда не торопился, словно зная, что как бы жертва не металась и не рвалась вон, ей никуда не деться. Дверь клетки захлопнулась.

– Мисс Харт, вы совершенно напрасно тратите моё время и ваше здоровье, – вернулся к своему обычному официально-пренебрежительному тону дворецкий. – Давайте перекажем все эти бесполезные физические упражнения. Один укол – и вы погрузитесь в чудесный сон. А проснувшись, будете уже далеко отсюда. Поверьте, так будет лучше.

– Хочешь преподнести меня своему дружку в подарочной бумаге, перевязанной ленточкой? – с ненавистью прохрипела Элен, держась одной рукой за угол шкафа и лихорадочно ища пути отступления. Нет-нет да её глаза и возвращались к задёрнутому шторами окну. А может, лучше рискнуть сломать себе шею, чем становиться добычей директора Мерсифэйт? Одному богу известно, что её ждёт в застенках психушки! – Именно таким образом и оканчивалась работа всех предыдущих нянек, да? А может и не только их? Вдруг я не знаю о пропавших в этом вертепе кухарках, служанках и горничных?!

Свободной рукой Элен отчаянно шарила вокруг себя, в тщетной попытке нащупать хоть что-нибудь, что можно использовать как оружие. К сожалению, в её комнате не хранилось ни ружей, ни сабель. Но... Рядом со шкафом, у стены, стоял низкий резной столик с поставленной на него тяжёлой керамической вазой, исполняющей роль части декора комнаты. В этот миг

Элен была готова расцеловать Катрин за её специфический вкус. Пальцы девушки сжали узкое горлышко вазы.

Шатнер, будто и не замечая манипуляций Элен, смело пошёл на неё. В занесённом кулаке сверкающий в свете люстры шприц, в глубоко посаженных болотистых глазах решимость покончить с ней.

Элен встретила его сильнейшим ударом в голову. Она собрала все остатки сил и призвала на помощь всю отпущенную ей природой ловкость, чтобы успеть садануть дворецкого до того, как он сможет ей помешать. И у неё получилось! Тяжеленая, грушевидной формы ваза с гулким хрустом ударилась о висок старика и звучно лопнула, разлетевшись на десяток крупных осколков. Элен невольно зажмурилась. В её лицо брызнуло несколько мелких капелек крови. От столкновения с черепом Шатнера и силы отдачи её рука онемела до локтя. По мнению девушки, подобное могло остановить быка. Но не Уильяма Шатнера. Он даже не пошатнулся. Его голова резко дёрнулась, из рассечённого тронутого сединой виска потекла кровь, пачкая отложной воротник сюртука и безукоризненно отглаженную сорочку. Но и только. Он не упал, не закричал от боли, вообще не издал ни звука.

Правая рука старика атакующей змеёй схватила девушку за горло, а левая, не мешкая, всадила иглу шприца ей в плечо. Глаза Элен сначала расширились, едва не выскочив из орбит, гортань обожгло тупой проникающей болью, в глазах потемнело от нехватки кислорода. У неё на горле словно захлопнулся стальной удушающий ошейник. А затем по телу пробежала смягчающая тёплая волна, выбивающая почву из-под ног и отключающая все чувства. Зрение, слух, обоняние. Элен замерла, как парализованная. Она перестала ощущать даже кончики пальцев. Её глаза сами собой закрылись, а потом и на сознание кто-то набросил тёмный непроницаемый полог... Она бессильно обмякла на руках успевшего её подхватить дворецкого.

Уронив опустевший шприц на пол, не обращая внимания на разбитую голову, старик спокойно сказал:

– Ох уж эта молодёжь... Никогда не слушают старших.

Шатнер легко вскинул погрузившуюся в наркотический сон девушку на плечо. Из рваной раны на виске кровь почти не бежала. Он знал, что беспокоиться абсолютно не о чем. Через пару минут кровь окончательно свернётся.

Придерживая свою драгоценную ношу под колени, дворецкий вышел из ставшей местом побоища спальни очередной няньки семейства Гиллроев, кроша каблуками осколки вазы.

За порогом его ждали. Шатнер вопросительно вскинул бровь.

– Пришлось повозиться, старина?

– Немного, – дворецкий подбросил обездвиженную девушку, удобнее подмачивая плечо. – Она пошустрее остальных.

– Смотрю, тебе даже досталось!

– Ерунда. Но стоит отдать ей должное, сражалась она до последнего. Нам такие ещё не попадались.

Собеседник дворецкого с восторженным придыханием в голосе произнёс:

– Да, она потрясающий экземпляр! Док будет доволен.

Он протянул руку и схватил Элен за волосы, тёмно-русый водопад свисающие почти до пола. Поднял ей голову и всмотрелся в отрешённое бесчувственное лицо.

– Красива. Она потрясающе красива. Но станет ещё лучше.

Его пальцы жадно пробежали по лбу девушки, заляпанному крапинками крови, носу, дотронулись до пухлых приоткрытых губ, побежали вверх, ныряя в декольте платья и сильно сжали полушарие упругой груди. Из горла человека вырвалось сдавленное возбуждённое дыхание.

Дворецкий с неодобрением покосился на него.

– Надеюсь, я не разбудил детей?

– Что? Ах, нет, они даже ничего не услышали, – с видимым сожалением отрываясь от исследования груди Элен, сказал он. – Ладно, не смею вас задерживать, старина. Док будет рад столь внезапному подарку... Даже жаль её отдавать... Мы все начали привыкать к ней. Знаю, знаю. Тебе она сразу не понравилась, Уилл. Но согласись, у неё были неплохие шансы...

– Если бы не лезла не в своё дело.

– Твоя правда, мой друг. Твоя правда...

– «Бабочка» отходит через два дня, а я уже сыт Столицей по горло, – доверительно сказал Крейг, прихлёбывая горячий чай. – Единственное, по чём я буду скучать, это по радушию вашей замечательной домохозяйки и её великолепным блюдам! Ну и немного по вам, сэ. Сдаётся мне, я привнёс в вашу размеренную рутинную жизнь толику свежей бурлящей крови.

– Должен заметить, что на скуку я никогда не жаловался, – заметил Джентри, невольно усмехаясь. – Но не буду кривить душой. У меня останутся о вашем присутствии не самые ужасные воспоминания. Мы многое пережили вместе за эти дни. И не всё из пережитого следует забыть.

– О, даже так! Вы определённо высокого мнения обо мне. Я думал, что как только я улечу, вы тут же закатите пир горой!

Джентри прислушался к треску сгораемых в камине дров. Гостиную наполняла умиротворённая расслабляющая тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов да хрустом разгрызаемых жарким пламенем поленьев. После холодной улицы и сходящей с ума погоды, истязающей то ветром, то дождём, уютная гостиная в особнячке миссис Монро казалось раем земным. Удобные мягкие кресла, ароматный чай, не режущий глаз свет накрытой пышным абажуром напольной лампы, прыгающие по комнате игривые тени, грамотный собеседник. Все проблемы и тревоги оставлены за порогом. Внутри было спокойно и тихо. Джентри подумал, что ему будет здорово не хватать их вечерних посиделок с Крейгом напротив пылающего камина за чашкой крепкого чая.

– Вы льстите себе, сэ. При всех недостатках, вам всё же далеко до Джека-Попрыгунчика и Невидимки.

– Эти ребята составляют достойную пару, – Крейг отхлебнул чаю и блаженно зажмурился. – Право, я бы сделал вашей милой старушке предложение...

– Руки и сердца? – ужаснулся Джентри, чуть не поперхнувшись.

– Вы перебили меня, мистер Джентри! – негодуяше сказал Гордон. – Предложение, от которого она не смогла бы отказаться. Если бы, конечно, я располагал им. Я бы пригласил её к себе на место домоправительницы. Но боюсь, в таком случае мне придётся перевозить её вместе с этим домом и вами в придачу.

Джентри благодушно усмехнулся, вжимаясь в спинку кресла.

– Кто знает, возможно, после завтрашнего разговора с комиссаром я и воспользуюсь вашим ненавязчивым предложением.

– Всё шутите, – Крейг взял с подноса печеньице и с аппетитом откусил половину. Прожевав, он сказал: – Вы бы могли порешать все вопросы по телефону. И не было бы тогда нужды изводить себя столь нетерпеливым ожидание завтрашнего дня!

Старший инспектор отрицательно покачал головой.

– Столь серьёзные вещи по телефону не обсуждаются, и с помощью телеграфного отправления их не решить. Только с глазу на глаз, за закрытыми дверями. Я облажался по многим пунктам. И прекрасно это понимаю. Понимает и Вустер. И не он один, между прочим. И завтра выяснится, понимают ли они и то, что против меня сыграли весьма сильные обстоятельства.

– Если руководство Империял-Ярда примет решение вас уволить, они окончательно падут в моих глазах, – сказал Крейг, обмакивая половинку печенья в чай. Он поднял абсолютно серьёзные глаза на инспектора: – Не ваша вина в том, что город понёс многотысячные убытки,

и пострадало столько людей. Вспомните о своём изначальном задании, сэр. Сохранить мою жизнь в целостности и сохранности. Как ни странно, на мне ни царапины! Значит, с этой частью вы справились превосходно. Ну а в том, что облажался уже я, вашей вины тем более нет. Впрочем, об этом разговор и не будет идти...

Крейг разом погрузился и уставился в красно-оранжевое жерло камина. Пламя бросало на его худощавое умное лицо дёргающиеся блики.

– Чем планируете заняться в оставшиеся два дня? – мудро решил перевести тему разговора Джентри. Он видел, что на самом деле учёный переживает о своём провале намного больше, чем показывает. Для него срыв контракта и отказ ОСУ от его изобретения будут пострашней, чем угроза позорного увольнения для Джентри.

– Не знаю... Может посету выставку технологических достижений в Фангорском университете. Или схожу на лекцию профессора Степлза. Он как раз завтра будет читать доклад о влиянии электрических зарядов на биологические организмы. Варианты есть. Посмотрим.

– В столице хватает достопримечательностей и помимо сугубо научных, – осторожно сказал Джентри. – Есть ли смысл заикливаться на всём, что так или иначе связано с работой?

Крейг снисходительно посмотрел на него:

– Дружище, я не в первый раз в Столице. А вы сами, со своей работой, давно развлекались? Вы же в конец концов живёте здесь постоянно! Театры, опера, иллюзиограф? Может, вы завсегда музейных выставок и библиотек? Или вы предпочитаете дома терпимости? А, признавайтесь, негодник!

Джейсон молча усмехнулся. Крейг порой бил не в бровь, а в глаз.

– Иногда я хожу на боксёрские матчи. И регулярно на стрельбища. Это, знаете ли, стимулирует. Помогает быть в форме.

– Сами боксировали?

– В академии у меня неплохо получалось, – уклончиво ответил Джентри. – Стреляю я намного лучше.

– Кстати, – Крейг обвинительно ткнул в инспектора указательным пальцем. – Вы мне так и не показали свою коллекцию огнестрельного оружия. Со слов миссис Монро я понял, что вы настоящий дока в призванных лишать жизни игрушках. Впрочем, эта бойкая дамочка старается от вас не отставать.

Джентри улыбнулся. В глазах Крейга авторитет сухонькой старушки рос в геометрической прогрессии.

– Что вы думаете о Попрыгунчике? – Джейсон прищурился, выжидаяще уставившись на учёного. Старшему инспектору до зарезу было важно мнение Крейга. Но он старался ничем не выдать своего неумолимого интереса.

Ничуть не смутившись резкой смене разговора, Крейг допил чай, отставил опустевшую чашку и задумчиво сказал:

– Прелюбопытный экземпляр. Мне он представляется намного интереснее, чем Невидимка. С террористом всё более-менее понятно. Одержимый маниакальной страстью разрушения человек, воюющий со всем миром во имя превозносимых идей и подсознательной жажды вселенской славы. Ваша же местная, хм, знаменитость, иного поля ягодка. Наверняка сумасшедший. До мозга костей. Но сумасшедший того редкого плана, когда не тронутых безумием мозгов хватает, чтобы совершать воистину гениальные поступки. Вы два года его выслеживаете, да? Сколько бы вам понадобилась времени, чтобы схватить обычного психа, сбежавшего из Мерсифэйт и носящегося с ножом и возбуждёнными гениталиями по ночному Раневолу?

– Не так уж и много. Он бы попался в руки первому встреченному ночному патрулю, – тут же ответил Джентри, почувствовав просыпающийся азарт.

– Тогда почему вы никак не можете схватить Джека?

– Хм, теряюсь в догадках... Чёрт меня возьми, наверное, потому, что Попрыгунчик не озабоченный пациент Мерсифэйт, рыскающий по улицам столицы с торчащим членом наперевес? Я угадал? – посмеиваясь, Джентри подлил себе чаю.

– Сарказм вреден для здоровья, – буркнул Крейг, следуя примеру старшего инспектора. – Но общую суть вы уловили. Ваш Попрыгун не дурак. Возможно, у него полно здоровенных тараканов в котелке, но он далеко не идиот. Да, он садист и маньяк, неизвестно каким законам подчиняющийся, и так же непонятно, что им движет... Но он, повторюсь, не идиот. Сумасшедший, но не тупица. С ваших слов он неплохо осведомлён о некоторых вещах, коих рядовой психопат знать и вовсе не должен. И он явно наслышан о вас.

– То, что он знает обо мне, ещё не делает его особенным! – фыркнул Джентри. – Меня знает половина преступников Столицы.

Учёный сделал неопределённый жест зажатой в пальцах чайной ложечкой.

– Попрыгунчик не просто преступник. И вам это отлично известно. Я успел его рассмотреть. И должен заметить, что впредь я буду с оглядкой ходить по ночным улицам и уж точно не рискну заходить в тёмные переулки.

– Вы не одиноки в своих опасениях, сэр. Но что вы скажете о довольно специфических м-м-м... способностях Джека с точки зрения учёного?

Крейг возбуждённо блеснул карими глазами, глядя на Джейсона поверх парующей чашки.

– Признаться, именно с этой, как вы говорите, точки зрения учёного Джек меня и заинтересовал наиболее сильно. То, что он вытворяет со своим телом, объяснить дьявольски сложно. Его способности не поддаются рациональному объяснению и сугубо научному анализу. Могу авторитетно заявить, что мне не знаком тот тип механических гаджетов, что позволили бы обычному человеку проявлять чудеса физической подготовки. Прodelываемые Джеком фокусы граничат с волшебством. Мистика, Джентри! Я не знаю, какой тип парового усилителя он прячет у себя в заднице! И имеем ли мы дело с силовой установкой вообще... Однако для подобных подвигов собственных мускульных усилий явно недостаточно, как бы человек не был подготовлен. Но я не знаю техники настолько миниатюрного размера, чтобы её можно было незаметно размесить под плащом и использовать с такой эффективностью! Представляете, какую колоссальную работу нужно проделать, чтобы, допустим, создать самодостаточный мускульный доспех, облегающий вас подобно второй коже, и за счёт микродвигателей и сложнейших гидравлических систем позволяющий вам совершать десятиардовые прыжки и раскалывать ударопрочное стекло голыми кулаками? Наша современная наука ещё не достигла такого уровня.

Джентри заинтересованно слушал учёного, жадно впитывая каждое слово. Особенно его впечатлила вероятность самого создания подобного механического костюма, надев который, человек становился бы практически неуязвимым, быстрым, ловким, сильным и при этом ничем не выделяясь из толпы. Да подобному изобретению, примени его в определённых кругах определённых служб, цены бы не было.

– Признаться, эта версия долгое время была одной из основных, – негромко сказал Джентри, потирая колючий подбородок. – Я предполагал, что за личиной неуловимого маньяка скрывается некто очень обеспеченный и образованный. Человек, располагающий большими деньгами, чтобы воплощать своих проекты в жизнь, и неординарными способностями, чтобы придумать всё это.

– Но в итоге вы эту версию отменили как несостоявшуюся.

– Верно. Ваши доводы лишь подтверждают мою правоту. Потом я думал, что Джек – это очень талантливый фокусник. Иллюзионист, если хотите. Гипнотизёр, магистр магии, в общем, один из тех шарлатанов, что обладают одной, но действительно совершенно потрясающей спо-

собностью – дурачить людей. Так пудрить мозги, что ты не сможешь отличить правду ото лжи. Я думал, что Джек один из тех мошенников, что способны воплощать иллюзии в жизнь.

Крейг взял щипчиками из вазочки кусочек сахара и бросил в чашку. Окунув туда же ложечку, он сказал, помешивая растворяющийся в горячем напитке сахар:

– Людская вера в чудеса, мистер Джентри, похожа на этот кусочек сахара. Она бывает двух типов. Порой она тверда, как камень, но стоит обстоятельствам немного измениться, и вера превращается в ничто. Она исчезает, растворяется. Невозможно долго дурачить людей, заставляя их верить в несуществующее. Любому обману рано или поздно приходит конец. Если не одно «но».

– И какое же? – Джейсону стало любопытно.

– Если не подкармливать людей всё новыми и новыми иллюзиями. И тогда они будут продолжать верить, пока не закончатся кролики, вынимаемые из волшебной шляпы.

– У Джека ограниченное число трюков. Но и тех, что есть, хватает с головой, чтобы окончательно сбиться и запутаться.

– Вам виднее, – не стал спорить учёный, делая богатырский глоток из чашки. – Но сейчас-то у вас не иначе как есть новая, самая свежая версия происхождения сверхъестественных способностей Прыгуна. Верно?

Джентри повёл плечами, словно сомневался, стоит ли говорить об этой самой версии.

– Что вы знаете об алхимических препаратах, Крейг? Отметая в сторону мистические и механические версии... существуют ли таблетки или инъекции, приняв которые, можно, пусть на некоторое время, превращаться в сверхчеловека? Возможно ли, что вся сила и ловкость Джека оттого, что он периодически обжирается какими-то хитрыми, неизвестными медицине веществами?

– Я отлично вас понимаю, сэр. Действительно, версия довольно интересная и заслуживающая право на самое подробное рассмотрение. Но я не силён в алхимии и медицине. Не моя специфика. Однако теоритически подобное возможно. У меня есть один знакомый... Скажем так, коллега по научному цеху. Так вот, он занимается изучением новейших медицинских препаратов и не понаслышке знаком с алхимией. Очень толковый парень. Одно из светил современной науки. Блестящий врач... Э-э-э... Так, я отвлёкся. Так вот, он бы мог рассказать вам много больше меня. Но, повторюсь, исходя из того, что мне известно, подчеркну, теоритически подобные метаморфозы с человеческим телом возможны. Другое дело, ставил ли кто соответствующие опыты? На этот вопрос я не могу ответить. Мы живём в эпоху великих открытий и свершений. В мире, где нет предела человеческой мысли, а возможности человеческого тела практически не изучены и дают огромный простор для людей, готовых приоткрыть завесу над его тайнами.

Джентри потёр указательными пальцами виски. Иногда Крейг начинал чрезмерно увлекаться и перенасыщать свою речь сугубо профессиональными терминами. Наверняка страсть к заумным рассуждениям привилегия всех без исключения яйцеголовых. Но всё же Гордон сказал ему даже больше, чем сам представлял. Джейсону было достаточно и того, что хотя бы в теории, на бумаге, но его версия относительно феноменальных способностей Прыгуна возможна. А это уже было кое-что.

– Было бы неплохо поставить плоды трудов вашей братии на службу полиции, – проговорил Джейсон. – Ваша помощь в некоторых моментах была бы просто неоценима.

Разговор двух размякших в уюте гостиной мужчин нарушил раздавшийся в прихожей звон колокольчика. В столь поздний час этот звонок определённо был неожиданным. Джентри и Крейг переглянулись. У каждого на физиономии были написаны разные эмоции. У Крейга сдержанное любопытство, у Джейсона откровенное недоумение.

– Вы кого-то ждёте? – Крейг махнул головой в сторону прихожей, где всюду надрывался звонок. – Время несколько неурочное... Почти десять часов вечера. Поздновато для частных визитов.

– И деловых тоже, – буркнул старший инспектор, раздражённо поднимаясь на ноги. – И кого это черти могли принести по такой непогоде... На улице холодрыга, как в декабре, а ветер готов мясо сорвать с костей.

– Хорошо, хоть дождь прекратился, – подхватил Крейг, зная об излюбленном коньке жителей столиц – при каждом удобном и неудобном случае обсуждать знаменитую местную погоду. – Напустите на этого несчастного миссис Монро!

Джейсон, выходя из гостиной, обронил:

– Не хочу её беспокоить. В это время Джульетт обычно предаётся чтению авантюрно-любовных романов.

– Не иначе как вспоминает бурную молодость, – ухмыльнулся Крейг.

Пройдя в прихожую, Джентри пробубнил:

– Да хорош трезвонить... Я уже здесь. Кто же это там у нас такой неугомонный?

Однако вопреки словам, Джейсон вовсе не торопился брать за торчащий из замочной скважины повернутый на один оборот ключ. После недавнего случая с проникновением в особняк подосланных Невидимкой бандитов, каждую ночь в замке запертой двери оставался ключ, чтобы уже никто не смог всунуть в скважину отмычку. Кроме того, Джентри подумывал установить парочку надёжных в своей безотказной простоте стальных засовов, которые никакими волшебными палочками не взломаешь.

Джейсон потянулся к вешалке, где на одном из крючков, под свисающим дождевиком пряталась кобура с заряженным револьвером. Достав оружие, Джентри взвёл курок и, спрятав сорок второй «Райдер» за спину, громко спросил, поворачиваясь к двери боком:

– Кто там?

Неустанное трели прекратились. Незванный гость перестал терзать измученный шнурок. Наклоняться, чтобы прильнуть к дверному глазку, Джентри не собирался. Джейсону были известны случаи, когда пришедшие с недобрыми намерениями лихие люди только этого и ждали, всаживая пулю прямо в глаз любопытному хозяину. Повторять ошибки других Джентри не собирался. Особенно теперь, когда существует вероятность того, что Невидимка всё ещё не угомонился. Хоть окрестности и продолжали патрулировать усиленные наряды дежурных констеблей, но недооценивать врага было бы непозволительной роскошью. Невидимка хитёр и изворотлив как старый, битый жизнью лис, и с него станется обвести вокруг пальца уставших и продрогших на ночном холоде полицейских. А то Джейсон не знал, как это бывает.

– Это я, Джейсон! Открой! Открой же, наконец!..

Голос вне всяких сомнений принадлежал Джеку Спунеру. И в нём определённо была тревога. Джентри нахмурился. Обычно юный беспризорник вёл себя несколько иначе. И никогда не ломился к нему так, словно за ним гонится целый взвод обозлённых полицейских. А вдруг именно сейчас всё так и есть? Может, патрулировавшие округу констебли сели Джеку на хвост, посчитав его крайней подозрительно и асоциальной личностью? Вряд ли... Мальчишку хорошо знали в отделе Джейсона. Для остальных же Спунер ничем не отличался от любого другого обормоты. Все эти мысли пронеслись в голове Джентри за один краткий миг. Нет, Джек не из тех, кто станет разводить панику на пустом месте. А если нет непосредственной угрозы, то его тем более не прошибёшь. Значит, тут где-то зарыта огромная собака...

Полный самых дурных предчувствий, Джентри, засунул револьвер за пояс, прикрыв полой пиджака, отомкнул замок и приоткрыл дверь. Внутри дома тут же ворвался леденящий порыв ветра, принеся с собой ночную, дышащую наступающей зимой стужу. Сильный ветер разогнал наползающий с волнующейся Магны туман и гнал по почерневшему небу свинцовые

облака, меж которыми то и дело мелькали ослепительные звёзды и надкушенная горбушка тоскливой луны.

На пороге, топчась, как мокрый гусь, стоял Джек и выглядел до того несчастным, что у Джейсона поневоле сжалось сердце. Таким своего малолетнего приятеля он ещё никогда не видел. У Спунера был такой вид, словно разом умерли его родители. Но мальчишка был сиротой. Продрогший, похлопывающий себя по бокам, в затёртой и заношенной курточке, с низко надвинутой на лоб и уши лётной фуражкой, из-под которой торчали нечёсанные вихры, он смотрел на него огромными, полными испуга, надежды и нетерпения глазами. Совершенно невероятное сочетание для взгляда малолетнего воришки. У Джейсона от изумления отвисла челюсть. Похоже, дело ещё серьёзней, чем он думал.

– Джейсон! – радостно выдохнул Спунер, кидаясь в прихожую. – Слушай меня внимательно! Там такое... Такое происходит!.. Ты должен что-то сделать! Я тебе сейчас всё расскажу... Ты просто не поверишь! Быстрее же, пошли...

Джентри отступал под напором мальчишки всё дальше вглубь прихожей, пока Спунер окончательно его не оттеснил и не ворвался в небольшой, освещённый прикрученными газовыми рожками холл. У старшего инспектора отдела по расследованию убийств и слова не нашлось, чтобы вставить в поток срывающихся с губ воришки с пулемётной скоростью фраз.

– Джейсон, только ты можешь помочь! Больше никто. Я ни к кому не пошёл. Там такое происходит! ТАКОЕ! Разве я мог обратиться ещё к кому-то кроме тебя? Да и сомневаюсь, чтобы мне кто-нибудь поверил! Даже ты не поверишь... Не поверишь, гадом буду! Я тебе сейчас такое расскажу!..

Джентри набрал побольше воздуха в грудь, приказал себе успокоиться и с самым суровым видом схватил подпрыгивающего от переизбытка чувств Джека за веснушчатый нос. Мальчишка протестующе хрюкнул, но тут же замолчал, решив не рисковать почём зазря своим клювом. На Джейсона уставались расширившиеся, полные бушующих эмоций глаза. Джейсон, пожалуй, впервые заметил, что глаза мальчишки болотисто зелёного цвета, а над правой бровью виден едва заметный шрамик.

– Слушай, кончай вопить и сносить крышу. Скажи спасибо, что тебя ещё не услышала миссис Монро. Всё-таки возраст даёт о себе знать, и на ухо она уже не так остра. На твоё счастье. Ещё у нас очень важный и серьёзный гость. И приведи мне что-нибудь повесомее твоих истеричных воплей в качестве доказательства всей серьёзности проблемы, пока я тебе не задал хорошую взбучку. Поэтому спрашиваю прямо и чётко: что случилось?

Джек беспомощно заморгал, смешно кося глазами на железные пальцы Джентри, зажимающие его нос. Джейсон с улыбкой отпустил его.

– Так ты встречаешь старого корешка, – прогундосил Спунер, с опаской, будто боясь, что случилось непоправимое, почесав кончик носа.

– Джек.

– Всё-всё, я успокоился. Дело, значит, так. Одна моя хорошая знакомая попала в серьёзные неприятности. Она работала в доме одних богатеев нянькой. И у меня есть все основания подозревать, что хозяйка её похитили и сбагрили для всяких дерьмовых опытов Абрахаму Аткинсу, директору всем известной психушки. А вторая моя знакомая, так же очень хорошая и приличная девушка, наемни исчезла, когда шла к тебе за помощью от моего имени... Разве миссис Монро тебе ничего не говорила? Я же приходил к тебе сегодня. Неужели старая кашалотиха забыла обо всём?

У Джентри второй раз за последние минуты отвисла челюсть.

– Неужели она ничего не сказала? Чёрт возьми!

Джек с досадой стукнул кулаком о раскрытую ладонь. Вернув челюсть на место, Джейсон стыдливо умолчал, что забыл именно он, а не Джульетт. Старушка сообщила ему о приходе

Джека и о том, что он разыскивает там какую-то свою подружку... А он не придавал её словам должного значения.

– Слушай, ты ничего не выдумываешь? – прочистил горло Джейсон, с тревогой глядя на мальчишку. – Ты не начал, часом, потреблять какую-нибудь алхимическую гадость, а? Препреждаю, если я узнаю о чём-то подобном, то всю душу из тебя вылью!

– Тебе знакомо семейство Гиллроев? – заскрипев зубами, напрямик спросил Джек. – Я же тебе ещё не всё рассказал. Только что я увидел такое, отчего у меня волосы встали дыбом.

– Пройдём в гостиную, – Джейсон перестал, как идиот тарашиться на мальчишку, и слегка подтолкнул его в спину. – Согреешься, выпьешь горячего чаю и всё расскажешь. В самых мельчайших подробностях. Разберёмся.

– Мистер Крейг не держит на нас зла. Он покинул здание в относительно, хм, приподнятом настроении. Думаю, все его сказанные в пылу страсти слова не должны никого ввести в заблуждение, – в голосе Артемиуса Доггерти сквозили неприкрытые успокаивающие нотки.

– Некоторые из его, как вы правильно подметили, пылких и страстных слов звучали довольно желчно. И это ещё мягко выражаясь, – с понимающей усмешкой сказал седобородый мужчина в мышинного цвета смокинге. – Хотя я и впрямь не обижаюсь. Крейг известный эксцентрик.

– Что не помешало ему обложить нас отборной площадной бранью, Седрик! – не сдерживая раздражения, отозвался худой и бледный как узник исправительного лагеря человек. Запавшие щёки, яростно горящие тёмные глаза, преждевременные залысины. – Порою Крейг позволяет себе слишком много. Вы говорите – эксцентрик?! Я думаю...

Раздались редкие звучные хлопки. Худой поморщился, задавливая в себе так и не высказанную фразу. Захлопавшая в ладони женщина была единственной представительницей слабого пола среди собравшихся в ярко освещённом круглом зале людей. Всего их было пятеро. Четверо мужчин и она. Неброской внешности, с проблесками седины в светлых волосах, полненькая, с незатейливой причёской, она напоминала чью-нибудь горячо любимую тётку. Сходство усиливало домашнее платье и добродушное выражение лица. На вид ей было около сорока пяти, и среди одетых в дорожные костюмы импозантных мужчин она смотрелась достаточно забавно. Как будто совершенно случайно в поисках сбежавшего из-под её опеки сына-раздолбая оказалась на важном и представительном собрании.

– Мой милый Гарри, вы как всегда поспешны в своих выводах, – улыбаясь краешками подкрашенных губ, сказала женщина. Её орехового цвета глаза сощурились, собирая в уголках сеточки мелких морщин. – Крейг весьма импульсивен и порою бывает абсолютно несносен... Но он хороший мальчик. Да, он вспыльчив. Да, он эксцентричен. Но не забывайте и о том, что он полезен. Этот молодой человек чертовски полезен! И не единожды это доказывал. Надеюсь, вы все согласны со мной, господа?

Она обвела восседающих за круглым столом мужчин пристальным взглядом, ненадолго задержавшись на тощем. На неуловимый миг в кротких глазах промелькнула сталь. На долю секунды из добродушной тётки она превратилась в жестокую мачеху.

– Миссис Карлайл всегда отличалась изрядным терпением... – Гарри Фурнье вежливо склонил голову, блеснув залысинами в свете горящей под потолком электрической люстры.

– И способностью смотреть на несколько шагов вперёд, Гарри. Не забывайте об этом, – Вероника Карлайл благосклонно улыбнулась. Зубы у неё были в идеальном состоянии. – Гордон Крейг ещё заявит, и не раз, о себе. Не обращайтесь внимания на в сердцах брошенные бедным мальчиком необдуманные слова, друзья.

Седобородый развёл руками, признавая правоту собеседницы. Он машинально пригладил окладистую бороду, делающую его похожим на зажиточного мануфактурщика.

– Полноте, Вероника, полноте... Никто не оспаривает вашу правоту. Дело не в том, насколько колюч и ядовит язык Гордона Крейга. Всех заботит совсем иное. Не сдуслся ли он? После, почеркну, блестящих, без преувеличения, прожектов, он предложил нечто, отдающее сомнительной дешёвой махинацией, призванной дурачить головы исключительно плебса!

Гарри одобрительно и несколько нервозно кивнул. Пошитый на заказ костюм облегал его тощее тело как вторая кожа. Казалось, он весь состоит из острых углов. Острый подбородок, острые локти, слегка вытянутый острый череп с запавшими провалами глазниц. Он беспокойно ёрзал, елозя острым задом по сидению кожаного кресла. Казалось, толкни его, и он взорвётся. Его столь откровенная и вызывающая поза всегда вызывала у Артемиуса улыбку. Гарри Фурнье сам был известным эксцентриком и неизлечимым циником. Помимо того он всегда и во всём искал подвох, всех подозревал и считал, что вокруг плодятся и множатся одни лишь заговоры. И в каждом неосторожно обронённом слове видел первостатейную угрозу в свой адрес. По сугубо личному мнению Доггерти все присущие Гарри привычки назывались одним ёмким словом – паранойя.

– Крейг верит в своё новое детище, господа. И его вера не плод разыгравшегося воображения и не стремление нажать в очередной раз за счёт ОСУ. – Артемиус сложил пальцы домиком, обводя коллег снисходительным взглядом. Вероника немедля отреагировала мимолётным кивком. – Не буду кривить душой, я не привык, чтобы меня чихвостили в хвост и в гриву. Но не будем злопамятны, коллеги. Гению можно просить многое. В том числе и некоторую несдержанность. В конце концов, Крейг не посрамил уже созданное себе имя. Никто не будет же утверждать, что его прототип плохо работал? По-моему, эта штука довольно интересная, если честно! В чём-то она мне даже понравилась.

Фурнье позволил себе короткий смешок. Поглаживающий седую бороду Седрик молча закивал, погрузившись в известные лишь ему одному размышления.

– Арти, ты опять меня опередил, – пожурила Доггерти Вероника. – Я собиралась сказать примерно тоже... Поймите, господа, Гордон Крейг уникальный во всех отношениях человек. Он работает за деньги, верно. Но вы же видели, с каким воистину неприкрытым пылом и отвагой, не боясь всех нас, он отстаивал свою точку зрения? Он же просто идеалист! А идеалисты двигают прогресс и рождают творения, способные перевернуть мир! А знаете почему?

– Почему же, миссис Карлайл? – не упустил возможности скептически проскрипеть Фурнье.

– Такие как Крейг верят в то, что делают, – женщина одарила присутствующих широкой улыбкой. На её пухлых щеках отчётливо проявились ямочки. – Этот мальчик готов в лепёшку расшибиться, но добраться до сути. Он первооткрыватель. Он один из локомотивов науки. И неужели мы пустим его под откос всего лишь из-за одной оплошности? И то, как верно подметил Артемиус, его провал был исключительно в наших глазах. Крейг верит в своё детище!

На какое-то время в зале наступила тишина. Каждый обдумывал последние слова Вероники. Среди находящихся за столом людей не было тупиц и недалёковидных завистников. Каждый из них был в определённом роде уникальной личностью для Королевства.

– Вера – это главный движитель науки! Эббернати, вы так и не сказали ни слова. Хотя голосовали за.

Вероника повернулась к доселе молчавшему пятому члену Комиссии. Фурнье, Доггерти и Седрик все как один уставились на средних лет темноволосого мужчину с аккуратно подстриженными усами и в безукоризненном смокинге.

– Мы должны понимать, что одним только желанием изменить мир делу не поможешь, – разомкнул тонкие губы Альфред Эббернати. Говорил он тихо и не повышая тона, но его спокойный уравновешенный голос слышали все. – Крейг далеко не единственный наш сотрудник. И скажем прямо, не самый ценный. Конечно, он идеалист и подлинный фанатик своего дела. Он верит в то, что делает. Он действительно хочет и может. Это главное. Да, я голосовал

за. Каждого из вас наверняка терзает вопрос – почему. Ведь даже вы, дорогая Вороника, сказав столь много лестных слов о Крейга, голосовали против. И вы, Артемиус, несмотря на все ваши взвешенные рассуждения. Гарри, вы были против по определению. А вы, Седрик, пошли в поводу большинства. Ну-ну, коллеги, не надо так яростно хмурить брови. Мы не первый год знаем друг друга.

Легко впоследствии рассуждать о морали и человечности. О надежде и идее. О том, что есть люди, способные изменить мир. Но так же есть и те, кто решает, кому это дозволено, а кому нет. И мы, мы те, кто решает и дозволяет. И мы запретили. Мы не дали Крейгу ни одного шанса. Я внимательно наблюдал за ним. Вы как всегда поразительно проницательны, Вероника. Вы верно подметили – он верит в себя, верит в то, что делает. Это изобретение, возможно, является для него наиглавнейшим трудом всей жизни. Но нам оно показалось бесполезным. Шуткой. Безделицей. Никчёмным творением заигравшегося учёного. Мы гордимся тем, что вправе решать. Мы снисходительны к тем, кто ниже нас. И мы те, кто может заглядывать в будущее. Но как мне кажется, в данном случае мы ничего не увидели. Гордон Крейг заглянул гораздо дальше нас с вами...

Эббернати умолк, испытующе глядя на не сводящих с него глаз коллег. Он знал каждого из них как свои пять пальцев. И это были не пустые банальные слова. Они вместе работали вот уже без малого два десятка лет. И, наверно, не было ни одного случая, когда их мнения очень уж сильно расходились бы. Это бы своего рода брак. Союз. В горести и радости, в нищете и достатке. До конца дней. До гробовой доски. Разумеется, и среди самых крепких союзников случаются разлады. От ссор и недопониманий не застрахован никто.

Они, все пятеро, составляли отборочную комиссию ОСУ. Никто из них, ни вечно подзирительный желчный Гарри Фурнье, не обожающая строить из себя сердобольную тётку Вероника Карлайл, ни осторожный Седрик Моран, ни высокомерный Артемиус Доггерти, ни он сам, никто из них в своей жизни не придумал ничего стоящего. Ничего, чтобы оставить потомкам, ничего, что прошагало бы через века и вписало их имена в историю.

Своего рода люди-тени. Так иногда Эббернати в шутку называл себя и своих извечных сослуживцев. Тут они не сильно отличались от подобных Крейгу людей, скрывающих свои настоящие имена. Изобретения Крейга приписывали вымышленным учёным. Они же, члены отборочной комиссии даже не могли и этого. После Крейга останется не имя, но его творение. После них не останется ровным счётом ничего.словно их и не было. Как будто четверо мужчин и одна женщина, проводящие почти всё время в неприступных стенах ОСУ, и не существовали никогда.

Но благодаря им решалось много больше, чем значили их имена. Они были тем мостом, что соединял мысль и действие, идею и результат. Они решали ни много ни мало, а развитие науки. Становление индустриального общества. Незримо писали картину мира и создавали пути его следования. Голосуя за или против, члены отборочной комиссии определяли жизнь государства и порядок на годы вперёд. В чём-то их деятельность была сродни работе парламента и политических мужей. Они не были учёными, чиновниками, правителями. Но были теми, кто многое решал. В быту они являлись обычными жителями города. Простыми подданными Империи. С другой стороны, они были незримыми пророками. Тенями.

– Весьма проникновенная речь, дорогой Альфред, – миссис Карлайл позволила себе добрейшую улыбку. – Вижу, ты и впрямь веришь в этого мальчика. Не удивлюсь, если даже больше, чем он сам! Что ты рассмотрел такого в его новейшем изобретении, чего не смогли увидеть все остальные? Не поделишься?

– Когда Крейг завил, что готовит настоящую бомбу, я предполагал нечто, скажем так, совсем иное, – не преминул вставить Фурнье. – Бомба должна взрывать мозг и поражать глаза. Но Я остался цел и невредим! Я не впечатлён. Мы изрядно потратились, чтобы обеспе-

чить охрану Крейга и сохранность его изобретения. Пришлось надавить на кое-какие рычаги и поставить немало нужных подписей. И ради чего?..

Откашлявшись, Седрик негромко буркнул:

– Поддерживаю Гарри. Бесспорно, эта штука довольно занимательна. Но я никак не могу представить её полезное практическое применение. Она не годится ни для армии, ни для разведки, ни для досуга. На кого она рассчитана? Кто будет покупать этот аппарат, когда есть действительно более впечатляющие аналоги?!

– Иными словами коллеги хотят сказать, что придумка Гордона Крейга не принесёт нам ни пенни, – посмеиваясь, произнёс Доггерти. – Я называю вещи своими именами. Верно, друзья?

Эббернати смерил Артемиуса насмешливым взглядом.

– Мне кажется, что основная наша беда в том, что мы, увы, не вечны. И иногда забываем об этом. Мы пытаемся всё предугадать чуть ли не на поколение вперёд, дабы решить, что позволить, а что нет. Но мы не всеведущи и не можем знать, что на самом деле произойдёт через двадцать или тридцать лет. А кто-то знает. И это не только мистер Гордон Крейг. Вы забыли, что лишь благодаря столь прозорливо нанятому нами двору Крейг смог добраться до нас? На этот раз его путь был до того тернист, что шипы вырастали на каждом его шагу. Не забывайте об АНА. Я уверен, что им известно что-то, что не известно нам.

– Чушь! – запальчиво выкрикнул Фурнье. – Эти недоумки всего лишь посчитали, что Крейг стал опасен, что он занялся оружием... Глупцы. Да знай они все подробности, и пальцем бы не пошевелили! Должно быть, их лидеры сейчас от досады рвут на головах последние волосы!

– Да-да, милый Гарри, мы все знаем, что волосы для тебя большая тема, – проворковала Вероника. – Но признай, что в словах Альфреда есть зерно истины. Откуда им вообще стало известно о новом изобретении Крейга? Раньше наши с ними дороги не пересекались. И если бы не своевременная информация, мы бы прозевали всё на свете, а Гордон уже был бы трижды покойником. И его аппарат попал бы в их руки!

Фурнье побагровел. Разрядил обстановку Седрик.

– Да, попал бы. Чтобы через полчаса, в виду полной никчёмности оказаться на свалке.

– А вот этого мы наверняка не знаем, коллега, – Эббернати выразительно взглянул на бородача. – Что-то в этом есть. И мы проворонили суть этого. Я как никогда чувствую, что сегодня мы совершили ошибку. И остаётся только надеяться, что она нам не аукнется в будущем. Вы не поняли? Появилась ещё одна сила, способная влиять на наше привычное мироустройство. И это не пустые догадки. В АНА научились анализу. Они стали заглядывать вперёд. А Крейг просто придумал то, чего мы не можем понять. Нам ещё есть, чему учиться в этой жизни. Запомните это.

Глава 3

Стивену Дэвису этот пассажир не понравился сразу. Обычно в подобных случаях говорят – что-то укололо, толкнуло под локоть. Мол, посмотри на него. Приглядишься повнимательней. На первый взгляд этот тип ничем не отличался от остальных, заполонивших смотровую площадку «Левиафана» людей. Всего лишь очередной турист. Ещё один гость столицы. Безликий человек из толпы.

В то утро, встретившее просыпающийся город привычным холодом и мелкой моросью, Стивен Дэвис понял, что, в особых случаях, кричащим во всю глотку инстинктам нужно доверять. Нехорошее предчувствие появилось, когда он, переодетый в униформу, одним из первых вступил на палубу дирижабля. Со стороны всё выглядело так, как и сотни раз до этого. Начало обычного рабочего дня. Рутинная и вызванная пасмурной погодой зевота. Стивен работал в компании уже пять лет. И ни разу, забираясь по надёжному и устойчивому трапу внутрь небесного гиганта, он не споткнулся. Но всё когда-то происходит в первый раз. Зацепившись носком ботинка за порожек и с трудом удержав равновесие, Стив в сердцах чертыхнулся.

Войдя внутрь, он словно увидел всё с новой стороны. Как будто до сего дня жил с зашторенными глазами. Он изумлённо покрутил головой, пытаясь понять, что изменилось. Он смотрел и не находил ответа. Всё было, опять-таки, как всегда. Тот же корабль, та же обстановка, те же члены экипажа.

Дэвис яростно встряхнул головой, сбрасывая непонятное наваждение. И вроде всё встало на свои места. Успокаивающе улыбнувшись удивлённо посмотревшей на него Джессике, Стивен мысленно ругнулся. Спустя какое-то время он поймёт, что то мимолётное наваждение было сигналом, первым звоночком. Чёрт, да ему уже тогда надо было разворачиваться и сваливать из «Левиафана» к чертям собачьим!

Этот человек не понравился Дэвису сразу. И эта внезапно возникшая на пустом месте неприязнь была своего рода вторым тревожным звоночком. Вот только раздалась его трель слишком поздно...

За пять лет работы стюардом на борту круизного небесного лайнера Королева Виктория класса «Левиафан» Стив повидал всяких людей. Поднимаясь в воздух три раза в неделю в течение круглого года, небесный исполин никогда не знал недостатка в пассажирах. Благо всегда хватало туристов из других стран или же просто приезжих из глубинки, желающих полюбоваться с высоты птичьего полёта достопримечательностями Столицы. Каждый год огромный дирижабль переносил в своём чреве тысячи людей. И Дэвис насмотрелся на всяких. Мир богат на разных интересных индивидуумов. Богатые иностранцы, преуспевающие дельцы, накопившие денег работяги. Да просто решившие потратиться любопытные. Вход был свободен для всех, начиная от детей шести лет и заканчивая почтенного возраста старцами. Неважно, носил ли ты усы или юбку, был светловолос или смугл, Королева Виктория в равной степени привечала всех гостей без исключения.

Стивен Дэвис повидал людей. Как ему думалось, даже неплохо изучил их. Но этот пассажир... Он не вписывался ни в одни из известных стюарду критерии. Он вызывал у молодого человека тревогу и смутное неприятное чувство опасности. Стоило ему чуть дольше, чем на секунду задержать на нём взор, как в низу живота начинало стремительно холодеть, а в сердце покалывать острыми спицами.

Столь настораживающий Дэвиса человек был одет в длиннополый дорогого покроя плащ, обут в пошитые явно на заказ чёрные ботинки. На голове в тон плащу серая широкополая шляпа, в руках трость. Воротник плаща был поднят, достигая ушей человека и скрывая часть лица. Насколько мог судить Стив, этот тип был коротко острижен и не старше сорока-сорока пяти. Он всё время стоял, не оборачиваясь, у панорамного окна, так что лица его Стив прак-

тически не видел. Кто знает, может именно несколько странное поведение этого человека так настораживало стюарда? Создавалось впечатление, что человек с тростью специально оставался на одном месте, не крутил головой, и, не отрываясь, смотрел в окно, любуясь видами пронсящейся внизу Столицы.

– А сейчас мы пролетаем над собором Святого Михаила, – приятный голос Джессики, усиленный подвешенными под потолком гондолы электрическими рупорами, комментировал каждый преодолеваемый небесным кораблём ярд. – Дорогие гости, обратите внимание на сложную архитектуру соборного комплекса зданий. Это староверонский стиль, берущий своё начало от...

За пять лет работы на борту Королевы Виктории Стивен не хуже Джессики стал разбираться в городских достопримечательностях и вполне мог подменить любого гида. Сама Джессика находилась в изолированной от посторонних обзорной рубке, находящейся в нижней точке гондолы, окружённая со всех сторон ударопрочным стеклом. Всего же у дирижабля было две палубы. Огромная гондола вмещала в себя нижнюю палубу, сделанную по принципу пассажирской, с рядами уютных кресел, санузелом и ресторацией. И верхнюю палубу, изнутри которой через боковые панорамные окна открывался воистину потрясающий вид. В носу гондолы располагалась рубка управления. Экипаж корабля насчитывал восемь человек – два пилота, бортмеханик, гид, четыре стюарда.

Несмотря на колоссальные размеры и огромный вес, «Левиафан» принимал на борт максимум двести человек. Вторая палуба представляла собой огромную вытянутую каюту, абсолютно пустую и не предназначенную для размещения пассажиров на время подъёма и посадки. Она заполнялась туристами только когда корабль уже набирал необходимую высоту.

В тот день, что не заладился у Стивена Дэвиса с самого утра, дирижабль поднял в воздух над раскинувшейся под его необъятным брюхом столицей сто девяносто шесть человек. И один из этих почти двух сотен очень сильно не понравился Стивену практически с первого взгляда. Стюард даже не смог определить, откуда он. На иностранца вроде не похож, на праздного андерца тоже. Любитель воздушных экскурсий? Скучающий горожанин? Приехавший из какого-нибудь медвежьего угла деревенщина? На каждый из этих вопрос Стивен решительно отвечал сам себе – нет.

Не выпуская из правой руки трость, подозрительный пассажир стоял на одном месте, будто подошвы его дорогих ботинок приклеились к устланному недавно заменённым ковровым покрытием полу. Громадный дирижабль имел до того плавный ход, что на его палубах спокойно можно было разгуливать хоть вдрызг пьяным. Никакой вибрации и качки. Отсутствие шума обеспечивали отлично звукоизолированные стены и переборки, ни одно самое чуткое ухо не могло уловить жужжание размещённых на корпусе гондолы бензиновых движителей. Колоссальных размеров оболочка, скрывающая в своих недрах непроницаемые ёмкости с водородом, легко поднимала немалый вес на высоту до полутора тысяч ярдов. Подвешенная к сигарообразной оболочке корабля пассажирская двухпалубная гондола издалека выглядела маленькой мышкой, зажатой в когтях хищной птицы.

Исподтишка рассматривая подозрительного человека, скрывающего своё лицо, Дэвис не забывал об остальных пассажирах. Он катил по центру палубы гружённую выпивкой и закуской тележку и раздавал дежурные улыбки. Многие не отказывали себе в бокале шампанского или красного вина. Спиртное на борту «Королевы Виктории» вполне отвечало и самым взыскательным требованиям.

Навскидку обзорную палубу громадного дирижабля заполнила от силы половина пассажиров. Остальные предпочли остаться внизу, устроившись в удобных креслах и глаза в иллюминаторы. Голос Джессики доставал везде. Из обслуживающего персонала наверху, помимо Стивена, находился присматривающий за порядком Шон Каннингем. Всегда подтянутый и бдительный. Прошедший специальные курсы, он мог как оказать первую медицинскую

помощь сражённому приступом высотной болезни пассажиру, так и успокоить перебравшего с аперитивами смутьяна.

В данный момент Шон был занят тем, что из всех сил принимал крайне суровый вид под взглядом двух хихикающих девиц в нарядных платьях и шляпках. Каннингем молодежато подкручивал кончик чёрного как смоль уса. Форменная фуражка залихватски заломлена на короткостриженных бобриком волосах, во рту блестят все три два зуба. Чёртов фронт, чуть не сплюнул под ноги Стивен. Поимо всех очевидных достоинств у его сослуживца имелся один серьёзный недостаток. При виде смазливового личика и выглянувшей из-под юбочных оборок ножки, Каннингем тут же начинал по-петушиному раздувать грудь, зачастую теряя всю свою хваленую бдительность. И, разумеется, он ни малейшего внимания не обращал на загадочного пассажира, приклеившегося к панорамному стеклу.

Налив в требовательно подставленный бокал приторного на вкус розового вина, Дэвис покосился на стоявшего почти напротив него человека с тростью. Пожилая дама, приняв бокал и гортанно прокаркав благодарность, величественно удалилась. Шурша юбками, она протиснулась между двумя дородными джентльменами и стала рядом с так интересующим Стивена пассажиром. Она что-то спросила у него. Как не напрягался Стив, он не смог ничего услышать. Но вопрос пожилой дамы, судя по всему, остался без ответа. Подозрительный тип, не поворачивая головы, лишь понижее натянул шляпу и, сжимая в правой руке трость, отошёл в сторону, оставив даму в состоянии лёгкого возмущения, а стюарда в неприятно занывшем в области груди предчувствии чего-то плохого.

Слегка постукивая тростью по полу, человек, низко опустив голову, прошёл мимо Дэвиса, едва не задев его локтем, и двинулся в хвостовую часть палубы. Стивен торопливо развернул тележку и последовал за ним. Он продолжал доброжелательно улыбаться, громко спрашивать, не хочет ли кто-нибудь освежиться. Но его глаза не отрывались от спины удаляющегося странного пассажира. Пожалуй, Дэвис и сам себе не смог бы ответить, зачем он это делает. Что толкает его на подобные поступки. В общем-то, он особым героизмом не отличался и никогда не совал нос не в свои дела. Но нынешняя ситуация его порядком нервировала и заставляла вести себя, мягко говоря, неадекватно.

Пройдя мимо подкатившего к посмеивающимся молодкам Каннингема, Стивен опалил стюарда уничижающим взором. Который тот, впрочем, стоически проигнорировал, незаметно для окружающих показав коллеге средний палец.

– Чёртов идиот, – под нос ругнулся Дэвис, не отвлекаясь на перепалку с напарником. Он боялся потерять из виду неторопливо шагающего подозрительно пассажира. Стоит тому нырнуть в бурлящую по обе стороны от прохода гурьбу возбуждённо переговаривающихся людей и вновь высмотреть его быстро не получится. Уж слишком много на палубах дирижабля было плащей, пальто, сюртуков и шляп. На верхнем ярусе небесного колосса поддерживалась вполне комфортная температура, но не настолько высокая, чтобы пассажиры раздевались до исподнего.

– А сейчас мы пролетаем над знаменитым Университетом имени Артура Соммервиля. Основанный в тысяча шестьсот восемьдесят первом году самим великим естествоиспытателем и путешественником, университет в довольно краткие сроки быстро занял одно из лидирующих положений в среде высших учебных заведений...

И как только Джессике удаётся каждый раз рассказывать одно и тоже, не меняя жизнерадостного тона и ещё умудряясь при этом постоянно вворачивать в заученный до зубов и неизменный по определению текст что-нибудь новенькое? И ещё красивый, звучный, ласкающий слух голос. Девушку было не только полезно слушать, но и приятно. Однако уходящему прочь человеку с тростью лекции Джессики были совершенно не интересны.

Подтверждая догадки Стивена, подозрительный пассажир свернул к ведущей на нижнюю палубе лестнице, чьи маршевые пролёты были огорожены надёжными и достаточно высокими

перилами. Хочет спуститься вниз, значит... Надоело смотреть на дышащий, словно огромное мифическое животное, город, раскинувшийся на сколько хватало глаз далеко внизу. Гудящий неслышными здесь голосами людей, машин, механизмов и дышащий тысячами фабричных и заводских труб.

Персонал корабля для спуска на нижнюю палубу также мог пользоваться специальным грузовым лифтом. Хитроумный механизм был способен легко поднимать и опускать до четырёх человек или две полностью гружёные тележки со спиртным и закусками. Стивен без промедления вкатил тележку на лифтовую площадку, закрыл решётчатую дверцу и достал из кармана лифтовый ключ. Вставив ключ в прорезь, он запустил привод подъёмного устройства. Негромко загудев, лифт начал свой неторопливый спуск на нижнюю палубу. О нетерпения Стивен переминался с ноги на ногу. Скорость пыхтящего механизма значительно уступала быстрым человеческим ногам, прыгающим через две ступеньки лестницы.

Когда лифт остановился, стюард не смог сдержать облегчённого выдоха. Торопливо распахнув дверцу и не забыв выдернуть ключ, он выкатил тележку и отчаянно закрутил головой. Где же он? Куда подевался этот странный, прячущий ото всех лицо человек?

Нижняя палуба прогулочного дирижабля разделялась на две неравные части. В первой – большей, располагались ресторация и салон класса «люкс» с удобными кожаными креслами, во второй – меньшей, находилось служебное помещение для членов экипажа, санузел и небольшой камбуз. В носовой части размещалась рубка управления, куда для всех посторонних вход был строжайше заказан.

Стивен аккуратно вкатил тележку в подсобку и воровато выглянул из-за шторы. Непростая задача – выследить ничем не выделяющегося человека из почти сотни пассажиров, развалившихся в креслах. Кто неотрывно смотрел в иллюминатор, кто почитывал утреннюю газету, а кто и потчевался чашкой горячего кофе. Стивен рассмотрел в глубине салона с нарочито воодушевлённым видом толкающего тележку со снедью Кита Вестерфельда и угощающую маленькую девочку медовым пряником белокурую Маргарет Вудинг. Синяя униформа стюардессы сидела на ней как влитая. Китель подчеркивал тонкую талию, а юбка не скрывала точёных лодыжек.

Вот только своего подозрительно подопечного Дэвис рассмотреть так и не смог. Куда он исчез? Он опередил лифт всего-то на несколько секунд! А вдруг он зашёл в туалет, ошпарила стюарда внезапная догадка? А что? И такой вариант вполне возможен. Дэвис, на цыпочках, стараясь не шуметь, подкрался к санузлу и замер напротив двух одинаковых на вид дверей. Одна вела в женскую кабинку, другая в мужскую. Торопливо схватив свежее полотенце и приняв беззаботный вид, Дэвис костяшками пальцев постучал в дверь мужской уборной, и, не ожидая ответа, нажал на ручку. К его разочарованию дверь тут же распахнулась. Всунув голову внутрь, Стивен не увидел ничего, кроме сверкающих хромом умывальника и унитаза. В прикрученном к стене зеркале отразилась помрачневшая физиономия самого Дэвиса. За иллюминатором проносились угрюмые сизые тучи.

– И где же тебя черти носят, приятель? – пробормотал под нос Стив, захлопывая дверцу. Должно быть, он всё же где-то в салоне. Наверняка сидит в одном из кресел и, знай себе, поплёвывает в потолок.

Стюард бы готов обругать себя последними словами. Да что с ним, в конце концов, происходит? Перечитался детективов? Решил поиграть в сыщиков? Ну подумаешь, человек от природы скрытен и не любит показывать лицо окружающим. Вдруг у него какая кожная болезнь? Или шрамы? И что, теперь с ходу записывать его в подозрительные личности? В преступника, укрывающегося от закона на борту «Королевы Виктории»? Дэвис аж фыркнул. Глушь несусветная.

Он повернулся к выходу из служебки, когда за его спиной скрипнула дверца женской половинки уборной. Дэвис машинально посторонился и, приложив два пальца к форменной шапочке, заученно сказал:

– Мэм.

Вместо вполне ожидаемого вежливого ответа, Стивен получил нечто иное. И совсем не в вежливой форме. Чьи-то пальцы сграбастали сзади его за воротник и сильно дёрнули назад. От полной неожиданности стюард и пикнуть не спел. С подкосившимися ногами, он чуть не упал навзничь, и только невидимые, но очень сильные руки не дали ему упасть. Его тут же развернули, пальцы переместились на горло, плотно стискивая шею, в левый бок упёрлось что-то острое, больно кольнув сквозь одежду, а в лицо ему уставилась бесстрастная маска, в прорезях которой сверкали тёмные холодные глаза.

– Услышу от тебя хоть один звук, и всажу тебе в лёгкое шесть дюймов стали. Умирать будешь долго и мучительно. Понял меня? – голос из-под маски доносился такой же ледяной, как и буравившие моментально вспотевшего Дэвиса глаза.

Бедному стюарду понадобилось совсем немного времени, чтобы понять две вещи. Во-первых, угрожающий ему расправой тип и человек, за которым он следил, одно и то же лицо. Тот же плащ, шляпа, поднятый воротник, рост. Единственным изменением была маска. Сделанная из тёмной кожи, она плотно прилегала к лицу тычущему ему в бочину дьявольски острым клинком человека. В маске были прорезы для глаз и маленькие отверстия напротив ноздрей и рта. И во-вторых, Стивен понял, что этот человек напрочь лишён чувства юмора и шутить не намерен. Сказал – зарежет, значит, зарежет.

И не думая дёргаться, Дэвис обречённо кивнул, насилу сглотнув. В горле внезапно пересохло, а ноги сделались ватными. Геройствовать под взглядом таких глаз совсем не хотелось. Да и силищи этому сумасшедшему ублюдку было не занимать. Не выделяясь особыми габаритами, он был здоров как бык. В его стальных руках Стивен чувствовал себя маленьким беспомощным мальчиком.

– Славный малый, – ровно сказал человек в маске. – Я сразу понял, что ты не дурак. Хотя и очень любопытный. Ты же следил за мной, верно, засранец? Чем я себя выдал? Что? Не слышу.

– Э-э-э... С-сэр, – прокряхтел Стивен, не зная, отвечать или же вновь отделаться кивком. Слова ползли по горлу как шершавые камни.

– Можешь говорить.

– В-вы показали мне... Показались подозрительным, – Стивен облизнул губы. Его руки были опущены вниз и прижаты к бокам. На горле он ощущал железную хватку, а холодные глаза этого бандита кололи не хуже стального жала.

В прорезях маски мелькнула насмешка. Мелькнула и та же пропала.

– И всего то? Наблюдательный, значит, да? И есть чутьё на жаренное? Ты определённо горишь свои таланты на борту этого летающего кашалота, парень.

Стюард торопливо моргнул, опять-таки не зная, как отреагировать на столь неожиданную вроде как и похвалу.

– Ладно, заболтались мы с тобой, дружок.

Человек в маске, не отнимая руки с клинком от тела трясущегося Дэвиса, повернул голову в сторону приглушено бубнящего салона.

– У нас мало времени. Не ровен час, кому-то приспичит отлить, или твои дружки найдут сюда за новой партией салфеток. Но не думай, остаток времени мы с тобой проведём с немалой пользой.

Стив вновь кивнул, полностью соглашаясь. Дьявол, да он бы даже согласился в такой ситуации выпрыгнуть из дирижабля в одних подштанниках!

– А теперь слушай меня очень внимательно, – человек-маска понизил голос и вплотную приблизил своё безликое лицо к посеревшей от страха физиономии Стивена. – Сейчас мы с тобой, как старые добрые друзья, пойдём к рубке управления. Ты будешь топтать впереди с самым безмятежным видом из всех возможных. Я буду идти следом, не отставая от тебя ни на шаг. А палец мой будет лежать на спусковом крючке револьвера, у которого дуло толще, чем твой член. Ясно? Молодец. И если тебе всё же вздумается вякнуть чего лишнего, я проделаю в твоей спине дыру величиной с этот сраный дирижабль. Мы подойдём к двери, и ты постучишь. На вопрос, какого дьявола тебе нужно, ты ответишь, что хочешь срочно поговорить с капитаном. Дескать, заметил на борту одного очень подозрительно человека. А когда дверь откроют, дальше действовать буду я. Всё понял?

– Ч-что вы за-задумали? – от ужаса Стивен начал заикаться. У него зуб на зуб не попадал со страху. А в голове как обезумевшие летучие мыши метались панические мысли. Неужели этот псих решил их всех перестрелять к чёртовой матери?!

Правильно истолковав проступившие на покрытом бисеринками пота лице трясущегося стюарда эмоции, человек в маске почти ласково сказал:

– Не волнуйся, малыш. Если твой капитан не идиот, а я думаю, что нет, то никто не пострадает. Слово даю. За кого ты меня принимаешь? Я не воюю с трудовым людом. Я сам часть рабочего класса. Я такой же, как и ты, дружище! Если все будут в точности выполнять мои приказы, то ничего страшного не произойдёт.

– А есс-сли нет? – набрался отваги проямлить Дэвис.

– Все мы когда-нибудь умрём, – буднично ответил Невидимка. – Но не всех из нас будут вспоминать потомки.

Потеющему, словно жарящийся под солнцем маури, Дэвису оставалось только беспомощно вылупиться на него. Несчастный стюард слушал и не верил своим ушам. Смотрел, но отказывался признавать происходящее у него под носом. Бред! Это всё слишком сильно напоминало кошмар, чтобы быть правдой. И вместе с тем во сне не чувствуешь, как по твоим рёбрам стекает тёплая противная струйка крови, а глотку стискивают железные клешни.

– Я... Я согласен, – прохрипел Стивен. Он обречён... Дьявол, да они все обречены!

Последние слова пленённого стюарда вызвали у Невидимки приступ негромкого смеха.

– Согласен? Ну значит мне вдвойне повезло с тобой, дружок. Идём, твою мать.

Террорист бесцеремонно развернул Дэвиса и дал пинка для ускорения. Тот на негнущихся ногах засеменял вперёд. Позади он услышал шорох и металлический щелчок. Дэвис лично никогда не слышал, по догадывался, что так звучит взводимый курок револьвера. Будто подслушав его мысли, страшный человек в маске приглушенно сказал:

– Топай-топай... Пушка уже у меня в руках. Думаю, ты не хочешь увидеть, как твои кишки украсят дверь кабины пилотов.

Стивен не хотел. Поэтому нашёл в себе силы пойти вперёд. Перед его глазами всё расплывалось, но ноги, превратившиеся в бесчувственные деревянные ходули, передвигались сами собой.

– Сэр, что вы здесь делаете? Туалет в другой стороне! – раздался в служебном отсеке громкий голос Кита Вестерфельда.

Не сказать, чтобы Дэвис сильно обрадовался, услышав своего коллегу. Наоборот, он чуть не поседел. Ну как же не вовремя! Если у него ещё теплилась надежда, что, следуя точным указаниям нацелившего ему в спину револьвер психопата, всё ещё обойдётся, то с появлением Вестерфельда... Не дай бог у бандита дрогнет палец на спусковом крючке! Стивен остановился и весь непроизвольно сжался, печёночкой чувствуя направленный на него ствол.

– О, Стив, а я тебя сразу и не заметил, – Кит вразвалочку подошёл ближе. Не замечал он и оружия в руке замершего в считанных футах от рубки управления Невидимки. – Ты зна-

ешь, что пассажирам запрещено находиться в этой части отсека? Хочешь получить нагоняй от начальства? Кто это такой?

– Не изволь беспокоиться, камрад, – голос Невидимки напоминал глухой шёпот. Он повернулся к назойливому стюарду, одновременно выхватывая из внутреннего кармана плаща второй револьвер.

Вестерфельда как на стену налетел, увидев безликую кожаную маску и зажатые в руках пассажира воронённые револьверы. Глаза стюарда чуть не вылезли из орбит, рот непроизвольно открылся в беззвучном пока крике. Не мешкая, Невидимка шагнул к нему и резко ударил рукоятью револьвера по переносице. Сочно хрустнуло, из ноздрей Вестерфельда брызнула кровь. С закатившимися глазами он рухнул как подкошенный к ногам террориста.

Всё это время бедный Стивен простоял ссутулившись, крепко зажмурившись и не думая даже о побеге. Услышав грохот падающего тела, он вздрогнул, словно получил в зад острым шилом.

– Господи боже, – чуть слышно шевельнул губами Дэвис.

– Здесь нет бога, приятель, – Невидимка никогда не жаловался на слух. Засунув револьвер обратно под плащ, он подошёл к Дэвису и грубо толкнул в спину. – Давай шевели копытами. Не бойся за своего дружка. Он живой. От сломанного носа ещё никто не умирал. У меня нет привычки убивать простых трудяг вроде вас.

Стивен открыл заслезившиеся глаза и продолжил путь. Должно быть, так шагают приговорённые к казни смертники, подумалось ему.

Застыв напротив металлической двери, стюард немного замешкался.

– Мне не хочется применять по отношению к тебе методы физического воздействия, – прошипел из-за плеча Невидимка. – Ты мне нравишься. Поэтому будь хорошим малым и впредь, и стучи в эту чёртову дверь!

В поясицу Дэвиса упёрлось твёрдое стальное дуло, опалив своим смертельным холодом даже через форменную куртку.

Подняв руку, такую же ватную, как и ноги, Стивен робко постучал. Наклонившись к торчавшему из стены рожку переговорного устройства, он сказал:

– Это Стивен Дэвис, мистер Дженнингс. Мне нужно срочно поговорить с капитаном. Я заметил на борту подозрительного человека.

Впоследствии Стив и сам не мог понять, как в тот момент он умудрился заставить свой голос звучать так внятно и чётко, несмотря на то, что внутри он превратился в трясущееся от страха желе. Тем не менее, даже не убирающий от его спины револьвера террорист что-то одобрительно заворчал.

– Подозрительный человек? – раздался из трубки голос второго пилота, по совместительству штурмана, Николаса Дженнингса. – Ты уверен, Дэвис?

– Абсолютно, сэр, – Стив на миг смежил глаза. – Он производит впечатление крайне неприятного типа. Как бы что не задумал... Не хочется зазря поднимать панику, но...

– Подожди.

Им не пришлось ждать долго. Не спел закусивший до крови губу Дэвис досчитать до пяти, как с обратной стороны щёлкнули запоры, и стальная дверь приоткрылась. На пороге появилась дородная фигура Дженнингса. Фуражка с позолотой, отутюженный китель, галстук. На вид штурману было около пятидесяти. Весьма солидная и колоритная фигура.

– Заходи, – буркнул, посторонившись, Дженнингс, ещё не замечая отступившего на шаг назад Невидимки. А потом было поздно.

Террорист со всей силы ударил незадачливого стюарда ногой в спину и, не мешкая, прыгнул следом. Дэвис снарядом влетел в рубку управления, чуть не сбив с ног изумлённо вытаращившегося Дженнингса. Невидимка ухватил опешившего штурмана за отворот кителя и сунул под нос револьвер.

– Живо внутрь! – рявкнул он в разом побелевшее лицо второго пилота.

Штурман попятился назад. Невидимка ударил его наотмашь по мясистой гладковыбритой физиономии и захлопнул за собой двери, одним движением крутанув запорный штурвал. От хлесткого удара штурман попятился ещё дальше. Зацепился за копошащегося на полу Дэвиса и снулой кучей рухнул навзничь.

– Дирижабль угнан, господа! – во всеуслышание заявил Невидимка, нацеливая револьвер на сидящего в капитанском кресле седоусого подтянутого мужчину.

– Я капитан этого судна Ричард Морвуд, – глядя на Невидимку, седоусый мужчина не убирал рук со штурвала. На его волевом лице не дрогнул ни один мускул. Террорист невольно проникся уважением к этому человеку. Настоящий камрад. – Я бы попросил вас объясниться, сэр.

– Всё очень просто, – Невидимка взмахнул револьвером и жестом велел подыматься второму пилоту и gidу. – Дирижабль идёт прежним курсом и совершает свой обычный маршрут. До тех пор, пока я не решу, что делать дальше. Вы, сэр, всё так же сидите в своём замечательном кресле и управляете кораблём. Прекрасный, кстати, вид отрывается отсюда... Ничуть не хуже, чем с верхней палубы... Так вот, продолжим. Ты, мой не в меру любопытный и наблюдательный друг, будешь сидеть тише воды ниже травы. А вы, сэр, если не ошибаюсь, второй пилот, телеграфируете в город одно сообщение.

Лицо капитан пошло пятнами. На шее забились яростная жилка. Он так глянул на террориста, что тот отсалютовал ему оружием.

– Вы мне нравитесь, кэп. Дьявол, да вы мне все нравитесь. Я почти люблю вас, ребята. Но не надо играть со мной в гляделки. Револьвер заряжен, и я, не раздумывая превращу вас всех в решето. Уверяю, стрелять я умею, а в таком ограниченном пространстве не промахнусь. И подумайте о двухстах ничего не подозревающих пассажирах, чьи жизни зависят от вас. Ответственность за них лежит целиком на ваших плечах. Представьте, что будет, если я здесь немного постреляю. Или же поднимусь наверх, в оболочку, и начну палить по резервуарам с водородом. В случае чего я готов умереть. Они – вряд ли.

– Будьте вы прокляты, – выдохнул капитан Морвуд. – Что вам конкретно надо?

– Вот это уже похоже на конструктивный разговор, – усмехнулся Невидимка. – Мне надо, чтобы меня услышали. И чтобы выполняли все мои условия. Мистер Дженнингс, набирайте номер Империял-Ярда и телеграфируйте туда вот это послание...

Невидимка выудил из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и швырнул под ноги отдувающегося в кресле второго пилота штурману. Дженнингс поднял листок и трясущимися пальцами начал его разворачивать. Стивен, стараясь не дышать, буквально влип в стену рубки, изо всех сил пытаясь увидеть, что было написано на листке. Капитан Морвуд, играя желваками, не выпускал из рук штурвал.

– Что это, господи Иисусе? – от лица Дженнингса отхлынула вся кровь.

– Ваш билет на спасение, господа, – Невидимка был серьёзен как никогда.

Джентри отпустил таксомотор, сразу обеднев на полфунта. Что ж, за скорость требовалось платить. А в нынешней ситуации быстрое передвижение означало экономию времени. А времени, как всегда, катастрофически не хватало. Сунув руки в карманы пальто, старший инспектор бодрой рысью припустил к вырастающему из глубины засаженного деревьями двора громадному трёхэтажному особняку, видевшему ещё времена расцвета монархии. Джейсона домина впечатлил. Становилось понятно, что обитающие здесь люди не привыкли пользоваться одним носовым платком на всю семью и подбирать упавшие на пол крошки.

Новый день не спешил радовать тёплой погодой. На улице было сыро и прохладно. Ставшими уже привычными с наступления осени серые тучи вновь затягивали небо над городом. Не за горами зима. И станет совсем не до веселья. Многие из живущих на дне её просто

не перенесут. М-да уж... Сдвинув шляпу на затылок, Джентри остановился напротив особняка и задрал голову, пристально осматривая здание. Особенно его интересовали выходящие на мощённую булыжником обширную подъездную площадку фасадные окна.

От намётанного глаз полицейского не ускользнули разной степени свежести следы от паромобильных колёс на подъездной площадке особняка. А кто бы сомневался? Если живущие тут люди могут позволить себе содержать такую громаду, то уж и в личных транспортных средствах не испытывают недостатка.

Ступая по въевшимся в камень полосам от жженой резины (лихачи тут обитают, однако!), Джентри уже не спеша подошёл к парадному входу и поднялся по широким мраморным ступеням. Двери его тоже впечатлили. Две створки высотой почти в два человеческих роста, из мореного дуба, окованные потемневшим от времени железом. Такие не вышибешь ничем кроме тарана. Не дом, а настоящая крепость. На всех окнах первого этажа Джейсон заметил декоративные решётки из металлических прутьев толщиной с большой палец.

Одёрнув пальто и поправив шляпу, Джентри потянул за свисающий шнур дверного звонка. Внимание инспектора привлекли бронзовые дверные ручки, отполированные до блеска частыми прикосновениями. Наверняка обитатели этого домика не привыкли засиживаться внутри его старинных стен...

Джейсон не успел, как следует продрогнуть, как одна из дверных створок почти бесшумно отворилась, и его взору предстал дворецкий. Собственно, смеривший Джейсона высокомерным взглядом старик кем-то другим быть и не мог. Глянув на него, Джентри понял, что это халдей в хрен знает каком поколении, преданный хозяевам как пёс и готовый загрызть любого, кто усомнится в этом.

– Чем могу быть полезен, мистер? – проскрипел старик, всем своим видом выражая крайнюю стадию заносчивости и апломба.

Джентри добродушно улыбнулся, рассматривая старика. Лет шестидесяти, долговязый, выше него, сухопарый, но всё ещё крепкий. От пронзительного взгляда льдистых блекло болотистых глаз у человека с менее крепкими нервами могла разыгаться диарея. Но Джейсон по долгу службы видел zenки и страшнее. Одни бельма Попрыгунчика чего стоили. Поэтому, ничуть не смутившись, Джейсон предъявил дворецкому жетон и сказал:

– Джейсон Джентри, старший инспектор Империял-Ярда, – он умышленно не назвал отдел, в котором работал. Джентри не сводил с дворецкого глаз, продолжая улыбаться. Его интересовала реакция этого похожего на высеченную из камня статую старикана. – Это имя четы Гиллрой?

– Да, сэр, – старик сощурил укрытый за пенсне глаз, придирчиво изучая бляху. Его морщинистое лицо не выдало никаких эмоций, а голос ни капли не изменился. Определённо крепкий орешек, подумал Джейсон, пряча жетон обратно в карман. – Что привело вас, инспектор?

– Я бы хотел поговорить с кем-нибудь из хозяев, – Джентри сунул руки в карманы пальто, не сводя со старика серых глаз. Ему показалось, что в глазах дворецкого всё же было нечто особенное, что отличало его от других. По первому впечатлению – непробиваемая стена. Монолит. Такого на испуг за здорово живёшь не возьмёшь.

– Мистера Гиллрой сейчас нет дома. Он на работе. Миссис Гиллрой несколько минут назад уехала.

– На чём? Она водит личный паромобиль? Вызвала кэб?

– Миссис Гиллрой отбыла на таксомоторе, – в голосе старика прорезалось негодование. – Её пригласили на утренний чай. Сэр.

– Угу... Спору нет, дело и впрямь наиглавнейшей важности... Очень жаль, поскольку я бы хотел с ними обсудить одно не менее важное дело, чем работа и чаепитие.

– Возможно, я смогу вам чем-то помочь? – Дворецкий изогнул бровь.

– А, собственно, почему бы и нет? Думаю, что вы вполне сгодитесь, – изобразив крайне глубокую задумчивость, сказал Джейсон. – А прохладно сегодня, не находите?

Старик молча посторонился, приглашая полицейского войти. Что-то, а вышколенным манерам он был обучен и любой полунамёк понимал мгновенно. Джентри с улыбкой кивнул и переступил через порог.

– Так как, говорите, вас зовут, старина?

– Шатнер, сэр. Уильям Шатнер.

Очутившись в холле, по размеру способном соперничать с палатой лордов, Джентри рассеяно почесал в затылке и зашарил по карманам. Дворецкий не сводил с него взора. Высоченный бездушный манекен, в чьих глазах теплится лишь намёк на жизнь. Джентри из всех сил старался изобразить обычного полицейского чинушу среднего пошиба, который уже с утра думает о сэндвичах. И судя по промелькнувшему в водянистых глазах старика презрению, у него это неплохо получалось.

– У вас очень красивый дом, мистер Шатнер, – Джейсон достал, наконец, прихваченный по случаю древний замусоленный блокнот. Который он незаметно умыкнул со стола Фергюсона. – Мне придётся кое-что записать... Понимаете, начальство всегда требует намного больше, чем человек в состоянии запомнить.

Инспектор заговорщицки подмигнул. Раскрыв блокнот на странице, заложенной карандашом, он увидел довольно плодовитый рисунок обнажённой красотки с глазищами на пол лица и громадными грудями, размер которых Джентри затруднялся определить даже приблизительно. Он закусил щёку изнутри и перелистнул страницу. Дьявол.

– Не желаете ли чашечку кофе, сэр? – Шатнер был само терпение и вежливость.

– Пожалуй, что нет. С утра предпочитаю несколько иные напитки! – гоготнул Джейсон, надеясь, что выглядит последним идиотом. – Кроме нас с вами никого в доме нет? Что-то я не вижу прислуги...

– Наш штат весьма ограничен, сэр. Дом на данный момент пуст. Дети в гимназии, хозяйка в разъездах.

– И вы один тяните на себе ляжку? Снимаю шляпу... Такой огромный дом... Тяжело, наверное, одному справляться со всем хозяйством? Неужели вы и кухней занимаетесь?

– Я получил весьма специфическое образование и прошёл необходимую подготовку, – с достоинством ответил старик. – Я служу семье Гиллроев уже сорок лет и начинал ещё при покойном мистере Роберте. Инспектор, вы так и не объяснили цели своего утреннего визита. Поверьте, мистер и миссис Гиллрой не те люди, что создают проблемы закону и порядку...

– А они не нуждаются в благотворительных обедах, на которых наливают по миске бесплатного супа, да? – Джентри неспешно осматривался по сторонам. – Вся эта отделка, колонны, галерея, камин, картины... Чёрт возьми, да я готов поклясться, что мрамор для холла привезли из Калисты, а вот этот ковёр стоит больше денег, чем я зарабатываю за год!

Дворецкий кивал каждому слову Джентри, словно в зажиточности хозяев была его собственная заслуга.

– Мистер Гиллрой получил от отца в наследство весьма успешное предприятие и немало преуспел в преумножении капитала.

– Да уж, наверняка что-то связанное со всей этой современной техникой, а? Ваш хозяин, должно быть, прозорливый человек, раз знает, во что вкладывать папочкины денежки. И я не могу поверить, что столь состоятельный джентльмен зажмёт несколько лишних фунтов и станет экономить на прислуге. Вы и детишек лично кормите с ложечки?

Шатнер, не сходя с места, с совершенно непроницаемым лицом выслушивал трескотню нахального констебля. Джентри догадался, что старик с удовольствием спустил бы его со ступенек. Поэтому он поднажал ещё сильнее.

– Я, конечно, извиняюсь, но вы не производите впечатление человека, способного найти общий язык с маленькими детьми. Раз они учатся в школе, значит, они ещё не достигли возраста, когда можно посещать салоны и кабаки! Ха-ха! И наверняка им нужна нянька, гувернантка там... Или же миссис Гиллрой до того заботливая мать, что в остальное, свободное от распития чая время, квохчет над ними как наседка?

– Сэр, я бы попросил вас... – дворецкий гневно повысил голос.

Джейсон миролюбиво поднял руки и взмахнул блокнотом.

– Извините-извините, мистер Шатнер, просто я немного увлёкся. Но мне и в самом деле интересно знать...

– Обычно у нас работает девушка, присматривающая за детьми, – сказал Шатнер, не меняясь в лице. – Я не стал говорить об этом, потому что последняя няня была уволена ещё три дня назад...

– Последняя? – тот же вцепился в слова дворецкого Джентри, размашисто черкнув в блокноте. – Значит, были и другие? И тоже уволенные? Чем они все вам не угодили? У вас завышенные требования к прислуге?

– В наше время довольно трудно найти компетентный служебный персонал, – сказал дворецкий. – А поскольку речь идёт о присмотре за детьми, то требования к нанимаемым и впрямь очень высоки.

– Три дня как уволили, говорите... – Джентри повторно черкнул в блокноте. Со слов Спунера выходило, что Элен Харт проводила рабочее время в имении Гиллроев с понедельника по субботу. Сейчас вторник. Со слов этого сухаря выходит, что расчёт она получила аккуратно в субботу. Но никаких заявлений о пропаже девушки в Двор не поступало. Джентри уже успел с утра проверить эту информацию. Значит, дворецкий бесстыдно врёт. И даже, сукин сын, не краснеет. Одного этого было достаточно, чтобы у инспектора возник повышенный интерес к этому, по выражению всё того же Спунера, «долбанному вертепу».

– Она что-то натворила?

– С чего вы взяли? – деланно удивился Джейсон. Ни в коем случае нельзя дать старику понять, что он раскусил его ложь. Если Элен Харт уже и нет в этом доме, то уволили её точно не в субботу. И не в воскресенье! Остаётся только понедельник. Вчерашний день. Так что же тут всё же произошло? И почему дворецкий делает из этого тайну? Девушка попала на краже столового серебра? Как-то сразу, без весомых доказательств, принять на веру всю рассказанную Джеком невероятную историю Джентри не мог. Но чем дольше он находился в холле огромного особняка, тем больше понимал, что тут, откровенно говорят, пахнет чем-то нехорошим...

Нюх Джейсона ещё никогда не подводил. Он с преувеличенным любопытством шарил взглядом по внутреннему убранству холла, в ожидании ответа старика.

– Я не думаю, что вас привело праздное любопытство, – сказал Шатнер. – И вы так интересуетесь нашей прислугой и этой девушкой в частности...

– У вас с ней были проблемы? Как её имя, кстати?

– Миссис Гиллрой не устроило качество её работы, – Старик даже не замешкался. – Девушка представилась как Элен Харт. Даже предоставила рекомендательные письма. Я думаю, что в них было больше вымысла, нежели правды...

– Вон оно как... – протянул старший инспектор, водя карандашом по листу блокнота. – Понимаете, в последнее время в Империял-Ярд поступило множество заявлений... По поводу качества obsługi, ха-ха! Из ваших мест как раз. И меня отправили обойти все приличные дома в вашем квартале... Представляют, начали поступать жалобы, что в дома богатых и уважаемых жителей устраивается работать одна девушка – молодая, симпатичная – нянечкой, кухаркой, не важно. Важно то, что вскорости в тех домах начинали пропадать весьма ценные вещи. А сама девушка спустя какое-то время бесследно исчезала. И так до следующего раза. При-

знать, начальство, будь оно не ладно, тянуло резину до последнего, пока жалоб не накопилось столько, что под ними скрылся весь стол комиссара Двора!

Джентри умолк и достал из кармана очередной полицейский фетиш – измятую замусленную сигару с обгрызленным кончиком. Пахла она просто ужасно, но старший инспектор мужественно вставил эту древнюю вонючку в рот и стиснул зубами.

– Шпичек не найдётся? – прогнусавил он, невинно глядя на дворецкого.

От взгляда Шатнера сигара могла вспыхнуть и без огня. Он возмущённо зыркнул на полицейского.

– Я бы попросил вас удержаться от закуривания, сэр. Миссис Гиллрой запрещает дымить по всему дому. Даже мистер Гиллрой курит исключительно в своём личном кабинете.

– О как... Жаль, не могу без курева, – Джентри с сожалением спрятал сигару обратно во внутренний карман пальто. Он никогда не курил. – Так что скажете, старина? Не подходит ли эта деваха под описание вашей уволенной няни? И вы точно уверены, что у вас ничего не исчезло? Может, вы хотите, пока я здесь, написать заявление? Убьёте двух зайцев сразу!

По виду дворецкого несложно было догадаться, что с большим удовольствием он бы убил самого Джентри. Высокий старик поправил пенсне, скрывая рукой промелькнувшую на лице гримасу, но всё же невозмутимо сказал:

– Мне неизвестно, относится ли наша бывшая няня к разыскиваемой вами даме. Но я могу с уверенностью сказать, что все ценные вещи в доме остались на своих местах. Эта девушка пусть и сразу не внушила мне доверия, воровкой всё же не была. Она была плохой няней, но не лазала по чужим карманам. А из-за качества её работы никто не стал бы поднимать столько шума! Скорее всего, она и эта ваша... бандитка – совершенно разные люди.

Джейсон удовлетворённо отметил про себя, что, похоже, начал допекать этого непробиваемого истукана. Ещё несколько скользких и неприятных вопросов, и он начнёт багроветь от злости.

– Уверены? Наш штатный художник нарисовал её приблизительный портрет. Вот, не изволите взглянуть?

Джейсон раскрыл блокнот на странице с намалёванной картинкой грудастой девицы и подsunул под нос дворецкому.

– Вы хорошо видите?

– Я ещё не в том возрасте, чтобы жаловаться на зрение, – процедил Шатнер, скользнув по художественному безобразию Фергюсона быстрым взглядом. От Джентри не укрылось, что брови старика на краткий миг чуть приподнялись и тут же опустились. Будто он ожидал увидеть нечто совсем иное и, не увидев этого, не смог до конца скрыть облегчение.

– Нет, сэр. Это определённо не она. Ничего общего, – сказал Шатнер, отодвигаясь от Джентри. – Это не наша бывшая нянька.

– Ну что ж, могу вас поздравить. Вы в числе тех счастливичков, до которых эта предприимчивая дамочка ещё не успела добраться. Но предупреждаю, будьте бдительны. От подобных людей можно ожидать чего угодно. И поосторожней с выбором новой няни, старина!

Джентри панибратски похлопал дворецкого по затянутому в серое сукно плечу. Если Шатнеру и не понравилась подобная фамильярность, то он стоически промолчал. А Джейсон подивился про себя, насколько твёрдое плечо оказалось у старика. Словно дотронулся до железного дерева. Не иначе, цепной пёс Гиллроев был крепок и жилист, как молодой спортсмен, профессионально занимающийся боксом.

– Прошу меня простить, но у меня ещё очень много дел, – кашлянул дворецкий, деликатно намекая полицейскому, что тому пора выметаться из дома ко всем чертям собачьим.

В принципе, Джерри уже был сыт компанией престарелого сноба по самое горло. Ещё один вопрос, и он отправится восвояси. Но этот последний вопрос он задать обязан. На улице. Там будет самое место.

Дворецкий открыл перед инспектором двери и вежливо поклонился. Выходить наружу он определённо не собирался. Джейсон отправил блокнот в карман и, задержавшись на пороге, резко щёлкнул пальцами, словно только что вспомнил одну невероятно важную вещь. Шатнер тяжело уставился на него.

– Сэр? Домашние дела меня не будут ждать. Если я более ничем не могу вам помочь, а у вас закончились бесконечные вопросы, то я бы попросил...

– Не горячитесь старина. А то подскочит давление. Это вредно в вашем возрасте, – дурашливо оскалился Джентри, поднимая воротник пальто. – Я уже ухожу... Но не могу не спросить... У вас часто бывают гости?

Держась за дверную ручку, дворецкий моргнул невыразительным глазом за стёклышком пенсне.

– Гости?

– Ну да, гости, – Джейсон был само терпение. Он кивнул на подъездную площадку. – Я смотрю, что у вас имеется как минимум два паромобилия. И вы часто ими пользуетесь. Практически каждый день. Столько следов от шин...

– Вы угадали, инспектор, – с прохладцей сказал Шатнер. – Мистер Гиллрой ездит на работу на личной машине. А я каждый день отвожу и забираю детей из их гимназии. И, бывает, отлучаюсь по особым распоряжениям. Миссис Гиллрой обычно вызывает таксомотор или карету.

Джейсон хмыкнул под нос нечто нечленораздельное. Он не спешил выходить за дверь, справедливо подозревая, что стоит двери захлопнуться за его спиной, и больше дворецкий ему не откроет, хоть стучись он до посинения.

– А ещё я заметил несколько весьма интересных следов, которые не имеют никакого отношения к повозкам и паромобилиям. Отпечатки чего-то, похожего на металлические гусеницы. По большей части старых... Но одни совсем свежие. У вас что – недавно парковался паровой тягач? Или, может быть, танк?

Идиотски заржав, Джейсон покосился на старика. Ну же, ну же, дрогнул ещё чуть-чуть.

– Иногда, по особым случаям нас посещает доктор Абрахам Аткинс, – процедил старик. Костяшки его пальцев, впившихся в дверную ручку, побелели. И это не укрылось от Джентри. Ага, дружок, не такой уж ты и непробиваемый. – Надеюсь, вам не нужно объяснять кто это. У мистера Гиллроя хватает влиятельных и известных друзей...

В словах Шатнера отчётливо проявился отголосок угрозы. Началось, чуть не вздохнул старший инспектор. Почему-то всегда подобные люди начинают в крайнем случае вспоминать о могущественных и сильных друзьях и покровителях. Должно быть, он и впрямь наступил на большую мозоль.

– Это который директор психушки, что ли? Он оказывает дружеские консультации вашим хозяевам? – подивился Джентри. – Он разъезжает на танке?

– У доктора весьма своеобразный экипаж, – уклончиво ответил дворецкий. – И между Гиллроями и доктором исключительно дружественные отношения. В этом доме никто не страдает психическими расстройствами.

– Ясно. Ну, не буду вас больше задерживать. Больше у меня вопросов нет.

Не прощаясь и оставив старика сверлить помрачневшим взглядом его спину, Джентри торопливо двинулся прочь. Больше его ничто тут не держало.

Перейдя проезжую часть и вступив на тротуар, Джентри остановился и обернулся к оставшемуся на другой стороне улицы огромному особняку. У старшего инспектора сложилось устойчивое мнение, что Шатнер многое не договаривает. О некоторых вещах он умолчал, а в чём-то и просто в наглую врал. Вопрос в том, какие такие грешки своих столь занятых и деятельных хозяев он покрывает...

Ноздри Джейсона широко раздулись, втягивая студёный ноябрьский воздух. А вместе с воздухом Джентри вдыхал аромат витающей вокруг опасности. Имение Гиллроев вызвало в нём самые неприятные, колющие прямо в подсознание ощущения. Словно в голове застучали маленькие молоточки, без усталости бьющие тревогу. Да, запах жаренного... Джейсон как никто другой знал его вкус, такой осязаемый и пробуждающий азарт охотничьей гончей.

– Очень интересно... – пробормотал полицейский, рассматривая из-под полей шляпы старинный дом, напоминающий притаившегося в засаде огромного хищника. Было бы неплохо нагреть к этим богатым с обыском. Но у него нет ордера. И вряд ли появится. Одних лишь подозрений и голословных обвинений на основании брехни уличного воришки, мягко сказать, недостаточно, чтобы убедить судью поставить нужную подпись на бумажке...

Джентри чуял, что всунул голову в осиное гнездо. Только бы не растревожить дремлющих в нём полосатых ядовитых убийц. Ему было достаточно собственных подозрений и сделанных в течение последнего получаса выводов. По крайней мере, половина из рассказанного Джеком Спунером было правдой. Гиллрой были на короткой ноге с Абрахамом Аткинсом. Элен Харт действительно работала в этом доме няней. И как в воду канула при весьма непонятных обстоятельствах. Заявления о её исчезновении раньше следующего понедельника ждать не придётся. Родители хватятся девушку только в воскресенье. Наверняка прибегут сюда. Выслушают ту же скормленную дворецким Джентри историю, и только потом обратятся в Империял-Ярд. А пройдёт уже целая неделя. А Джейсон не понаслышке знал, что если в Столице пропал человек и его не нашли в ближайшие несколько дней, то на его дальнейшей судьбе можно ставить крест.

Положенице... У него хватает проблем с распоясавшимся Попрыгунчиком. Гордон Крейг всё ещё находится под его присмотром. С начальством отношения самые напряжённые из всех за последние годы. И если он сунется с этой невероятной историей к Вустеру, то огребёт так, что мало не покажется. Комиссар и слушать ничего не захочет о якобы причастности столь уважаемых людей к исчезновению какой-то там девахи из Промышленных районов. А стоит Джейсону произнести имя директора Мерсифэйт, как его самого упекут в психушку. Доказательства, необходимы веские доказательства. А их у старшего инспектора не было и в помине. Собственно, он и сам до конца не был уверен в том, что Джек ничего не приукрасил, или же эта Генриетта Барлоу не навешала ему лапши на уши. На одних подозрениях и предчувствиях в его профессии далеко не уедешь. Хотя и без них никак.

Но складывать лапки и бездействовать Джентри тоже не собирался. Если всё сказанное Джеком окажется правдой, то может политься такое дерьмо... Дельце тянуло чуть ли не на преступление года. И так просто отступить Джейсон не хотел. Он недаром слыл известным упрямым.

Элен Харт. Он никогда не видел этой девушки. Знать её не знает. Но возможно, что с каждой минутой срок отмеренной ей жизни стремительно истекает. Как падающие крупы в песочных часах. Джентри внезапно захотел схватить эти часы и перевернуть.

Генриетте за последние месяцы доводилось прозябать и в более худших условиях. Не говоря уже о том, что зачастую просто напросто нечего было жрать. Всё познаётся в сравнении. Поэтому ставшая её тюрьмой запылённая комната спустя какое-то время стала казаться девушке вполне себе приемлемым жильём. За шиворот не льёт, ветер до костей не пронизывает, под ногами не хлюпает. Плюс выданное чудовищным тюремщиком старое, латанное, но всё же толстое ватное одеяло. Очень неплохо. Да и пища, которой потчевал её Попрыгунчик, была сносной. По крайней мере, регулярной. И о воде не забывал. Так что замёрзнуть или умереть от жажды и голода ночной бабочке не грозило.

Так и привыкать начнёт! А привычка – это страшная вещь. И стоит ей привыкнуть к нынешнему заточению, как считай, что наполовину она проиграла. Привычка убивает стрем-

ление идти вперёд, преодолевать трудности. Привычка уничтожает волю и на корню губит любую борьбу. Зачем сражаться, когда можно спокойно довольствоваться малым? А то ещё не известно, на что нарвёшься! Вдруг огребёшь по голове? Так для чего усложнять себе жизнь? Лучше так, потихоньку. Жива вроде пока, ну и ладно. А дальше видно будет.

Она изо всех сил гнала прочь подобные мысли. Нет, ни за что. Она должна быть начеку. Всегда наготове. И при случае использовать любой шанс. Пол шансика, чтобы сбежать. В любой момент эта захламлённая кладовка может стать её могилой. Она зависит от настроения маньяка. Безумный мозг страшного преступника определяет, сколько она ещё проживёт и как. И нет никакой гарантии в том, что через несколько минут похитивший её подонки не вломится сюда, чтобы убить. Вот вам и привычки...

Попрыгун милостиво оставил зажжённым притулившийся у двери газовый рожок. И Генриетта радовалась желтоватому огоньку застеклённого фонарика как яркому жаркому солнцу. Приглушенный свет создавал хоть какой-то, но уют в её темнице. Правда, он порождает множество прячущихся по углам теней. Но Генриетта не боялась теней. Она давно поняла, что в этой жизни бояться больше остального нужно людей.

Как и обещал, Джек принёс ей ведро. «Надеюсь, ты не промахнёшься и не напрудишь лужу мимо» – сказал он, глумливо ухмыляясь ей в лицо. – «Мне бы не хотелось заставлять тебя вылизывать собственную мочу!» Генриетта покраснела от стыда как вареный рак. Но она была не в том положении, чтобы спорить. Без ведра ей точно никак! Так же Прыгун не преминул напомнить, чтобы она сидела тихо как мышка и не вздумала бузить. Иначе он не ручается за себя и свои кулаки. Бежать ей некуда, услышать её никто не услышит, и она должна молиться, чтобы с ним ничего не случилось, иначе сдохнет тут и успеет десять раз разложиться, пока её всё же по чистой случайности найдут лет эдак через пятьдесят.

Угрозы маньяка несли в себе совершенно определённый посыл. Генриетта не была дурочкой, чтобы не уметь читать между строк. Но какими бы угрозами не сыпал Попрыгунчик, он не мог запретить ей думать о побеге. Она не собиралась подыхать в этой затхлой норе. О нет. Не для того она едва ли не впервые в жизни решила поднять голову и перестать прятаться на дне, уткнувшись носом в грязь. Нет. Безропотно подставляться под нож в планы Генриетты не входило никаким боком. Она что-нибудь придумает. Пусть она и совершила немало глупых поступков, но назвать её глупой как пробка мог только тот, кто её совершенно не знал.

Девушка сидела в углу комнаты на продавленном диванном пуфике, закутавшись в одеяло. Она не отрывала глаз от горевшего газового рожка. Огонёк освещал крепкие запертые двери. Там, за этими дверями, была свобода. Но что толку пялиться на них? Да хоть протри она взглядом дыру в двери, она от этого не откроется. Надеяться на то, что её кто-то ну совершенно случайно найдёт и спасёт, тоже не приходилось. Поимо прочего Генриетта знала, что сказок со счастливым концом в жизни тоже не бывает. Никто её не спасёт кроме неё самой. Поэтому она сидела, подтянув коленки к груди и думала. Под толстым одеялом было относительно тепло, в желудке ещё не переварился обед из куска свежего хлеба с сыром и колбасой. В комнате было тихо. Поэтому ничто не мешало ночной бабочке сидеть и думать. И слушать.

Любой посторонний шорох, любой необычный звук мог помочь ей. Всё что угодно, лишь бы разбавляло тишину. Самый незначительный шум извне, который подарил бы надежду. Чтобы спастись, она должна, сидя внутри, хотя бы приблизительно определить, где она находится. И тогда уже можно будет думать о дальнейших перспективах. Поэтому Генриетта сидела неподвижно, наострив уши и затаив дыхание. Конское ржание, скрип кареты, гудок паромобильного клаксона, свисток патрульного констебля, голос, крик, плач – всё что угодно.

Пока же Генриетта улавливала только шебуршание местных мышей и шорох скрывающихся от глаз тараканов. Вполне себе обычные звуки любой забитой запылённым скарбом кладовки, в которую хозяйева заглядывают от силы раз в полгода, чтобы подбросить очередную отслужившую своё вещь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.